

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

С. В. Везиницына

Саратовский государственный университет
E-mail: vezinicasv@rambler.ru

В статье рассматривается процесс формирования социально-технологического подхода к управлению общественным развитием в концепциях Платона, Аристотеля, К. Мангейма, К. Поппера.

Ключевые слова: социальная технология, историцизм, социальное управление.

Basic Stages of Establishment of the Social-Technological Approach to Social Management

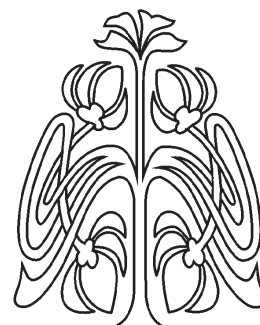
S. V. Vezinitsyna

The article discusses the formation of the socio-technological approach to the management of social development in the concepts of Plato, Aristotle, K. Mannheim, K. Popper.

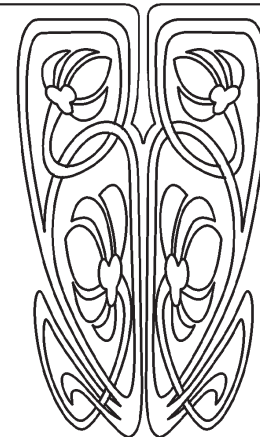
Key words: social technology, historicism, social management.

Из существующих современных определений и характеристик категории «социальная технология» очевидно, что на настоящий момент это понятие трактуется очень широко. Настолько широко, что любое более или менее рациональное управленческое воздействие на социум подпадает под категорию средств управления обществом, именуемую социальными технологиями. Практически ни одно из существующих на сегодняшний день определений не содержит в себе исключяющих моментов, т. е. таких элементов, которые четко указывали бы на то, какие средства возможно отнести к классу социальных технологий, а какие нет. В связи с вышесказанным нам представляется целесообразным рассмотреть историю развития теории социальных технологий, проследить логику развития научных взглядов на данную проблему. Начать подобное рассмотрение необходимо с момента появления более или менее целостных концепций рационального, программированного, научного воздействия на общество и общественное развитие. В рамках данной статьи будут рассмотрены только некоторые теории, в которых наиболее явно и четко просматриваются либо элементы теории социальных технологий, либо конкретные средства управленческого воздействия, которые возможно отнести к классу социальных технологий.

Рассматривая вопрос о сущности социальных технологий, мы невольно затрагиваем один из глобальных вопросов всех общественных наук вообще и социологии в частности: возможно ли управление обществом, а если возможно, то в какой мере, и какую роль в этом процессе должна играть социология. По различным источникам возникновение социальных технологий как отдельного направления в системе научного знания варьируется от начала XX в. до 70-х гг. XX века¹. Такой разрыв, на наш взгляд, объясняется рядом факторов. Прежде всего, к ним следует отнести разрыв между теорией и практическим применением социальных технологий. Дело в том, что до 70-х гг. XX в. эти направления развивались параллельно и часто не пересекались. Социальные технологии в теоретическом аспекте

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

рассматривались преимущественно глобально и часто имели идеологическую окраску. В практической деятельности подобные средства довольно широко применялись, однако не имели под собой, за некоторыми исключениями, проработанной теоретической основы и не обозначались как социальные технологии. Более того, на практическом уровне социальные технологии использовались практически с возникновения общества как социального образования со всеми присущими ему признаками и элементами.

Попытки осмысления данного феномена предпринимались еще в Древней Греции такими античными мыслителями, как Гесиод, Платон, Аристотель. В Античности же были заложены два основных подхода к данной проблеме, которые позже были обозначены как историцизм и социально-технологический подход.

Первый подход кладет в основу развития общества различные социальные и исторические законы, закономерности, ритмы, тенденции. Общество видится историцистами как некое образование, развивающееся по заранее заданным законам. Отсюда следуют два принципиальных вывода. Во-первых, историческое развитие можно предсказать. Во-вторых, управление обществом будет эффективным и не станет тормозить общественную эволюцию лишь в том случае, если управляющие субъекты в полной мере осознают историческую закономерность и будут действовать в русле последней.

К представителям историцизма мы можем отнести Гесиода, в некоторой мере Платона, О. Конта, К. Маркса. Наиболее ярко демонстрирует основные концептуальные положения историцизма высказывание К. Маркса в его предисловии к «Капиталу»: «Когда общество находит естественный закон, определяющий его развитие, даже в этом случае оно не может ни перескочить через естественные фазы своей эволюции, ни выкинуть их из мира росчерком пера. Но кое-что оно может сделать: сократить и облегчить родовые муки»².

Противоположным историцистскому подходу является социально-технологический подход, который базируется на признании принципиальной управляемости обществом и человеческим поведением. Сторонники такого подхода «не задают вопросов об исторических тенденциях или о предназначении человека. Они верят, что человек – хозяин своей судьбы и что мы можем влиять на историю или изменять ее в соответствии со своими целями. Они не верят, что эти цели навязаны нам условиями или тенденциями истории, но полагают, что они выбираются или создаются нами самими»³. Это общие теоретические положения социально-технологического или социально-инженерного подхода, акцент на которые будет сделан при рассмотрении взглядов Карла Поппера. Однако, соблюдая хронологическую последовательность, вначале необходимо проследить зарождение и развитие социально-техно-

логических концепций, вычленив их в творчестве различных философов.

Философом, который впервые не только выдвинул, но и обосновал идею о том, что человек способен своим усилием преодолеть фатальную историческую тенденцию установить такое государственное или общественное устройство, которое было бы справедливым и свободным от пороков других государств, был Платон.

Наиболее характерные периоды, которые одновременно являются «важнейшими разновидностями существующих государств», описываются Платоном следующим образом: первым на смену совершенному государству приходит «тимархия», или «тимократия» – государство благородных воинов, сражающихся за честь и славу. За ней идет олигархия – правление богатых семейств. «Из нее возникает отличная от нее демократия» – царство свободы, следствием которой является беззаконие, а «четвертым и крайним заболеванием государства является тирания»⁴. Как мы видим, история социального разложения является для Платона историей болезни: болеет общество, а политик должен стать врачом, избавителем.

Платон с помощью применения социальных технологий решает в своем произведении проблему предотвращения классовой войны не путем ликвидации классов, а путем придания правящему классу непререкаемого превосходства. Огромное значение в своем идеальном государстве он придает обучению и разнообразным формам психологического воздействия, а также путям подавления экономических интересов, способных повлечь за собой разобщенность общества.

Экономическая воздержанность достигается им путем отмены частной собственности, особенно на драгоценные металлы. Право общего обладания относится также к женщинам и детям. Семью следует уничтожить или, точнее, расширить ее до размера всего класса воинов.

Для Платона было одинаково важным избежать не только бедности, но и процветания. И то, и другое таило угрозу единству: бедность – потому что заставляет людей применять отчаянные усилия для удовлетворения своих потребностей, а процветание – потому что причиной большинства изменений являются изобилие, богатство, делающие возможными опасные эксперименты.

Ради блага целого Платон жертвовал интересами человеческой личности. Общество низводилось на уровень муравейника. В его проекте заложены зачатки будущих режимов, где все стороны жизни общества и личности подлежат регулированию и контролю со стороны государства. Платон считал, что развитие человечества, в конечном счете, зависит от качества человеческого материала, а следовательно, от создания в людях новых качеств. Таким образом, уже в работах Платона возможно увидеть конкретные проекты социально-технологических воздействий.

Однако мы не можем назвать Платона представителем только социоинженерного подхода. Дело в том, что эта лежащая на поверхности концепция Платона дополняется его философским учением об историческом развитии, согласно которому всякое социальное изменение есть гниение, распад, вырождение. Этот исторический закон, в свою очередь, является частью космического закона, по которому все сотворенные вещи текут и ждут своего распада. Да, люди могут сверхчеловеческими усилиями преодолеть эту губительную тенденцию, но только полностью остановив, затормозив социальное развитие. Очевидно, что в трудах Платона историцизм и социальная инженерия образуют своеобразную комбинацию, где соединяются социально-технологические элементы и историцистское учение.

В трудах Аристотеля, ученика Платона, элементы социальной инженерии и социально-технологического подхода прослеживаются уже более четко. Он рассуждает о различных видах государственного устройства, выделяет в них правильные и неправильные, предлагает, как и Платон, идеальную модель государственного устройства. Однако, несмотря на такие рассуждения, он оправдывает любой государственный строй, предлагая при этом усовершенствовать каждый из них с целью «обеспечить их устойчивое состояние»⁵. В своей основной работе по вопросам общества и общественного устройства «Политика» рассматриваемый автор отмечает: «Следует иметь в виду не только наилучший вид государственного устройства, но и возможный при данных обстоятельствах.... Следует постараться ввести такой государственный строй, который при данных обстоятельствах оказался бы легче всего приемлемым и гибким... Государственный муж должен уметь помочь усовершенствованию существующих видов государственного строя»⁶.

Объектом воздействия у Аристотеля выступает масса. Это фундамент полиса, его наиболее устойчивая опора. Ее составляют полноправные граждане государства, все те, кто являются членами народного собрания. Верховная власть также должна принадлежать массе, но не усредненным ее представителям, а «годным людям»⁷.

Народ, подчеркивает Аристотель, должен постоянно чувствовать себя причастным к высшей власти. Это требование касается всех форм государственного правления. Недопущение к осуществлению гражданских прав, нарушение справедливости, проявление наглости – все это ведет к государственным переворотам. Там же, где этого нет на самом деле, правители должны позаботиться о том, чтобы у народной массы была иллюзия обладания верховной властью. Олигархам и тиранам он предлагает различные советы для поддержания подобных иллюзий. Каждую из этих мер, предложенных Аристотелем, мы можем отнести к той разновидности социальных

технологий, которые Карл Поппер называл «поэлементными» социальными технологиями⁸.

Таким образом, уже в творчестве древнегреческих мыслителей мы можем увидеть зачатки теории социальных технологий, которая впоследствии будет активно развиваться и достигнет своего апогея в XX веке.

Довольно отчетливо возможно проследить элементы социально-технологических концепций в творчестве Николо Макиавелли. В своих работах «Государь», «История Флоренции» и «Рассуждения о последней декаде Тита Ливия» он дает советы относительно того, «какими способами государь могут управлять государствами и удерживать над ними власть»⁹. Сам он, естественно, не обозначает свои указания по завоеванию, удержанию и укреплению власти как социальные технологии. Однако мы вправе по ряду таких признаков, как разделение процесса политического управления на связанные между собой этапы, направленность на достижение конкретного результата, а также однозначность выполнения указанных процедур и операций, отнести описанные Макиавелли действия к социальным технологиям.

Конечной целью применения всех социальных технологий у Макиавелли является укрепление власти государя и усиление могущества державы. Нельзя сказать, что автор не затрагивает при этом моральных аспектов применения подобного рода воздействий, однако он пытается всячески оправдать применение силы и жестокость по отношению к народу: «Жестокость применена хорошо в тех случаях, когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо поданных»¹⁰.

Помимо действий по управлению государством, Макиавелли дает ряд советов по созданию, выражаясь современной терминологией, «имиджа» государя. Он отмечает, что «раз в силу своей природы человек не может иметь только одни добродетели, то благородному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более»¹¹.

Если до конца XIX в. мы вправе говорить только об элементах социально-технологических концепций в творчестве различных философов, рассматривая их через призму современных теоретических построений, то с начала XX в. в рамках социальных и экономических наук начинается развиваться новое направление, которое впоследствии было обозначено как социальная инженерия. В отличие от рассмотренных выше концепций, которые представляют собой социальные технологии как совокупность определенных методов, средств, способов воздействия на социальные объекты, изложенных в текстах, новые научные исследования представляют собой уже теорию социальных технологий, т. е. область знания, рассматривающую теоретические

аспекты создания и использования социальных технологий.

Значительная роль в осмыслении феномена социальных технологий принадлежит выдающемуся немецкому философу и социологу Карлу Манхейму. По мнению Манхейма, при анализе общественных изменений следует исходить из того, что мы живем в массовом обществе. Управление же массами не может осуществляться «без ряда изобретений и усовершенствований экономикой, политической и социальной технологии». Под социальной технологией Манхейм понимает совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля¹².

Конечной целью любой социальной технологии Манхейм считает повышение эффективности и централизацию социального управления и контроля, которая, в свою очередь, благоприятствует правлению меньшинства. К инструментам подобной централизации власти в руках меньшинства автор относит телефон, телеграф, радио, железные дороги, автомобили и, наконец, научное управление с помощью крупных организаций. Подобная же концентрация имеет место и в области формирования общественного мнения, отмечает Манхейм. В этом направлении действует механизированное массовое производство идей с помощью прессы и радио, а также возможность контролировать школу и всю сеть образования из единого центра. Создание и применение социальных технологий базируется, по мнению ученого, на принципиальной возможности сделать объектом социального контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными.

Хотя Манхейм и указывает неоднократно на то, что технологии сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими, а все зависит от того, как захочет их использовать человек, мы можем заметить его явно негативное отношение к социальным технологиям. Рассматриваемый автор считает, что социальная технология ограничивает возможности развития современного общества, так как в ней содержится тенденция к усилению централизации и, следовательно, к укреплению власти меньшинства и диктатуре, тоталитарному государству.

Его прогноз пессимистичен, так как он считает, что, учитывая опыт Германии, Италии, России и других тоталитарных стран, вопрос о том, когда та или иная группа пока еще в демократических странах прибегнет к такой технологии – только вопрос времени и возможности.

«Если же эту технологию постоянно контролировать и заставить служить добрым целям, если не технология господствует над человеком, а человек над технологией, то ее можно считать одним из самых великолепных достижений человечества»¹³. При этом ведущую роль должно

играть планирование социальных процессов, в том числе и идеологическое, духовное.

Завершая разговор о Карле Манхейме, следует отметить, что он внес значительный вклад в разработку теории социальных технологий, впервые заострив внимание на эмоциональной нейтральности этого феномена самого по себе. Однако более целостную и завершенную концепцию социальных технологий мы можем найти у Карла Поппера, который в своих трудах не раз вступал в научный спор с вышеуказанным автором.

Будучи сторонником социально-технологического подхода, Поппер открыто выступал против представителей историцизма. В своих работах «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги» он пытался доказать, что историческое развитие лишено каких-либо тенденций, законов своего развития, а поэтому принципиально непредсказуемо. В противоположность историцизму, Поппер предлагает технологическую социальную науку, которая видит своей основной задачей разработку средств, помогающих избежать нереальных социальных конструкций¹⁴.

С точки зрения социально-технологического подхода к социальному управлению какой-либо план преобразования общества практичен и реалистичен, если он не противоречит известным фактам и законам социальной жизни. Согласно историцизму же этот план нереален, так как не принимает во внимание законов исторического развития.

Однако Карл Поппер не только противопоставлял историцистскому подходу социально-технологический. Внутри последнего он выделял также два различных направления: утопическую социальную технологию и поэлементную социальную технологию. Принципиальное отличие между ними заключается в том, что поэлементная социальная технология никогда не может быть направлена на преобразование общества как целого. Какие бы цели не ставил перед собой поэлементный социальный технолог, он достигает их с помощью мелких исправлений и переделок, постоянно внося какие-либо изменения, всегда учитывая при этом последствия проводимых реформ. Утопичная же социальная технология, по мнению Поппера, всегда публична. Она нацелена на сложные и масштабные реформы. Именно такой подход, отмечает автор, характерен для творчества Карла Манхейма, который говорит о контроле и перестройке общества как целого. Больше всего же в утопической социальной технологии Поппера не устраивает то, что чаще всего она остается просто программой, в которой, кроме того, не учтены возможные последствия предлагаемых масштабных преобразований¹⁵.

Таким образом, Карл Поппер видел основной целью поэлементной социальной технологии устранение конкретных пороков общественного развития непосредственными (или неполитическими) методами.

В процессе дальнейшего развития социально-технологических концепций произошла существенная трансформация обозначенных выше подходов. Она, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. Однако можно констатировать, что социально-технологический подход к общественной жизни получил самое широкое распространение. Этому процессу способствовал ряд причин. К объективным причинам можно отнести, прежде всего, переход к постиндустриальному обществу, к технологической и информационной цивилизации. Сначала в странах Запада, а затем и в России многократно возросла роль науки и техники и связанных с ней специалистов.

Изменения в научно-технической сфере не могли не отразиться и на социальных процессах, имеющих место в обществе. Еще в XIX в. особый интерес вызвала идея о построении жизни на рациональных, научных основаниях, в том числе и ее социальных аспектов. Странником такой идеи выступал, например, отец социологической науки О. Конт, который считал, что со вступлением в эпоху позитивизма жизнь в обществе начнет строиться по научным принципам и руководить этим процессом будет наука, которую вначале он обозначил как социальную физику, а затем как социологию.

Таким образом, причиной того интереса, который имеется на сегодняшний день к проблеме социальных технологий, стала в основном идея «сознательной управляемости» общественными процессами, еще более усугубленная отходом от социалистических принципов и теми трудностями в социальной и экономической сферах, которые

особенно обострились с переходом к рыночному капиталистическому хозяйству. Объективно это выразилось в необходимости повысить эффективность социального управления, а субъективно – в искушении найти простые, доступные средства для решения сложных проблем.

Примечания

- 1 См.: Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов н/Д, 1996. С. 204.
- 2 Маркс К. Предисловие к «Капиталу» // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 14.
- 3 Понпер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 53.
- 4 Платон. Государство // Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 112.
- 5 Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 544.
- 6 Там же. С. 487.
- 7 Там же. С. 464–465.
- 8 См.: Понпер К. Р. Ницета историцизма. М., 1993; Он же. Открытое общество и его враги. М., 1992.
- 9 Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 4.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 Там же. С. 46.
- 12 См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 414.
- 13 Там же. С. 417.
- 14 См.: Понпер К. Р. Ницета историцизма. С. 56.
- 15 Там же.

УДК 316.334.3(470+571)

ПРОТЕСТНОЕ УЧАСТИЕ КАК ФОРМА ИММОБИЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (социологический подход)

Е. М. Иванова

Саратовский государственный университет
E-mail: iem07@yandex. ru

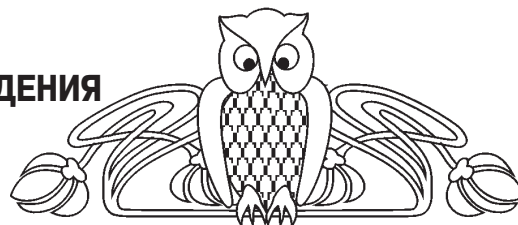
В статье рассматриваются особенности социологического подхода к анализу сущности политического поведения и его форм, в частности протестного участия. Особое внимание уделено понятию «протест» и феномену депривации как элементу моделей конфликтов и сопряженных с ними протестных действий.

Ключевые слова: политическое поведение, формы политического участия, протест.

Protest Participation as Form of Political Behavior Immobility (Sociological Approach)

E. M. Ivanova

This article deals with features of the sociological approach to the analysis of the essence of political behavior and its forms, in particular

the protest participation. Particular attention is paid to the notion of protest and the phenomenon of deprivation as an element of models of conflict and the effects associated with protest actions.

Key words: political behavior, forms of political participation and protest.

Современное российское общество характеризуется трансформационными процессами во всех сферах общественной жизнедеятельности. Характерными чертами политической жизни являются низкий уровень политической культуры, широкое распространение абсентизма, имобильные формы политического поведения.

В научной литературе политическое поведение определяется как любая форма участия в осуществлении власти (или противодействии ее осуществлению), охватывающая участие в фор-

В процессе дальнейшего развития социально-технологических концепций произошла существенная трансформация обозначенных выше подходов. Она, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. Однако можно констатировать, что социально-технологический подход к общественной жизни получил самое широкое распространение. Этому процессу способствовал ряд причин. К объективным причинам можно отнести, прежде всего, переход к постиндустриальному обществу, к технологической и информационной цивилизации. Сначала в странах Запада, а затем и в России многократно возросла роль науки и техники и связанных с ней специалистов.

Изменения в научно-технической сфере не могли не отразиться и на социальных процессах, имеющих место в обществе. Еще в XIX в. особый интерес вызвала идея о построении жизни на рациональных, научных основаниях, в том числе и ее социальных аспектов. Странником такой идеи выступал, например, отец социологической науки О. Конт, который считал, что со вступлением в эпоху позитивизма жизнь в обществе начнет строиться по научным принципам и руководить этим процессом будет наука, которую вначале он обозначил как социальную физику, а затем как социологию.

Таким образом, причиной того интереса, который имеется на сегодняшний день к проблеме социальных технологий, стала в основном идея «сознательной управляемости» общественными процессами, еще более усугубленная отходом от социалистических принципов и теми трудностями в социальной и экономической сферах, которые

особенно обострились с переходом к рыночному капиталистическому хозяйству. Объективно это выразилось в необходимости повысить эффективность социального управления, а субъективно – в искушении найти простые, доступные средства для решения сложных проблем.

Примечания

- 1 См.: Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов н/Д, 1996. С. 204.
- 2 Маркс К. Предисловие к «Капиталу» // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 14.
- 3 Понпер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 53.
- 4 Платон. Государство // Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 112.
- 5 Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 544.
- 6 Там же. С. 487.
- 7 Там же. С. 464–465.
- 8 См.: Понпер К. Р. Ницета историцизма. М., 1993; Он же. Открытое общество и его враги. М., 1992.
- 9 Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 4.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 Там же. С. 46.
- 12 См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 414.
- 13 Там же. С. 417.
- 14 См.: Понпер К. Р. Ницета историцизма. С. 56.
- 15 Там же.

УДК 316.334.3(470+571)

ПРОТЕСТНОЕ УЧАСТИЕ КАК ФОРМА ИММОБИЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (социологический подход)

Е. М. Иванова

Саратовский государственный университет
E-mail: iem07@yandex. ru

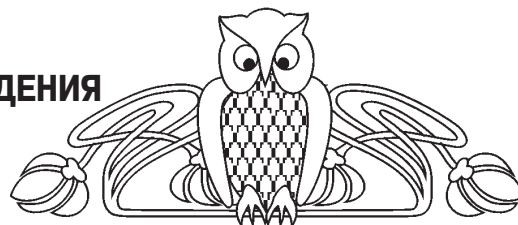
В статье рассматриваются особенности социологического подхода к анализу сущности политического поведения и его форм, в частности протестного участия. Особое внимание уделено понятию «протест» и феномену депривации как элементу моделей конфликтов и сопряженных с ними протестных действий.

Ключевые слова: политическое поведение, формы политического участия, протест.

Protest Participation as Form of Political Behavior Immobility (Sociological Approach)

E. M. Ivanova

This article deals with features of the sociological approach to the analysis of the essence of political behavior and its forms, in particular

the protest participation. Particular attention is paid to the notion of protest and the phenomenon of deprivation as an element of models of conflict and the effects associated with protest actions.

Key words: political behavior, forms of political participation and protest.

Современное российское общество характеризуется трансформационными процессами во всех сферах общественной жизнедеятельности. Характерными чертами политической жизни являются низкий уровень политической культуры, широкое распространение абсентеизма, имобильные формы политического поведения.

В научной литературе политическое поведение определяется как любая форма участия в осуществлении власти (или противодействии ее осуществлению), охватывающая участие в фор-

мальных организациях и массовых движениях, включенность в различные элементы системы или осознанную отстраненность от них, публичную манифестацию взглядов с целью воздействия на общественное мнение, политические институты или руководящие политические группы¹.

Это определение дает представление о крайне сложной структуре политического поведения. Первичная дифференциация понятия позволяет выделить два основных типа политического поведения – «открытый» (политическое действие) и «закрытый» (политическая иммобильность, или бездействие).

Политическое действие предполагает, как и всякое социальное действие, определенную степень активности. В структуру политического действия входит субъект действия, обстоятельства его осуществления, объект действия и целевые установки субъекта.

Закрытый тип политического поведения – политическая иммобильность также не является однородной и представлена следующими структурными компонентами²: исключенность из политических отношений, обусловленная низким уровнем общественных отношений; политическая исключенность как результат низкой эффективности политической системы, разочарование и безразличие к политическим институтам; политическая апатия как форма неприятия политической системы; политический бойкот как выражение активной враждебности к институтам политической системы.

Проблемы политического поведения, политической активности, политического участия давно привлекают интерес исследователей различных стран.

На сегодняшний день наиболее широкую теоретическую базу для изучения проблемы политического участия представляют работы западных, в частности американских, политологов и социологов. В зарубежной литературе высказаны прогнозы о характере проявления политического участия в различных социально-политических условиях.

В целом феномен политического участия получил в современной мировой литературе достаточно всестороннюю разработку с точки зрения структуры, форм, уровней, методов, идеологических и социальных аспектов, законообеспеченности, эффективности, т. е. как формальных, так и сущностных сторон явлений.

В истории изучения политического участия в нашей стране можно выделить советский и постсоветский этапы. В работах первого периода данная проблематика получила некоторое косвенное освещение – в рамках исследования политической активности трудящихся и личности в социалистическом обществе.

В исследованиях, основанных на анализе различных аспектов политической жизни в современной России, выявляются новые условия и

возможности политического участия, содержание формирующихся политических интересов, характер участия в политическом процессе некоторых социальных групп населения (чаще всего молодежи), делаются попытки оценить масштабность и эффективность политического участия и т. п.

В качестве форм участия выделяют такие, как голосование, участие в политических кампаниях, личные контакты с политиками, участие в местной политической жизни, участие в акциях протеста (конфликтное участие) и др. Выбор тех или иных конкретных форм участия обусловлен, таким образом, традиционным социокультурным контекстом данного общества, а также характером институционализации участия в процессах планирования и принятия решений.

Одной из форм политического поведения является протестное поведение. В отечественной и зарубежной литературе весьма распространенным является взгляд на протестное поведение как на поведение в форме неконвенционального действия, не соответствующего законным и традиционным нормам режима, регулирующим политическое поведение.

В теоретическом плане конфликт (конфликтное участие) рассматривается в качестве одной из наиболее характерных форм политического участия граждан, реагирующих на ограничение их гражданских возможностей. Главной особенностью протестного участия является отказ вовлеченных в него индивидов и групп от конструктивного сотрудничества с существующими в рамках данного социально-политического и правового порядка структурами центральной и местной власти. Формы последних могут быть различными – от «мягких», таких как подписание петиций и воззваний, до «жестких» (радикальных), зачастую предполагающих проявление насилия. В перечисленные формы политической активности обычно оказываются включенными не столь значимые с точки зрения репрезентативности по отношению к общему числу населения группы людей. Однако эта активность оказывает косвенное влияние на политическую систему, поскольку акции протеста вынуждают политических лидеров и государственных деятелей искать способы корректировки ценностных ориентаций и технологий управления.

Понятие «протест» – социальный или собственно политический – зачастую охватывает достаточно широкий круг явлений. Протест представляет собой одно из направлений социальной активности, как проявление несогласия, инакомыслия, как оппозиционная деятельность, соответствующее политическое поведение³. В основе протеста лежит социальное недовольство в широком смысле слова условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти и т. д.⁴. Часто общее понятие «социальный протест» относится к характеристике явлений, различных по своей массовой

базе, по своему социально-классовому облику и по своей силе, по своей интенсивности и по специфике возбуждающих их факторов⁵.

Рассматривая различные подходы к изучению протеста, следует в первую очередь остановиться на тех, в основе которых лежат соображения нормативного характера. С одной стороны, протест определяется как форма «нетрадиционного» политического поведения. При этом критерием различия традиционной и нетрадиционной политики в целом является наличие и соответственно отсутствие правил и законов, способствующих регулярному представлению интересов различных групп.

Традиционная политика предполагает существование широкого круга нормативных документов, являющихся неотъемлемым элементом функционирования такого механизма регулярного выражения интересов, как, например, выборы. В случае нетрадиционных форм политического поведения отсутствуют какие-либо нормы, способствующие регулярному проведению митингов протеста, политических демонстраций, бойкотов, забастовок, занятию административных зданий и т. п. Хотя последнее отнюдь не означает отсутствия множества нормативных документов, ограничивающих или запрещающих проведение подобных акций.

С другой стороны, понятие протеста рассматривается через проблемное поле политического конфликта. По формам проявления конфликт разделяют на протест и восстание. При этом протест рассматривается как форма проявления политического конфликта, предмет которого касается конкретных действий и политики властей. В большинстве случаев протестное поведение оказывается не столь продолжительным и включает такие формы, как демонстрация, всеобщие забастовки, уличные столкновения и прочие действия, связанные с нарушением общественного порядка. По сравнению с протестом восстания касаются более фундаментальных вопросов и предполагают проявление вооруженного насилия между представителями политического режима и его оппонентами.

В современной социологической литературе среди причин протеста, которые выделяются на уровне макроанализа, важная роль отводится показателям социального самочувствия и динамике социальных ожиданий населения.

Наиболее распространенной теорией, объясняющей формирование протестного потенциала, является теория относительной депривации. Под депривацией понимается субъективное чувство недовольства, которое проявляется по отношению к своему настоящему⁶. Впервые концепция депривации была введена в научный оборот Стауффером, а затем получила развитие в работах Мертона и Руинсимана. Основной идеей данной концепции является утверждение о том, что личностные стремления, надежды, требования определяются

системой соотнесения – совокупностью идей и наблюдений, на основе которых индивид выносит свои суждения о конкретной ситуации. Растущие расхождения между ожиданиями, детерминированные социальными сравнениями, и реальностью приводят к усилению неудовлетворенности. На определенном этапе абсолютная величина расхождений становится настолько значительной, что приводит к явлениям фрустрационного порядка. В свою очередь, это способствует возникновению мотиваций по включению субъекта депривации в ту или иную форму участия в протестных действиях. На уровне субъекта цель этих действий состоит в снятии препятствий для реализации первоначальных ожиданий.

Описанная модель депривации является некой идеальной конструкцией. Применительно к конкретному социуму линейная зависимость «депривация – протест» оказывается не столь однозначной. Причем ее определяющие параметры связаны со степенью стабильности и благосостояния общества в целом.

Выражение намерения участвовать в тех или иных формах протеста имеет как политические, социально-экономические, так и культурные основания. Поэтому важной стороной анализа протеста должно быть изучение особенностей политической культуры. Исследователи отмечают, что политическая культура выступает одним из существенных факторов, определяющих политическое поведение населения. Отношение к правительству и политикам, особенности участия в выборах, протестное поведение в значительной степени могут быть объяснены в связи с анализом господствующих в обществе политических идей, традициями отношения к сфере политики в целом. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что различия в национальных политических культурах зачастую проявляются независимо от типа господствующего политического режима.

Таким образом, политическое поведение, в частности протестное участие, представляет собой особый интерес для исследователей в области политологии и социологии в условиях трансформации современного российского общества. Распространение протестных настроений напрямую зависит от социокультурного развития общества и его политической системы. Повышение открытого политического участия граждан предполагает всесторонний учет и выяснение причин, способствующих формированию и распространению имобильных форм политического поведения.

Примечания

- 1 См.: Охременко И. В. Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград, 2002.
- 2 См.: Рабочий класс в странах Западной Европы. М., 1982. С. 64–65 ; Шестопал Е. Б. Политическая психология : учебник для вузов. М., 2002.

- ³ См.: Лукин Ю. Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- ⁴ См.: Кинбурский А., Топалов М. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5. С. 51–58.
- ⁵ См.: Вайнштейн Г. И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М., 1990.
- ⁶ См.: Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют / пер. с англ. В. Анурина. СПб., 2005.

УДК 316.613.4

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИЙ В СОЦИОЛОГИИ

М. Ю. Горбунова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: marinayrgo@gmail.com

В статье рассматриваются основные положения символического интеракционизма в перспективе социологического исследования эмоций. Основные дефиниции символического интеракционизма раскрываются в контексте эмоциональных явлений. Представлены такие понятия, как контекстуальные эмоции, эмоциональные эталоны.

Ключевые слова: эмоции, контекстуальные эмоции, эмоциональные эталоны, социальная улыбка, эмоциональный труд, управление эмоциями.

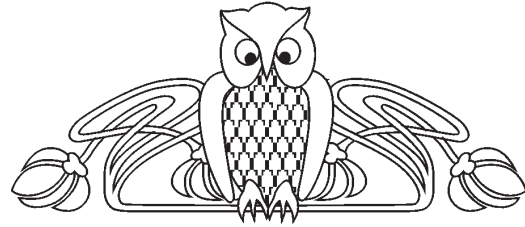
Symbolic Interactionism as a Methodological Basis of Studies Emotions in Sociology

М. Yu. Gorbunova

The paper examines the main ideas of symbolic interactionism as a methodological for sociological studies of emotions. The article analyses the basic definitions of symbolic interactionism in the context of emotions.

Key words: emotions, contextual emotions, emotional standards, social smile, emotional labour, management of emotions.

В условиях кризиса влияние эмоций на все сферы общества усиливается, что обуславливает актуальность их анализа в контексте социальных отношений и выявления роли эмоциональных явлений в процессах социального управления. Зачастую именно эмоциональная компонента жизни общества позволяет объяснить механизмы социальных процессов и прогнозы относительно будущего развития общества¹. Годом, ознаменовавшим возрастание социологического интереса к проблематике эмоций, можно считать 1975 г. В этом году в зарубежной печати выходят социологические работы, в которых эмоциям отводится ведущая роль: 1) Арли Расселл Хохшильд опубликовала статью о роли эмоций в феминистском движении; 2) Томас Шефф организовал первую сессию по проблемам эмоций на собрании Американской социологической ассоциации в Сан-Франциско; 3) Рэндалл Коллинз в монографии

«Социология конфликта» рассмотрел эмоции в качестве центрального понятия в микродинамике стратификации.

К концу 1970-х гг. число социологических работ, посвященных эмоциям, увеличивается: социально-интерактивная теория эмоций (Кемпер, 1978); катарсис в терапии, ритуале и драме (Шефф, 1979); появляются статьи, посвященные эмоциям в журналах «Американский социолог» и «Американский журнал социологии». В 1980-х гг. социологическая проблематика эмоций испытывает подъем, который позволяет привлечь внимание не только новых исследователей, но и успешно организовать секцию по социологии эмоций в Американской социологической ассоциации.

За последние 30 лет социология эмоций добилась значительных результатов. Как указывает Дж. Лойвенштейн, современная социология переживает некий «эмоциональный поворот», который представляет собой попытку противостоять теории рационального выбора и формальным экономическим моделям². О. А. Симонова, рассматривая логику исследования эмоций и круг концепций, в рамках которых данный феномен анализируется в современной западной социологической науке, отмечает, что многие фундаментальные концептуальные вопросы остаются нерешенными, разработка общей социологической теории в этой сфере остается делом будущего, а эмоции рассматриваются в основном в рамках отдельных социологических школ³. Существующие социологические концепции эмоций Дж. Тернер и Я. Стетц предложили разделять на несколько групп⁴: драматургические и культурные теории эмоций; теории ритуалов; структурные теории; теории символического интеракционизма; теории символического интеракционизма с элементами психоанализа; теории социального обмена; эволюционистские теории эмоций. С нашей точки зрения, социологическая теория эмоций должна быть не только междисциплинарной (принимать во внимание научные данные психологической и нейрофизиологической науки), но и мультипарадигмальной, то есть объединять непротиворечи-

- ³ См.: Лукин Ю. Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- ⁴ См.: Кинбурский А., Топалов М. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5. С. 51–58.
- ⁵ См.: Вайнштейн Г. И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М., 1990.
- ⁶ См.: Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют / пер. с англ. В. Анурина. СПб., 2005.

УДК 316.613.4

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИЙ В СОЦИОЛОГИИ

М. Ю. Горбунова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: marinayrgo@gmail.com

В статье рассматриваются основные положения символического интеракционизма в перспективе социологического исследования эмоций. Основные дефиниции символического интеракционизма раскрываются в контексте эмоциональных явлений. Представлены такие понятия, как контекстуальные эмоции, эмоциональные эталоны.

Ключевые слова: эмоции, контекстуальные эмоции, эмоциональные эталоны, социальная улыбка, эмоциональный труд, управление эмоциями.

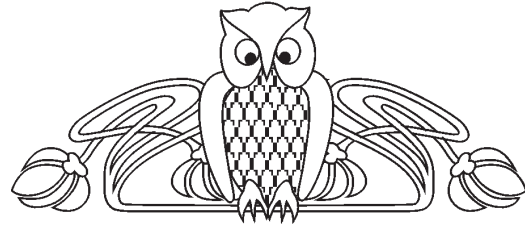
Symbolic Interactionism as a Methodological Basis of Studies Emotions in Sociology

М. Yu. Gorbunova

The paper examines the main ideas of symbolic interactionism as a methodological for sociological studies of emotions. The article analyses the basic definitions of symbolic interactionism in the context of emotions.

Key words: emotions, contextual emotions, emotional standards, social smile, emotional labour, management of emotions.

В условиях кризиса влияние эмоций на все сферы общества усиливается, что обуславливает актуальность их анализа в контексте социальных отношений и выявления роли эмоциональных явлений в процессах социального управления. Зачастую именно эмоциональная компонента жизни общества позволяет объяснить механизмы социальных процессов и прогнозы относительно будущего развития общества¹. Годом, ознаменовавшим возрастание социологического интереса к проблематике эмоций, можно считать 1975 г. В этом году в зарубежной печати выходят социологические работы, в которых эмоциям отводится ведущая роль: 1) Арли Расселл Хохшильд опубликовала статью о роли эмоций в феминистском движении; 2) Томас Шефф организовал первую сессию по проблемам эмоций на собрании Американской социологической ассоциации в Сан-Франциско; 3) Рэндалл Коллинз в монографии

«Социология конфликта» рассмотрел эмоции в качестве центрального понятия в микродинамике стратификации.

К концу 1970-х гг. число социологических работ, посвященных эмоциям, увеличивается: социально-интерактивная теория эмоций (Кемпер, 1978); катарсис в терапии, ритуале и драме (Шефф, 1979); появляются статьи, посвященные эмоциям в журналах «Американский социолог» и «Американский журнал социологии». В 1980-х гг. социологическая проблематика эмоций испытывает подъем, который позволяет привлечь внимание не только новых исследователей, но и успешно организовать секцию по социологии эмоций в Американской социологической ассоциации.

За последние 30 лет социология эмоций добилась значительных результатов. Как указывает Дж. Лойвенштейн, современная социология переживает некий «эмоциональный поворот», который представляет собой попытку противостоять теории рационального выбора и формальным экономическим моделям². О. А. Симонова, рассматривая логику исследования эмоций и круг концепций, в рамках которых данный феномен анализируется в современной западной социологической науке, отмечает, что многие фундаментальные концептуальные вопросы остаются нерешенными, разработка общей социологической теории в этой сфере остается делом будущего, а эмоции рассматриваются в основном в рамках отдельных социологических школ³. Существующие социологические концепции эмоций Дж. Тернер и Я. Стетц предложили разделять на несколько групп⁴: драматургические и культурные теории эмоций; теории ритуалов; структурные теории; теории символического интеракционизма; теории символического интеракционизма с элементами психоанализа; теории социального обмена; эволюционистские теории эмоций. С нашей точки зрения, социологическая теория эмоций должна быть не только междисциплинарной (принимать во внимание научные данные психологической и нейрофизиологической науки), но и мультипарадигмальной, то есть объединять непротиворечи-

вые знания, выработанные в рамках различных социологических парадигм.

Существенный вклад в развитие социологии эмоций вносит теория символического интеракционизма, позволяющая выявить социальную природу эмоций и рассмотреть эмоции в качестве факторов, объясняющих многие социальные явления. Например, анализ механизмов социального неравенства предполагает рассмотрение взаимодействия членов социума в контексте того, о чем люди думают, что они делают, и какие эмоции у них возникают по этому поводу. Особый интерес представляет исследование того, как эмоции поддерживают несправедливость в обществе⁵. Символический интеракционизм является одним из самых ранних и устойчивых традиций теоретической социологии. Идеи Дж. Мида, Г. Блумера и И. Гофмана могут быть пересмотрены и могут представлять методологическую основу для исследования эмоций.

Дж. Мид рассматривал интеракцию в контексте знаков, жестов и символов, служащих для интерпретации ситуации и обозначения намерений действующего лица. Рассмотрим указанные понятия в контексте эмоциональных явлений. Смысловые стимулы, которые вызывают инстинктивные реакции, представляют собой простейшие естественные знаки. Эмоциональные реакции людей на такие знаки примерно одинаковы и не зависят от социальных отношений. Как правило, это рефлекторные эмоциональные отклики, связанные с фрустрацией актуальных потребностей.

Жест, в отличие от знака, в социальном отношении действует на другого индивида как специфический раздражитель. К жестам можно отнести как поведение, так и социальное действие. Жесты выражают определенный смысл, который означает связь жеста с поступком. Невербальные проявления эмоций могут быть рассмотрены в качестве эмоциональных жестов, которые соответствуют ситуации, несут контекстуальный смысл и являются стимулом для дальнейших действий. Эмоциональные жесты допускают не любые, а вполне определенные ответные реакции, обеспечивая тем самым социальную коммуникацию. Как правило, такие эмоциональные жесты являются шаблонами, которые актер усваивает в процессе социализации и воспроизводит их не задумываясь. Улыбаясь при встрече, человек ожидает увидеть ответную улыбку, если вместо улыбки он видит другое невербальное проявление эмоций, то возникает простор для интерпретации неконгруэнтного жеста, что, в свою очередь, затрудняет коммуникацию.

Эмоциональные жесты представляют собой социокультурные нормы, выраженные в предписании и ожидании от индивида контекстуальных эмоциональных реакций, которые мы предлагаем называть контекстуальными эмоциями. Человек демонстрирует контекстуальные эмоции для других и в присутствии других людей, поскольку их

основная функция состоит в управлении социальными действиями другого человека. Эти эмоции помогают актору добиваться удовлетворения своих потребностей через изменение в нужную сторону поведения других людей.

Значимыми символами Дж. Мид называет знаки и символические жесты, вызывающие у другого индивида то же самое представление о присущих им значениях, что и у первого, и поэтому порождающие одинаковую реакцию. Символы выходят за пределы конкретной ситуации и содержат общий смысл, то есть их значение соответствует опыту одного человека и возникает в сознании другого. Провести грань, когда эмоция из жеста превращается в символ, проблематично, поскольку большинство эмоций привязаны к ситуации. Однако символическость эмоций используется повсеместно. Например, в рекламе, когда создатели рекламного ролика рассчитывают вызвать идентичные эмоциональные реакции у потребителей и стимулировать их потребительское поведение. В виртуальном общении символическое изображение эмоций (смайлики) является своеобразным эмоциональным языком, позволяющим пользователям Интернета находиться в одном эмоциональном поле.

Анализируя проблемы возникновения идентичности, Дж. Мид выделяет часть личности «*Me*», которая представляет собой то, что видит в человеке другие, и «*I*» то, что отличает человека от общих стандартов, его индивидуальность. Х. Абельс предлагает следующий вариант перевода этих понятий: под термином «*I*» можно понимать *импульсивное Я*, а под термином «*Me*» – *рефлексивное Я*. Таким образом, первое обозначает уникальное в личности, а второе – множество ожиданий, предъявляемых обществом к человеку. Импульсивное Я досоциально и существует на бессознательном уровне, в нём находят свое стихийное выражение биологические и эмоциональные потребности. Рефлексивное Я отражает «управляемую» сторону личности и представляет собой социальную конструкцию⁶.

С нашей точки зрения, большинство эмоциональных переживаний, усвоенных ребенком в процессе социализации, включено в рефлексивное Я. В ходе социализации за счет взаимодействия с другими людьми индивид постоянно приобретает и корректирует свой эмоциональный опыт. При этом рефлексивное Я обеспечивает непрерывный социальный контроль над эмоциональными проявлениями импульсивного Я. Однако этот контроль ослабевает, когда человек оказывается подверженным влиянию большой массы людей (толпы). Эмоции импульсивного Я, как обобщенные чувства, проявляющиеся в массовых процессах, и эмоциональные конструкты рефлексивного Я представляют интерес для социологической интерпретации. Теория Дж. Мида продемонстрировала, что социальное действие не может быть объяснено лишь ссылкой на социальные нормы,

так как оно всегда содержит их интерпретацию, которая предполагает эмоциональное отношение. Объясняя свое поведение или поведение другого, человек чаще всего использует эмоциональные ярлыки: «меня разозлили», «мне это нравится», «он был раздражен», «это вызвало в нем смущение».

Герберт Блумер указывал, что в процессе взаимодействия передаются формы культуры и социальный опыт, субъективный мир одного человека раскрывается для другого, выявляются мотивы, интересы, цели и настроения акторов. Если в процессе общения признаются и учитываются, а значит, удовлетворяются потребности, состояния, личностные (индивидуальные) особенности каждого участника общения, то это вызывает положительные эмоции от процесса взаимодействия, и если не учитываются, то соответственно отрицательные⁷. А это значит, что эмоции выступают своеобразным маркером качества социальных интеракций.

Г. Блумер утверждал, что действующие лица создают в процессе социального взаимодействия общие символы, на которые затем сами же ориентируются, а также подтверждают, изменяют и переопределяют их своими же действиями. Благодаря взаимной интерпретации социальных действий непрерывно создается смысл социального взаимодействия. Основываясь на теоретических положениях Г. Блумера, можно утверждать, что эмоции, с одной стороны, включены в процесс интерпретации ситуации, а с другой – представляют собой социальный символ. В первом случае актер, участвуя в определении ситуации, выражает внешне и показывает своим поведением, как он желает истолковать ситуацию и что в ней имеет значение. Другие акторы, интерпретируя его поведение, обращают внимание на эмоциональную окраску сообщения и учитывают это в своем определении ситуации. Этот процесс осознается крайне редко, но способствует общему пониманию ситуации, поскольку основывается на социокультурных нормах.

Во втором случае символичность эмоций проявляется в том, что в процессе социализации окружающие предметы нагружаются определенными эмоциональными коннотациями. Так, руководствуясь нормами, привитыми современной цивилизацией, человек почувствует, по крайней мере, радость, если он найдет денежные купюры. В то время как представитель традиционного общества, никогда не видевший денег, будет испытывать удивление, интерес или равнодушие при виде этих бумажек. Вещи, люди, отношения с этими людьми сами по себе нейтральны, и только та система норм и ценностей, которую человек усваивает в процессе вхождения в социум, оказывает существенное влияние на его восприятие окружающего и эмоциональные переживания. Общие эмоциональные символы, возникающие в процессе взаимодействия, мы предлагаем называть эмоциональными эталонами. Эмоцио-

нальные эталоны не присущи вещам самим по себе и не являются неким чисто индивидуально психическим явлением. Они возникают во взаимодействии, влияют не него и являются социальным феноменом.

Итак, главная идея интеракционизма Г. Блумера – люди взаимодействуют и обращаются с окружающими предметами исходя их символических значений. Однако значения не заключаются в самих предметах или субъекте, а проистекают из отношения актора к предмету, которое помимо когнитивного компонента практически всегда предполагает эмоциональную коннотацию. Эмоции включены в контекст взаимодействия, позволяя человеку передавать информацию о своем отношении к другим людям, явлениям, событиям и своему состоянию.

Развивая теорию управления впечатлениями, И. Гофман⁸ указывал, что в процесс взаимодействия по природе вещей вовлекаются неизбежные психобиологические элементы: эмоции, настроения, познавательные и телесные ориентации, мускульные усилия⁹. Стараясь произвести впечатление, актер в своих эмоциональных переживаниях начинает зависеть от социальной ситуации и окружающих его людей, которые представляют собой определенную рамку, названную Гофманом фреймом. Когда человек распознает какое-либо конкретное событие, он вкладывает в свое восприятие одну или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые Гофман называет первичными.

Гофман непосредственно затрагивает проблематику эмоций, когда фокусируется на управлении впечатлениями, считая, что люди в процессе интеракции стремятся к созданию положительного впечатления и предпринимают попытки избежать позора или противоречия. «Зная, что индивид, скорее всего, подает себя в благоприятном для себя свете, другие могут разделять все, чему они были свидетелями, на две части: часть, которой индивид относительно легко произвольно управлять, главным образом это его словесные заявления, и часть, на которой он сосредоточен меньше и которую в меньшей степени контролирует. Она состоит преимущественно из выдающей его экспрессии. Тогда другие люди могут использовать то, что рассматривается как неконтролируемые аспекты экспрессивного поведения для проверки достоверности того, что сообщается тем аспектом поведения, который контролируется индивидом»¹⁰. Таким образом, другие люди проверяют более контролируемые аспекты поведения с помощью менее контролируемых, и эффективность управления впечатлениями будет зависеть от того, насколько экспрессия актора будет им контролируема и конгруэнтна социальным фреймам.

Гофман приводит пример из жизни Шотландского острова, когда «сосед заходит на чашку чая, его лицо выражает обычно, по крайней мере, намек на ожидаемую теплую улыбку,

когда он входит в дверь дома. Так как дома стоят на открытом месте, а в доме не зажжен свет, то хозяин обычно имеет возможность наблюдать за подходящим к дому гостем, оставаясь ненаблюдаемым, и жители острова временами имеют удовольствие видеть, как гость «сбрасывает» с лица то выражение, которое у него было, и заменяет его приветливым как раз перед тем, как подойти к двери. Однако некоторые гости, предвосхищая эту возможность, будут на всякий случай придавать лицу приветливое выражение задолго до подхода к дому, обеспечивая тем самым проецирование постоянного образа»¹¹.

Люди улыбаются потому, что улыбка – это не только рефлекторная реакция организма в ситуациях веселья или удовольствия, но и социальный знак расположенности к взаимодействию и защитный сигнал в ситуации извинения. Социальная улыбка становится частью интерактивного ритуала и выполняет особую коммуникативную функцию в структуре человеческого поведения. Гофман указывает на то, что в течение дня, например в часы пик в метро, тщательно подогнанные маски немного сползают с лиц людей и становятся заметным выражением «праведной и смертельной усталости», которое по-настоящему раскрывает истинное лицо. Люди теряют управление защитным механизмом и из-за усталости забывают контролировать свое лицо.

Значимость теории Гофмана в том, что она поднимает проблему контроля эмоциональных проявлений и манипуляции ими, которые большинство исследователей относили к неуправляемым, иррациональным аспектам поведения. Умение управлять впечатлениями и контролировать их – значит уметь управлять другими людьми. Такой контроль осуществляется как с помощью вербальных, так и невербальных средств общения, большая часть которых эмоционально окрашена. Основное положение теории Гофмана, о том что действующий индивид производит на публику впечатление с помощью вербальных и невербальных средств, означает, что в процессе данной самопрезентации выражение эмоций приобретает не стихийный, а контролируемый характер. Актер управляет своими эмоциями в соответствии с актуальными фреймами, производя на наблюдателя определенное впечатление. Управление впечатлением, по мнению Гофмана, представляет собой эмоциональную работу, предполагающую усилия и энергию людей в определенных социальных ситуациях. Данное положение было развито в трудах Арли Хохшильд в концепции эмоционального труда¹².

Основными понятиями подхода Хохшильд являются эмоциональная работа и эмоциональное управление, что предполагает рассмотрение того, как в ситуации социального взаимодействия люди интерпретируют эмоциональные проявления, как они осуществляют процесс управления своими эмоциями и какие переживания являются умест-

ными, а какие нет. А. Хохшильд выделила две разновидности эмоциональной работы:

– поверхностное действие, когда сотрудники организации обязаны улыбаться, быть уверенными и производить впечатление внимательных, дружелюбно настроенных, независимо от того, что они фактически испытывают. Это достигается при помощи невербальных средств общения, которыми человек обучается управлять для демонстрации эмоций, соответствующих контексту;

– глубокое действие, выражающееся в том, что на некоторых рабочих местах люди обязаны чувствовать определенные эмоции. Глубокое действие происходит, когда «проявления являются естественным результатом работы чувств и актер не старается казаться радостным или грустным, а скорее, выражает спонтанно ... реальные ощущения, что является результатом побуждения»¹³.

Хохшильд различает понятия «эмоциональная работа» и «эмоциональный труд». В тех случаях, когда эмоциональная работа предлагается в процессе продажи или в рамках оказания определенной услуги, являясь предметом потребления, Хохшильд относит этот процесс к эмоциональному труду. Работники некоторых специальностей в рамках своей профессиональной деятельности обязаны выражать определенные эмоции, например: врачи, медицинские сестры, социальные работники, официанты, служащие гостиниц, развлекательных и туристических сервисов.

Одним из важных выводов из теории Хохшильд является утверждение, что способность управлять эмоциями основывается на системе ожиданий, принятых в социальной среде, в том числе и в профессиональной. Во-первых, личность имеет определенные ожидания того, как другие люди будут реагировать на ее поведение; во-вторых, у других людей тоже есть определенные ожидания по отношению к действиям личности. Поскольку данная система ожиданий складывается в процессе социализации и основывается на раннем опыте, она дает возможность людям понимать друг друга. В перспективе взаимодействия эмоции действуют в рамках процесса интерпретации. Эмоции, ставшие частью социального самоуправления, представляют собой средства, используемые для интерпретации стимулов и выработки соответствующего ответа.

К числу профессий, связанных с глубокими эмоциональными переживаниями и эмоциональным трудом, относится социальная работа, которая выступает как один из социальных институтов, способствующих процессам социализации, социальной интеграции групп и индивидов, а также поддержанию стабильности общества. Исследование, проведенное нами в социальных службах г. Саратова, выявило особенности эмоциональных переживаний социальных работников в процессе труда. Эти переживания можно объединить в три группы: эмоциональные состояния клиентов, с которыми взаимодействует социальный работник;

эмоциональные состояния социальных работников по поводу взаимоотношений с клиентами и условий своего труда; эмоции, которые социальный работник демонстрирует клиентам¹⁴.

Эмоциональный труд подразумевает двойную задачу: не проявлять эмоций, не соответствующих рабочей ситуации и фактически выражать эмоции, отвечающие контексту, то есть контекстуальные эмоции. Исследование показало, что большинство социальных работников принимают на себя ответственность за создание эмоциональной атмосферы, в которой клиенты чувствовали бы себя комфортно. Социальные работники стараются подавлять негативные эмоции (например, жалость, раздражение), а демонстрировать положительные – доброту, вежливость, сочувствие, понимание и другие эмоции, которые являются продуктами эмоционального труда. Причем в большинстве случаев наблюдается глубокое действие (выражающееся в том, что социальные работники действительно испытывают эти эмоции), а не поверхностное действие, когда сотрудники просто демонстрируют эмоции при помощи невербальных средств общения. Даже если социальный работник находится в неблагоприятной эмоциональной атмосфере, он делает над собой усилия для демонстрации положительных эмоций, чтобы изменить эмоциональное состояние клиента и сделать эмоциональную атмосферу более благоприятной для взаимодействия. Следовательно, эмоция выступает как интерсубъективный феномен, связанный с социальными отношениями и выполняющий роль связующего звена между клиентом и социальным работником.

В заключение подчеркнем, что интеракционистская теория стремится осмыслить процессы внутри группы, организации, культуры и социальных сетей, что невозможно без учета эмоциональных явлений. Большинство интеракционистских исследований эмоций опираются на качественные методы этнографии, включенного наблюдения, интервью и контент-анализа. Для теоретиков символического интеракционизма эмоции, как и все остальное, являются данными, которые помогают понять социальную реальность. Например, Л. Смит-Ловин исследовал, как эмоциональный отклик связан с социальной идентичностью, ситуацией и мотивацией социального действия. Когда идентичность подтверждается в социальных ситуациях, люди испытывают положительные эмоции, в то же время когда идентичность не подтверждается, люди переживают негативные эмоции и мотивированы на то, чтобы получить это подтверждение¹⁵.

Теория идентичности в контексте эмоциональных переживаний развивается также в работах Яна Стетца, который утверждает, что люди стремятся поддерживать соответствие между их идентичностью и восприятием себя в ситуации. Если соответствие обнаруживается, то идентич-

ность подтверждается. Конкретные эмоциональные состояния, такие как стыд, чувство вины, гнев, депрессия и разочарование, появляются, когда есть несоответствие между пониманием своей идентичности и восприятием значения ситуации. Как следствие, на индивидуальном уровне происходит активация процессов контроля для ликвидации этого несоответствия и достижения подтверждения идентичности¹⁶.

В целом социологическое понимание эмоций основано на вызове общепринятым представлениям об эмоциях как врожденных или универсальных ответах на внешние раздражители. Эмоции представляют собой результат сложного взаимодействия культурных, социально-структурных, познавательных и неврологических факторов. Идеи символического интеракционизма представляют собой методологическую основу для дальнейшего исследования эмоций как социального феномена и позволяют дать определение таким понятиям, как контекстуальные эмоции, эмоциональные эталоны, управление эмоциями.

Примечания

- 1 См.: Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова и др. М.: Альфа-М, 2009. С. 75.
- 2 Loewenstein G. Emotions in economic theory and economic behavior // *American economic review*. 2000. Vol. 90, № 2. P. 427.
- 3 См.: Симонова О. А. Социологическое исследование эмоций в современной социологии: концептуальные вопросы // *Социологический ежегодник, 2009*: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. 2010. № 1. С. 200.
- 4 См.: Turner J. H., Stets J. E. *The sociology of emotions*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 23–25.
- 5 См.: Fields J., Copp M., Kleinman S. Symbolic Interactionism, Inequality, and Emotions // *Handbook of the Sociology of Emotions* / ed. by J. E. Stets, J. H. Turner. N.Y.: Springer, 2006. P. 155–178.
- 6 См.: Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999. С. 38–39.
- 7 Цит. по: Абельс Х. Указ. соч. С. 48.
- 8 Гофман И. Порядок взаимодействия. Послание президента Американской ассоциации социологов 1982 года // *Теоретическая социология: Антология*: в 2 ч. М.: Кн. дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 27.
- 9 См.: Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; ФОМ, 2004. С. 207.
- 10 См.: Гофман Э. Представление себя другим // *Современная зарубежная социальная психология*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 192.
- 11 Там же. С. 194.
- 12 Hochschild A. R. *The managed heart: commercialization of human feeling*. Berkeley: California of University Press, 1983. 318 p.
- 13 Ibid. P. 35.

¹⁴ См.: Горбунова М. Ю. Управленческий потенциал эмоций в социальных отношениях / Саратов. гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2010. 180 с.

¹⁵ См.: Smith-Lovin L. Emotion as the Confirmation and Disconfirmation of Identity: An Affect Control

Model // Research Agendas in the Sociology of Emotions / ed. by T. D. Kemper. Albany: State University of New York Press, 1990. P. 238–270.

¹⁶ См.: Stets J. E. Examining Emotions in Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 2005. № 68. P. 39–56.

УДК 316.346. 32–053.81 (470+571)

МОЛОДЕЖНЫЙ СЕГМЕНТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет
E-mail: Dyl'nov@info. sgu. ru

Статья посвящена анализу современного молодежного предпринимательства в России, тех проблем, с которыми она сталкивается сегодня.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, молодежный бизнес. проблемы развития предпринимательства.

Youth Business Segment in Modern Russia: Status and Outlook

Z. M. Dyl'nova

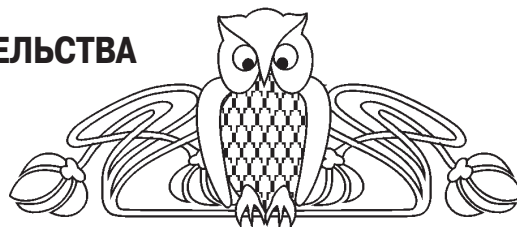
The paper is devoted to analysis of the modern youth business in Russia and problems faced by it now.

Key words: youth, business, youth business, business development problems.

Как известно, предпринимательство – стержень рыночной экономики, костяк среднего класса, выступающего фундаментом социальной структуры рыночного общества. Естественно поэтому, что коренное реформирование всей жизни современной России на рубеже 90-х гг. прошлого столетия выдвинуло предпринимательство на передовые рубежи преобразований. Понятно, что это коснулось и молодежного предпринимательства.

Именно молодежью было создано около 70–80% появившихся в начале 90-х гг. малых и средних негосударственных предприятий. Молодежное предпринимательство – весьма сложный сектор, который требует серьезного внимания со стороны государственных органов. Его правильно построенная целенаправленная поддержка обеспечивает развитие малого предпринимательства в регионе, что, в свою очередь, приведет к экономическому росту, повышению инвестиционной привлекательности.

Во многих российских регионах большое количество молодых людей оказалось невостребованным в сфере государственной экономики. Значительная часть молодежи проявляет довольно высокую активность предпринимательской деятельности, но по причине отсутствия реального

механизма поддержки молодежного предпринимательства большинство начинаний либо закрывается в течение первых нескольких месяцев работы, либо уходит в сторону нелегального, а нередко и криминального бизнеса.

Молодые предприниматели остро нуждаются в экспресс-обучении основам предпринимательской деятельности, консультационном обслуживании, помещениях, оснащенных современными средствами связи и оргтехникой, бухгалтерских и многих других услугах на льготных условиях. Обществу необходимо развитие молодежного предпринимательства, поощрение и распространение его цивилизованных форм. Молодежные малые предприятия могут способствовать созданию дополнительных рабочих мест при значительно меньших затратах, чем на крупных предприятиях, что частично решит проблему безработицы в регионах.

Увеличение доли молодых предпринимателей в общей структуре предпринимательства свидетельствует об усилении интереса молодежи к предпринимательской деятельности, которая, в свою очередь, требует от них определенных знаний и опыта, личных качеств. Большинство молодежи, в силу ряда объективных причин, не имеет в достаточной мере таких знаний и опыта. В результате этого они не могут в полной мере воплотить в жизнь свои идеи, бизнес-проекты, поэтому для успешной работы молодым предпринимателям необходимо компенсировать недостаток знаний, опыта. В то же время молодые люди обладают огромным новаторским, инновационным потенциалом, который необходимо развивать. При этом молодой предприниматель должен уметь преподнести свою идею, уметь заявить о себе, о своих качествах.

Поскольку именно от сегодняшней молодежи зависит то, каким будет предпринимательство через 10 лет, нужно уже сейчас закладывать в сознание молодежи правильный подход к ведению бизнеса. Обычно молодых предпринимателей притягивают те сферы деятельности, деловой активности, которые способствуют быстрому росту капитала, высокой рентабельности (по-

¹⁴ См.: Горбунова М. Ю. Управленческий потенциал эмоций в социальных отношениях / Саратов. гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2010. 180 с.

¹⁵ См.: Smith-Lovin L. Emotion as the Confirmation and Disconfirmation of Identity: An Affect Control

Model // Research Agendas in the Sociology of Emotions / ed. by T. D. Kemper. Albany: State University of New York Press, 1990. P. 238–270.

¹⁶ См.: Stets J. E. Examining Emotions in Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 2005. № 68. P. 39–56.

УДК 316.346. 32–053.81 (470+571)

МОЛОДЕЖНЫЙ СЕГМЕНТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет
E-mail: Dyl'nov@info. sgu. ru

Статья посвящена анализу современного молодежного предпринимательства в России, тех проблем, с которыми она сталкивается сегодня.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, молодежный бизнес. проблемы развития предпринимательства.

Youth Business Segment in Modern Russia: Status and Outlook

Z. M. Dyl'nova

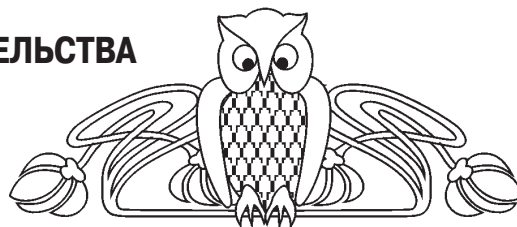
The paper is devoted to analysis of the modern youth business in Russia and problems faced by it now.

Key words: youth, business, youth business, business development problems.

Как известно, предпринимательство – стержень рыночной экономики, костяк среднего класса, выступающего фундаментом социальной структуры рыночного общества. Естественно поэтому, что коренное реформирование всей жизни современной России на рубеже 90-х гг. прошлого столетия выдвинуло предпринимательство на передовые рубежи преобразований. Понятно, что это коснулось и молодежного предпринимательства.

Именно молодежью было создано около 70–80% появившихся в начале 90-х гг. малых и средних негосударственных предприятий. Молодежное предпринимательство – весьма сложный сектор, который требует серьезного внимания со стороны государственных органов. Его правильно построенная целенаправленная поддержка обеспечивает развитие малого предпринимательства в регионе, что, в свою очередь, приведет к экономическому росту, повышению инвестиционной привлекательности.

Во многих российских регионах большое количество молодых людей оказалось невостребованным в сфере государственной экономики. Значительная часть молодежи проявляет довольно высокую активность предпринимательской деятельности, но по причине отсутствия реального

механизма поддержки молодежного предпринимательства большинство начинаний либо закрывается в течение первых нескольких месяцев работы, либо уходит в сторону нелегального, а нередко и криминального бизнеса.

Молодые предприниматели остро нуждаются в экспресс-обучении основам предпринимательской деятельности, консультационном обслуживании, помещениях, оснащенных современными средствами связи и оргтехникой, бухгалтерских и многих других услугах на льготных условиях. Обществу необходимо развитие молодежного предпринимательства, поощрение и распространение его цивилизованных форм. Молодежные малые предприятия могут способствовать созданию дополнительных рабочих мест при значительно меньших затратах, чем на крупных предприятиях, что частично решит проблему безработицы в регионах.

Увеличение доли молодых предпринимателей в общей структуре предпринимательства свидетельствует об усилении интереса молодежи к предпринимательской деятельности, которая, в свою очередь, требует от них определенных знаний и опыта, личных качеств. Большинство молодежи, в силу ряда объективных причин, не имеет в достаточной мере таких знаний и опыта. В результате этого они не могут в полной мере воплотить в жизнь свои идеи, бизнес-проекты, поэтому для успешной работы молодым предпринимателям необходимо компенсировать недостаток знаний, опыта. В то же время молодые люди обладают огромным новаторским, инновационным потенциалом, который необходимо развивать. При этом молодой предприниматель должен уметь преподнести свою идею, уметь заявить о себе, о своих качествах.

Поскольку именно от сегодняшней молодежи зависит то, каким будет предпринимательство через 10 лет, нужно уже сейчас закладывать в сознание молодежи правильный подход к ведению бизнеса. Обычно молодых предпринимателей притягивают те сферы деятельности, деловой активности, которые способствуют быстрому росту капитала, высокой рентабельности (по-

средническая деятельность, торгово-закупочные операции, услуги по организации «коммерческого туризма» и т. д.). Следствием такого «притяжения» является гипертрофирование сферы обращения в противовес сфере производства. Отсюда и отрицательные качества предпринимателей – стремление к наживе, безразличие к общественным интересам, непорядочность, нечестность в отношениях, неразборчивость в средствах. Развитие предпринимательской деятельности молодых людей в производственной сфере крайне низкое.

Подобная группа предпринимателей обычно поздно включается в бизнес, что затрудняет их экономическое продвижение, несмотря на повышение психологической готовности к активным действиям. Предприниматели в производственной сфере могли бы более полно реализовывать свои способности в направлениях, которые госсектор не способен обеспечить, могли бы насытить рынок потребительскими товарами и услугами.

Как же сама молодежь относится к тем проблемам и препонам развития предпринимательства в нашей стране? Определенный ответ получен нами по результатам исследования взглядов молодежи Саратовской области на состояние и перспективы развития малого предпринимательства в современных условиях¹.

Прежде всего можно подчеркнуть, что для молодежи малый бизнес является основным видом заработка – так считают до 60% молодых людей в возрасте до 30 лет. При этом можно отметить, что наряду с предпринимательской деятельностью более 33% опрошенных учатся в различных учебных заведениях.

Весьма интересен вопрос о сфере деятельности молодых предпринимателей. Данные исследования свидетельствуют о том, что молодых предпринимателей в промышленности, строительстве, в сфере научного обслуживания и банковском деле вообще нет, в сельском хозяйстве их доля около 7%, на транспорте – около 27%, в торговле и общественном питании молодых предпринимателей более всего – это 60%).

В Саратовской области молодежное предпринимательство в основном функционирует в форме индивидуального и частного предпринимательства, на которые приходится более 85% молодых предпринимателей.

Важно отметить, что в качестве мотивов и целей предпринимательской деятельности молодежь определяет такие, как стремление заработать деньги, получить самостоятельность и повысить свой социальный статус – 93% всех опрошенных.

Молодые предприниматели ясно видят и наличие проблем в своей предпринимательской деятельности: более 86% опрошенных полагают, что такие проблемы есть. Среди проблем молодежь называет такие, как налоги (73,3%), конкуренция (66,6%), законодательство (40%), аренда (46,6%), инфляция (26,7%), кадровые проблемы (40%) и др.

Интересным представляется вопрос о способах решения проблем предпринимательства. Четверть всех опрошенных молодых предпринимателей полагают, что преодолеть трудности на рынке в значительной мере возможно за счет улучшения качества обслуживания и товаров, что свидетельствует о наличии в молодежной предпринимательской среде достаточно высокого уровня оптимизма. В отличие от среднего и старшего поколений предпринимателей молодежь менее зависима от социальных связей и более толерантна к возникающим трудностям своей деятельности.

При этом следует отметить, что молодые предприниматели и предприниматели старших возрастов практически сходятся в оценке роли государства в развитии предпринимательства – около половины всех опрошенных считает, что государство препятствует нормальному развитию бизнеса.

Несмотря на все сказанное, современное российское молодежное малое предпринимательство сохраняет перспективы дальнейшего развития, но для этого требуются существенные изменения в условиях его становления². Прежде всего необходима переориентация государственной, в том числе молодежной, политики в области развития малого и среднего бизнеса, о чем много говорят в последнее время руководители нашего государства, а именно: необходим отход от установок на утверждение западных цивилизационных стандартов, замена их приоритетами использования и стимулирования соответствующих народной ментальности российских традиций предпринимательской деятельности.

Примечания

¹ В 2010 г. Центром региональных социологических исследований СГУ было проведено исследование методом анкетирования социально-экономических предпринимательских практик. Было опрошено 125 респондентов разных возрастов и социальных статусов.

² См.: Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005.

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

И. А. Юрасов, И. Н. Горячев

Пензенский государственный университет
E-mail: Jurassow@mail.ru

В работе рассматриваются социальные основы развития территориального общественного самоуправления в регионах Российской Федерации – это местный социально-экономический интерес, протестная активность, соседские связи, особая форма коллективизма «артельность». Данные социальные основы являются элементами модели развития местного самоуправления в регионах России.

Ключевые слова: артельность, местное самоуправление, модель, низовая активность, соседские связи, социально-экономический интерес.

Social Bases of Territorial Public Self-Management in Regions of Russia

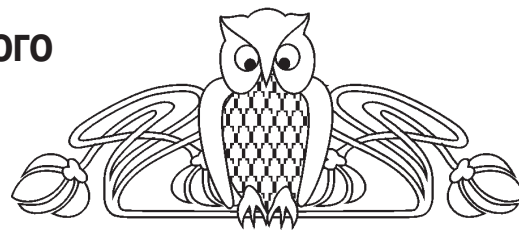
I. A. Yurasov, I. N. Goryachev

We consider the social basis of territorial public self-government in the regions of the Russian Federation. They are: the local socio-economic interest, protest activity, neighborly relations, a special form of collectivism «artisanal». These are elements of the social foundations of the model of local government development in skeletal regions of Russia.

Key words: artisanal, local government, the model, lower activity, neighborly relations, socio-economic interest.

В настоящее время одной из наиболее дискутируемых проблем в отечественной общественной науке является территориальное общественное самоуправление (далее ТОС). Благодаря ТОС должен развиваться муниципальный менеджмент. Без развитого местного самоуправления невозможно далее продолжение административных реформ, модернизации государственного управления в нашей стране.

В настоящее время основная проблема развития ТОС в России связана с развитием местного сообщества. Большинство ученых отмечает их несформированность. Кроме того, в печатных и электронных СМИ нелиберального толка раздаются голоса, утверждающие, что одной из особенностей российского менталитета является его неспособность к самоорганизации, и что эта способность гаснет по мере удаления от центральных регионов нашей страны. Говорится о том, что в Российской Федерации слабо сформированы местные сообщества, на базе которых будет развиваться социальный институт, местное самоуправление. Причины этому следует искать в непонимании российской национальной и регио-

нальной специфики и в слабом владении современной социологической теорией и практикой и в сложности современного российского социума.

В марте 2010 г. Ассоциацией «Совет муниципальных образований Пензенской области» и кафедрой «Государственное управление и социология региона» Пензенского государственного университета был проведен экспертный опрос по теме «Муниципальная реформа и органы территориального общественного самоуправления». Была разработана анкета и разослана в муниципальные образования Пензенской области с населением от 10 до 500 тыс. человек. Анкету предлагалось заполнить главе города и депутатам, а также главе администрации города и сотруднику отдела администрации по работе с общественными организациями. Всего в исследовании приняло участие 27 экспертов.

По мнению экспертов, оптимальной формой управления на местах является администрация района (мнение 49,0%). Данной форме, по результатам опроса, незначительно уступают формы территориального общественного самоуправления: товарищество собственников жилья (45,1%) и уличные комитеты (35,3%).

Для наглядности на рис. 1 приводятся отдельно результаты ответов депутатов и специалистов администрации, которым было предложено выбрать не более трех вариантов ответа.

Кроме того, экспертам было предложено ответить на вопросы, касающиеся социальных основ ТОС в Пензенском регионе. На выбор были предложены варианты ответов: властное воздействие государства и местных администраций, низовая активность местного населения, наличие местных лидеров, особые виды соседских связей, знания и компетенции по самоорганизации, уровень доверия граждан и т. п.

В таблице приводится мнение экспертов (экспертный опрос, март 2010г.) по вопросу организации и финансирования работы органов ТОС.

По мнению экспертов, органы ТОС в Пензенской области должны создаваться населением при поддержке органов местного самоуправления (самый распространенный ответ, мнение 72,5% экспертов).

На вопрос: «Какую социальную активность проявляет население в решении проблем территории проживания?» – 49,0% ответили – «низкую», 31,4 – «умеренную» и лишь 3,9 – «высокую». При этом активность горожан в решении проблем

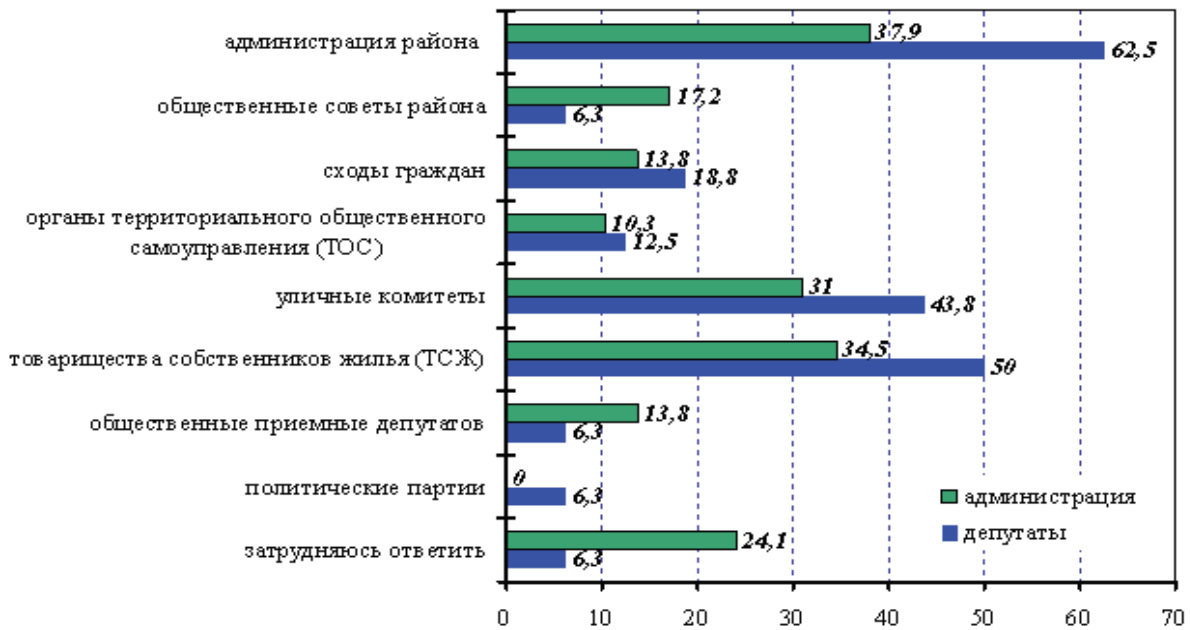

Рис. 1. Распределение ответов экспертов в 2010 г. на вопрос: «Какая оптимальная форма управления на местах?» (в % от числа ответивших, N = 27)

**Перспектива развития органов территориального общественного самоуправления
(в % от числа ответивших, N = 27)**

Кто должен создавать общественные организации на территории микрорайона, квартала?		На каких основаниях должна осуществляться работа в органах территориального общественного самоуправления – ТОСах?	
Население при поддержке органов местного самоуправления	72,5	На основе самообеспечения	35,3
Население самостоятельно	23,5	На общественных началах	25,5
Исполнительные органы местной власти	2,0	Затрудняюсь ответить	21,6
Затрудняюсь ответить	2,0	Финансироваться из городского бюджета	15,7

территории проживания проявляется в форме жалоб и прошений (84,3% экспертов отмечают письменные обращения в администрацию, 39,2 – в Думу). Данная активность – иждивенческая, она направлена на то, что другие субъекты (власть, бизнес и др.) решат проблемы горожан. Мнение относительно выступления в прессе равно 27,5%. Меньше 10%: участие в митингах (9,8%); самоорганизация по месту жительства (5,9%); участие в деятельности НКО нацеленных на решение вопросов территории проживания (7,8%).

В основном причинами низкой активности является: безразличие к общим делам (так считают 58,8% экспертов), неверие в возможность оказывать влияние на решения властей (мнение 47,1% экспертов), привычка надеяться на действия властей (35,3%) и др. (рис. 2). Социальная активность напрямую зависит от таких показателей, как благополучие, защищенность и достижение социального успеха (снижение социальной депривации)¹.

Анализируя данные на рис. 2, обратим внимание на низкий уровень доверия властям

различного уровня (мнение 47,1% экспертов) и взаимного доверия граждан (15,7%). По этой причине дополнительно на рис. 3 приводятся данные о доверии населения различным субъектам социального процесса.

Доверие является основой «низовых» неформальных экономических и социальных отношений в обществе. Оно складывается в результате общности интересов и ценностей, является определенным ресурсом общества – социальным капиталом. В. Звоновский отмечает, что после распада социальных институтов советского общества (и при отсутствии новых) индивидуальное доверие функционирует только как личное (между знакомыми людьми), безличное доверие остается одним из самых слабо развитых элементов социального взаимодействия². Без доверия нет и дальнейшего объединения на низовом уровне – для защиты собственных интересов или интересов своей группы³.

Анализируя результаты проведенных социологических исследований, приходим к выводу, что

Рис. 2. Ответ экспертов в 2010 г. на вопрос: «Что, по Вашему мнению, чаще всего препятствует активному участию населения в работе общественных организаций, нацеленных на решение вопросов территории проживания?» (в % от числа ответивших, N = 27)

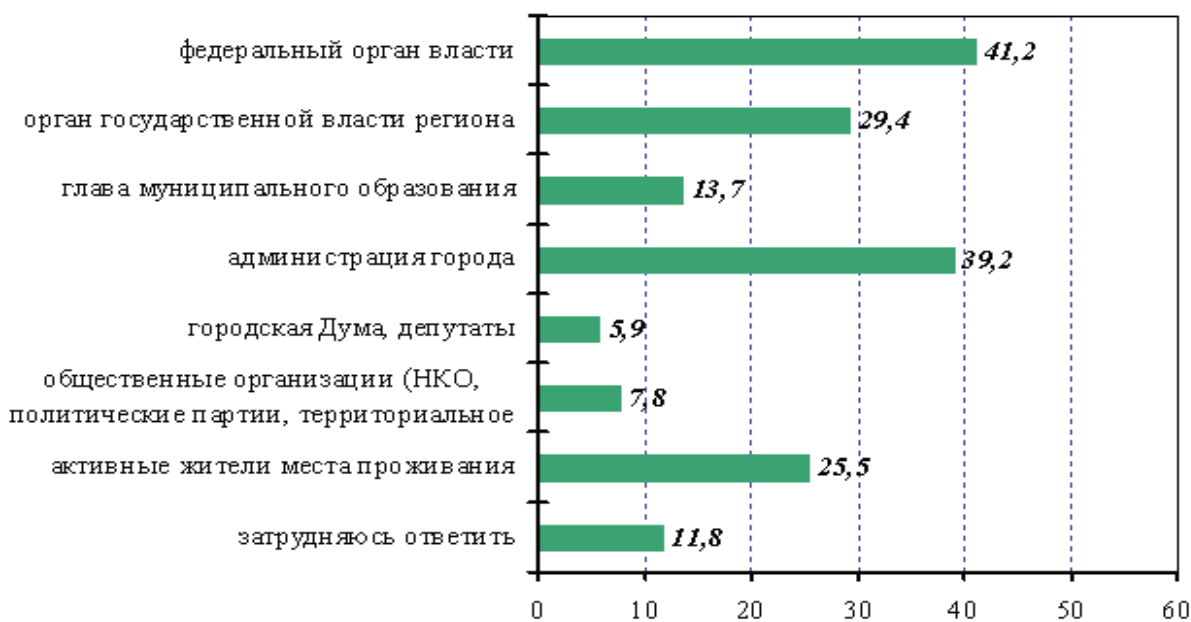

Рис. 3. Ответ экспертов в 2010 г. на вопрос: «Укажите, кому больше доверяет население: ...» (в % от числа ответивших, N = 27)

основная проблема развития ТОС состоит в том, что государство пытается организовать местное самоуправление «сверху», насаждая не вполне привычные национальному и региональному обществу социальные институты. Самоорганизация и самоуправление должны быть сформированы «снизу», используя уникальные и оригинальные российские и региональные социальные институты, сформированные на основе выгод и местных интересов. ТОС начинает формироваться тогда, когда возникает угроза реализации местного

интереса граждан. На этой основе формируется протестная низовая активность, запускающая весь механизм развития ТОС.

Авторы статьи поддерживают точку зрения ученых-обществоведов, которые противятся лоббированию вестернизированных общественных моделей развития и справедливо утверждают, что ТОС, как и определенные формы гражданского общества, присущи нашей стране, только эти модели обладают специфическими социокультурными отличиями.

Эти социокультурные особенности являются социальными основами и элементами модели развития ТОС в Российской Федерации. К ним относятся:

- 1) местный социально-экономический интерес;
- 2) протестная активность;
- 3) особая форма коллективизма – «артельность»;
- 4) соседские связи;
- 5) информационно-инновационная инфраструктура.

Субъектом и движущей силой ТОС в регионе являются «новые собственники», члены товариществ собственников жилья (далее ТСЖ) и не только. Новые собственники – это люди, которые приобрели жилье в собственность после 1991 г. за свои собственные финансовые средства. В отличие от «старых собственников», которые получили жилье бесплатно от социалистического государства и приватизировали его. Главными отличиями новых собственников являются: высокий уровень социальной активности и мобильности, ответственность, «хозяйский» тип мотивации, высокоразвитый уровень эмоционального интеллекта, способность к самозанятости и самоорганизации⁴.

Кроме того, в соответствии с «железным законом олигархии» Р. Михельса ускоряется процесс выделения новых собственников из общей массы местного сообщества и усиливается социальная активность этой социально-экономической группы населения⁵.

Опираясь на него, можно однозначно сделать вывод, что с течением времени в любой самоорганизующейся системе, объединяясь общей идеологией и интересами, складывается авангард профессиональных управленцев, которые присваивают себе всю власть в данной системе. Эта социальная группа субъектов местного самоуправления формируется на основе ресурса свободного времени, которые они могут потратить на организацию управления людьми на уровне регионов и муниципалитетов.

Такие люди самостоятельно организуют учет финансовых средств, поступивших на счёт управляющих компаний, отлично разбираются в экономических теоретических и практических вопросах, они в состоянии решать сложные вопросы по управлению ТСЖ, организовывать менее активную часть собственников жилья.

Ключ к решению проблемы развития ТОС и самоорганизации российского социума следует искать в том, что его пусковым механизмом является протестная неформальная низовая активность местного сообщества. Общий социально-экономический интерес новых собственников, особенно в ситуациях, грозящих его реализации, рождает особую протестную активность и приводит в движение механизм самоорганизации местных сообществ.

Далее низовая неформальная протестная активность местного населения сталкивается с таким оригинальным российским социальным явлением, как «артельность», представляющее собой особую форму коллективизма. Она формируется в недрах местного российского сообщества. Е. Троицкий понимает под этим феноменом особую форму российской общинности, способствующей самоорганизации, в основе которой лежит базовая цивилизационная ценность российского народа – социальный коллективизм. М. Слобожанин отмечал, что российские артели составляли четыре основных группы: 1) духовные; 2) правовые; 3) хозяйственные или экономические; 4) общежительские⁶.

1. Бытовые артели духовного характера. Они принимали характер: а) религиозный; б) развлеченный и увеселенный; в) удовлетворения умственных потребностей (совместная выписка газет, книг, совместный наем учителя и т. п.).

2. Бытовые артели правового характера для поддержания уровня заработной платы, условий труда. По сути дела эти артели содержали в себе зачатки рабочих профессиональных союзов.

3. Бытовые артели с хозяйственными экономическими задачами. Сюда относились две самые большие группы российских артелей – промышленные и сельскохозяйственные. А промышленными артелями и товариществами назывались обычно артельные объединения в области обрабатывающей промышленности.

4. Общежительские товарищества и артели объединяли лиц, как занятых производительной трудовой деятельностью, так и не занятых ею.

Используя положения М. Слобожанина, можно сделать вывод, что базовыми качествами российской артельности являются бытовые с хозяйственными и экономическими задачами и общежительские артели. Хотя юридически и формально российская артель на местном уровне представлена слабо, все её характеристики определяют особенности местного самоуправления. На основе этих характеристик и происходит и самоорганизация местных сообществ. Главным ресурсом, позволяющим развивать местное самоуправление, является наличие свободного времени местного населения⁷.

Следующим элементом социальной основы развития ТОС в современной российской городской среде является наличие соседских связей, которые складываются внутри местного сообщества.

Всеми исследователями признается значимость и исключительная ценность местного сообщества. Оно способствует формированию таких качеств, как солидарность, взаимное доверие и обязательства, общность интересов. В каждом сообществе существует определенный социальный порядок, особая связь физических лиц с локальной территорией и возникающая в силу этого их особая связанность между собой для

достижения совместных целей. Сообщество невелико, поэтому в нем создается чувство общности и соседская связь, вызванная близостью проживания и сходством повседневных дел, постоянными личными контактами, сходным стилем жизни, множеством общих местных дел, общей системой ценностей. Сообщество постоянно ассимилирует новых индивидов. Индивиды включаются в жизнь сообщества, обмениваются опытом и могут, наконец, выпасть из него. Но сообщество вместе с тем порядком, который оно в себе воплощает, продолжает жить дальше⁸.

В методологическом аспекте сообщество можно рассматривать в рамках структурного подхода, который имеет в своей основе три момента: географическую территорию, взаимосвязанные экономические институты и собственные органы управления. К сообществам в таком понимании можно отнести и населенные пункты, и крупные города. Другая традиция – функциональный подход, сообщество в первую очередь подразумевает социальные отношения, характеризующиеся доверительностью, высокими моральными устоями, сплоченностью и продолжительностью во времени⁹. Обе традиции по-своему значимы и находят отражение в определениях «местного сообщества». Так, Е. Е. Горяченко отмечает, что разные авторы в определениях сообщества выделяют¹⁰:

- 1) проживание на общей территории;

- 2) сложившиеся отношения внутри группы, культурную или ценностную общность;
- 3) устойчивое социальное взаимодействие;
- 4) идентификацию с сообществом, главной целью которой остается биологическая адаптация в социальном пространстве.

Информационно-инновационную инфраструктуру развития ТОС формирует инновационная социальная технология, построенная на особом социально-коммуникативном канале «человек–машина–человек», когда катализатором различных форм низовой социальной активности является виртуальное общение жителей одной местности через интернет-форумы, посвященные местным проблемам. Как правило, толчком к обсуждению становится опасность, угрожающая реализации того или иного проекта. Эта опасность становится основой протестной активности местного населения. В ходе обсуждения на форуме вырабатывается совместная стратегия и тактика действия.

Инновационные технологии, информационно-инновационная инфраструктура, их использование в реальной управленческой деятельности еще слабо изучены, слабо используются в реальной практической жизни, а их теоретическое осмысление еще ждет своего исследователя.

Итак, социальные основы развития ТОС структурируются в модель, представленную на рис. 4.

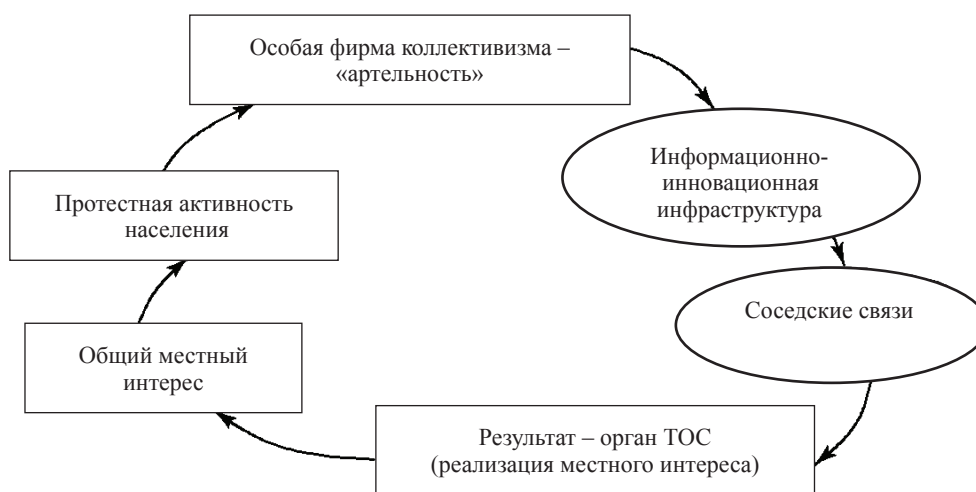

Рис. 4. Модель развития ТОС в регионах России

Таким образом, социальной основой российского местного самоуправления является уникальная социальная структура, местное, организованное «снизу» самими гражданами сообщество. Главным признаком его является неформальная организация, наличие местного интереса, протестная активность, соседские связи, основанные на региональном и местном интересах. Самоорганизация строится на принципах «артельности». Под этим феноменом понимается особая форма российской общинности, способствующая самоорганизации, в основе которой лежит базовая

цивилизационная ценность российского народа – социальный коллективизм.

Примечания

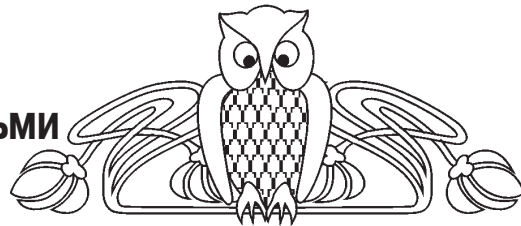
- ¹ См.: Петренко Е. С., Градосельская Г. В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. 2009. № 1. С. 142.
- ² См.: Звоновский В. Повседневное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 107.

- ³ См.: Петренко Е. С., Градосельская Г. В. Указ. соч. С. 132.
- ⁴ См.: Малютина О. В. Институционализация местных сообществ как условие развития социальной активности жителей крупных городов : дис. ... канд. соц. наук. Пенза, 2009. С. 158.
- ⁵ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. S. 401.
- ⁶ См.: Троицкий Е. Русская артельность [Электронный ресурс]. URL : http://old-rus.narod.ru/articles/art_21.htm (дата обращения : 05.03.2011).
- ⁷ Троицкий Е. Русская артельность.
- ⁸ См.: Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 13.
- ⁹ См.: Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социс. 1999. № 7. С. 125.
- ¹⁰ Горяченко Е. Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. С. 534.

УДК 316.356.2 (470+571)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

В. В. Чернышев

Министерство социального развития Саратовской области
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье представлен анализ мнения сельских женщин Саратовской области относительно первоочередных дополнительных мер государственной социальной поддержки семей с детьми. Выделены факторы, детерминирующие выбор направлений социальной поддержки. Статья подготовлена по материалам анализа результатов выборочного социологического исследования.
Ключевые слова: государственная социальная поддержка, семьи с детьми, сельские семьи.

Topical Directions of Social Support of Families with Children in the Countryside

V. V. Chernyshev

In article is presented the analysis of the opinion of the rural woman of Saratov region about priority additional measure of state social support of family with children. There are factors, determined choice of the directions of social support. The article is prepared on material of the analysis result selective sociological study.

Key words: state social support, families with children, rural families.

Комплексная система государственной социальной поддержки населения способна стать важным фактором формирования инновационного сельского социума. Современные требования становления и развития инновационного общества и трудности с гармоничной адаптацией к ним сельских семей стимулируют необходимость учета этих особенностей в процессе разработки и реализации эффективной государственной семейной политики. Сельские семьи с детьми являются специфическим объектом государственной социальной поддержки ввиду наличия повышенной иждивенческой нагрузки и высокого риска попадания за черту бедности. В Концепции семейной

политики Саратовской области на 2006–2010 гг. (принятой постановлением правительства Саратовской области от 26 декабря 2005 г. № 447-П) указывается, что для эффективности ее реализации необходимо учитывать «результаты научных исследований положения семьи, родительства и детства в Саратовской области, ожиданий семьи и домохозяйств относительно направлений и форм государственной помощи, ресурсов и возможностей социальных служб по обеспечению социальной поддержки...»¹.

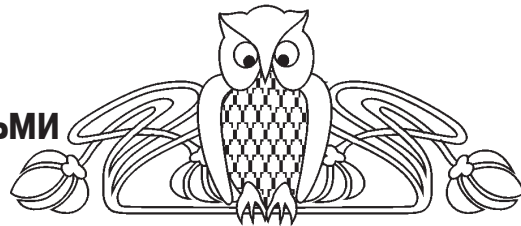
Важность системы социальной поддержки для сельской семьи подтверждают результаты проведенного учреждением Российской академии наук Институтом аграрных проблем выборочного социологического исследования. В процессе исследования было опрошено 173 сельских женщины в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие детей. Опрос проводился согласно репрезентативной выборке, повторяющей структуру сельских семей по количеству детей. Так, 68,8% опрошенных сельских женщин считают, что современная сельская семья не может выжить без поддержки государства и лишь 13,3% считают, что может. Выбор ответа на этот вопрос определяют такие факторы, как уровень образования женщины, ее статус занятости, статус занятости и место работы супруга, количество имеющихся детей. Со снижением уровня образования уменьшается доля женщин, считающих, что сельская семья может выжить без поддержки государства: от 18,4% женщин с высшим образованием до 6,9% – со средним общим. Женщины, чей супруг работает в г. Саратове или вахтовым методом в 1,2–1,5 раза чаще отвечают, что сельская семья не может выжить без поддержки государства, в то время как женщины, чьи мужья либо не заняты совсем, либо зарегистрированы в органах службы занятости

- ³ См.: Петренко Е. С., Градосельская Г. В. Указ. соч. С. 132.
- ⁴ См.: Малютина О. В. Институционализация местных сообществ как условие развития социальной активности жителей крупных городов : дис. ... канд. соц. наук. Пенза, 2009. С. 158.
- ⁵ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. S. 401.
- ⁶ См.: Троицкий Е. Русская артельность [Электронный ресурс]. URL : http://old-rus.narod.ru/articles/art_21.htm (дата обращения : 05.03.2011).
- ⁷ Троицкий Е. Русская артельность.
- ⁸ См.: Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 13.
- ⁹ См.: Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социс. 1999. № 7. С. 125.
- ¹⁰ Горяченко Е. Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. С. 534.

УДК 316.356.2 (470+571)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

В. В. Чернышев

Министерство социального развития Саратовской области
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье представлен анализ мнения сельских женщин Саратовской области относительно первоочередных дополнительных мер государственной социальной поддержки семей с детьми. Выделены факторы, детерминирующие выбор направлений социальной поддержки. Статья подготовлена по материалам анализа результатов выборочного социологического исследования.
Ключевые слова: государственная социальная поддержка, семьи с детьми, сельские семьи.

Topical Directions of Social Support of Families with Children in the Countryside

V. V. Chernyshev

In article is presented the analysis of the opinion of the rural woman of Saratov region about priority additional measure of state social support of family with children. There are factors, determined choice of the directions of social support. The article is prepared on material of the analysis result selective sociological study.

Key words: state social support, families with children, rural families.

Комплексная система государственной социальной поддержки населения способна стать важным фактором формирования инновационного сельского социума. Современные требования становления и развития инновационного общества и трудности с гармоничной адаптацией к ним сельских семей стимулируют необходимость учета этих особенностей в процессе разработки и реализации эффективной государственной семейной политики. Сельские семьи с детьми являются специфическим объектом государственной социальной поддержки ввиду наличия повышенной иждивенческой нагрузки и высокого риска попадания за черту бедности. В Концепции семейной

политики Саратовской области на 2006–2010 гг. (принятой постановлением правительства Саратовской области от 26 декабря 2005 г. № 447-П) указывается, что для эффективности ее реализации необходимо учитывать «результаты научных исследований положения семьи, родительства и детства в Саратовской области, ожиданий семьи и домохозяйств относительно направлений и форм государственной помощи, ресурсов и возможностей социальных служб по обеспечению социальной поддержки...»¹.

Важность системы социальной поддержки для сельской семьи подтверждают результаты проведенного учреждением Российской академии наук Институтом аграрных проблем выборочного социологического исследования. В процессе исследования было опрошено 173 сельских женщины в возрасте от 18 до 45 лет, имеющие детей. Опрос проводился согласно репрезентативной выборке, повторяющей структуру сельских семей по количеству детей. Так, 68,8% опрошенных сельских женщин считают, что современная сельская семья не может выжить без поддержки государства и лишь 13,3% считают, что может. Выбор ответа на этот вопрос определяют такие факторы, как уровень образования женщины, ее статус занятости, статус занятости и место работы супруга, количество имеющихся детей. Со снижением уровня образования уменьшается доля женщин, считающих, что сельская семья может выжить без поддержки государства: от 18,4% женщин с высшим образованием до 6,9% – со средним общим. Женщины, чей супруг работает в г. Саратове или вахтовым методом в 1,2–1,5 раза чаще отвечают, что сельская семья не может выжить без поддержки государства, в то время как женщины, чьи мужья либо не заняты совсем, либо зарегистрированы в органах службы занятости

как безработные чаще, чем в среднем по выборке, считают, что может.

В среднем по выборке 40,6% опрошенных сельских женщин считают, что в качестве приоритетных мер поддержки семей с детьми необходимо повышать благосостояние населения, в том числе на основе роста уровня оплаты труда. Около 23,5% опрошенных сельских женщин считают, что необходима в первую очередь материальная поддержка матерей, еще 15,3% высказываются за важность обеспечения семей доступным жильем. По 11,8% респондентов уверены, что необходимы льготы семьям с детьми, гарантии трудоустройства матерей и бесплатные и доступные детские сады, детский досуг. Около 5,9% опрошенных женщин затруднились ответить на вопрос о приоритетных мерах поддержки материнства и детства. Лишь 0,6% о высказали мнение о том, что государство сейчас делает достаточно для поддержки материнства и детства.

Мнение сельских женщин о приоритетных направлениях социальной поддержки материнства и детства дифференцируется в зависимости от набора факторов, отражающих как объективные параметры социально-экономического положения семьи, так и субъективные предпочтения опрашиваемых женщин, как членов этих сельских семей. К объективным параметрам относятся возраст женщины, ее уровень образования, семейное положение, наличие и количество детей, статус занятости как самой женщины, так и ее супруга, уровень среднедушевых денежных доходов. К субъективным параметрам относятся структура жизненных ценностей женщины, уровень ее жизненных притязаний и достижений, которые, в свою очередь, детерминируют различные модели брачного, репродуктивного и потребительского поведения. Рассмотрим влияние этих факторов подробнее.

Влияние возраста женщины проявляется не напрямую, а опосредованно, через определенные стадии жизненного цикла женщины и механизм формирования соответствующих типов и моделей поведения. Так, женщины до 24 лет гораздо реже остальных указывают в качестве приоритетных такие направления поддержки материнства и детства, как материальная поддержка матерей (16,0% при средней по выборке 23,5%), льготы семьям с детьми (4,0% при средней 11,8%), гарантии трудоустройства матерей (8,0% при средней 11,8%). Среди женщин в возрасте от 25 до 30 лет самая низкая доля тех, кто считает в качестве приоритетной меры поддержки необходимость повышения благосостояния семей – 30,8% при средней по выборке 40,6%, что, вероятно, связано с их надеждами на самостоятельное улучшение уровня и качества жизни своей семьи. Однако с возрастом уверенность в этой возможности снижается: среди женщин от 31 до 35 лет доля указавших необходимость повышения материального благополучия семьи в качестве приоритетной меры поддержки

материнства и детства составляет 47,6% (при средней 40,6%), среди женщин от 36 до 40 лет – 53,1% (при средней 40,6%), среди тех, кто старше 41 года – 66,7% (при средней 40,6%).

Выбор приоритетности обеспечения семей с детьми льготами растет с возрастом респондентов: если среди женщин в возрасте до 24 лет только 4,0% высказываются за льготы, среди женщин от 25 до 30 лет – 10,8%, от 31 до 35 лет – 11,9%, а среди тех, кому от 36 до 40 лет – уже 18,8% (при средней 11,8%). Приоритетность гарантий трудоустройства матерей влечет за собой важность обеспечения бесплатных и доступных детских садов, кружков, секций и детского досуга, то есть кто выбирает первое, однозначно указывает на важность второго. Однако выбор в качестве приоритета гарантии в сфере занятости с развитием институтов помощи в воспитании ребенка не зависит от возраста, а определяется ориентациями женщин в сфере занятости, текущим статусом занятости, количеством имеющихся детей, наличием брачного партнера и статусом его занятости. Аналогичным образом выбор в качестве приоритета такого направления, как обеспечение доступным жильем, не имеет прямой связи с возрастом респондента, а определяется текущим уровнем жилищных условий семьи и возможностями для его изменения в случае необходимости.

Влияние уровня образования более заметно в связи с тем, что он формирует этико-моральный образ личности, а также ценностно-мотивационную окраску его поведения и восприятия окружающего мира. К примеру, для женщин с более высоким уровнем образования (высшим и средним профессиональным) характерны более высокие средние значения таких ценностей, как образование (4,39% при средней по выборке 4,28%), ребенок (4,93% при средней 4,86%), удачная карьера (3,72% при средней 3,54%), семья (4,68% при средней 4,57%), зарегистрированный брак (3,48% при средней 3,35%), 2 детей (3,65% при средней 3,59%). В то время как женщины с более низким уровнем образования (со средним общим и основным общим образованием) выбирают ниже среднего значения указанных ценностей, а ценности 3 детей (3,03% при средней 2,72%), материального достатка (4,59% при средней 4,55%) и собственного жилья (4,74 при средней 4,68) у них максимальные.

Женщины с высшим образованием чаще других выбирают материальную поддержку матерей, повышение благосостояния населения, развитие сети бесплатных и доступных детских садов, кружков, секций. Женщины, имеющие среднее и начальное профессиональное образование, чаще остальных высказываются за обеспечение доступным жильем и гарантии трудоустройства матерей. Опрошенные сельские женщины с начальным профессиональным и средним общим образованием выступают за развитие системы льгот для семей с детьми и также за гарантии трудоустройства матерей.

Наличие брачного партнера у женщины, а также статус оформления брачного союза (зарегистрированный брак или гражданский) влияют на мнение женщины о приоритетности тех или иных направлений социальной поддержки материнства и детства. Незамужние женщины в выборе важнейших направлений поддержки следуют средним по выборке тенденциям за исключением такой меры поддержки, как гарантия трудоустройства матерей (о ее приоритетности заявляют 20,0% респондентов при средней 11,8%) и несколько повышенной доли выбравших материальную поддержку матерей (26,7% при средней 23,5%). Разведенные женщины чаще указывают на приоритетность материальной помощи матерям (37,5% при средней 23,5%) и обеспечения семей доступным жильем (20,8% при средней 15,3%). Между женщинами, состоящими в официальном и в гражданском браке, при кажущейся их схожести ввиду наличия брачного партнера, существуют серьезные различия в степени ценностно-мотивационного восприятия приоритетности мер поддержки материнства и детства. Во-первых, женщин, состоящих в официальном браке, отличает особая структура жизненных ценностей, характеризующуюся максимальными значениями ценностей здоровья, образования, семьи, зарегистрированного брака, 2–3 детей, материального достатка, собственного жилья. Во-вторых, существует прямо противоположная тенденция выбора в качестве приоритетной таких мер, как материальная поддержка матерей, обеспечение доступным жильем, гарантии трудоустройства матерей. Если женщины, состоящие в официальном браке, реже среднего по выборке указывают на их приоритетность, то женщины, состоящие в гражданском браке, наоборот, чаще. К тому же состоящие в официальном браке чаще указывают на важность таких направлений, как повышение благосостояния населения и наличие бесплатных и доступных детских садов и секций, в то время как состоящие в гражданском браке – реже. Таким образом, можно сделать вывод, что женщины, состоящие в официальном и гражданском браке, имеют противоположные взгляды относительно приоритетности некоторых мер поддержки материнства и детства.

Статус занятости женщины определяется ее предпочтениями в сфере занятости, возможностями и способностями для их реализации, необходимым уровнем квалификации и наличием соответствующих ему рабочих мест. Важную роль при этом играет система жизненных ценностей женщин. Так, для женщин, занятых домашним и личным подсобным хозяйством, характерны максимальные средние по группе значения ценностей здоровья, образования, ребенка, семьи, наличие 2–3 детей. Работающим вне дома женщинам свойственно максимальное значение ценности удачной карьеры. А женщины, отнесшие себя по субъективной оценке к безработным, наоборот,

демонстрируют минимальные средние по группе значения всех ценностей за исключением ценности 3 детей и ценности материального достатка, значение которого у них максимальное.

Именно эти особенности жизненных предпочтений детерминируют выбор в качестве приоритетных те или иные направления социальной поддержки семей с детьми. Так, работающие женщины чаще других высказываются за те мероприятия, которые в той или иной степени затрагивают их интересы: среди них повышенная доля тех, кто считает необходимым повышать благосостояние населения путем роста оплаты труда (43,3% при средней по выборке 40,6%), а также тех, кто считает необходимым в первую очередь обеспечить семьи с детьми доступными и бесплатными детскими садами, секциями, кружками и другой инфраструктурой помощи в воспитании детей (14,4% при средней 11,8%). Домохозяйки также чаще других указывают на необходимость повышения благосостояния населения (50,0% при средней 40,6%) и льготы для семей с детьми (14,7% при средней 11,8%). Позицию женщин, отнесших себя по субъективной оценке к безработным, характеризует более чем в два раза повышенная доля тех, кто высказывается за приоритетность материальной поддержки матерей (48,1% при средней 23,5%) и обеспечение семей с детьми доступным жильем (22,2% при средней 15,3%). Интересно отметить, что как домохозяйки, так и отнесшие себя к безработным, чаще работающих женщин высказываются за приоритетность гарантий трудоустройства матерей (18,5% среди домохозяек и 20,6% среди безработных при средней 11,8%). Это, вероятно, связано с тем, что среди женщин, отнесших себя к домохозяйкам, почти треть (31,4%) ориентированы на занятость вне дома, а среди женщин, отнесших себя по субъективной оценке к безработным, 25,0% предпочли бы работать вне дома.

Статус занятости супруга респондента оказывает серьезное влияние на оценку приоритетности тех или иных мероприятий. Так, женщины, чьи мужья ориентированы на занятость вдали от дома (в соседних с местом проживания селах и вахтовым методом), чаще остальных указывают на первоочередность повышения благосостояния населения (56,3% при средней 40,6%), обеспечение доступным жильем (21,9% при средней 15,3%), гарантии трудоустройства матерей (15,7% при средней 11,8%). Кроме того, женщины, чьи мужья работают вахтовым методом, склонны чаще других высказываться за важность материальной поддержки матерей (31,3% при средней 25,3%) и льготы семьям с детьми (18,8% при средней 11,8%). В то время как женщины, чьи мужья заняты в селах, соседних с местом проживания, – за бесплатные и доступные детские сады, кружки, секции (25,0% при средней 11,8%). А вот женщины, чьи мужья нигде официально не работают, а

заняты в собственном личном подсобном хозяйстве и промыслами, гораздо чаще указывают на необходимость материальной поддержки матерей (33,5% при средней 23,5%).

Важным фактором дифференциации мнения опрошенных сельских женщин является количество имеющих у женщины детей. Единодушие наблюдается только относительно приоритетности повышения благосостояния населения вне зависимости от числа имеющих детей. Для однопородных женщин более важными кажутся такие направления поддержки материнства и детства, как гарантии трудоустройства матерей (13,6% при средней 11,8%) и, соответственно, наличие бесплатных и доступных детских садов и другой инфраструктуры помощи в воспитании детей (13,6% при средней 11,8%), а также обеспечение доступным жильем (18,2% при средней 15,3%). Среди двухдетных женщин повышенная доля высказавшихся за материальную поддержку матерей (26,2% при средней 23,5%) и льготы семьям с детьми (16,4% при средней 11,8%), а для женщин, имеющих троих и более детей, приори-

тетными являются доступное жилье (23,8% при средней 15,3%) и льготы семьям с детьми (14,3% при средней 11,8%). Таким образом, мнение опрошенных сельских женщин относительно приоритетных направлений государственной социальной поддержки семей с детьми дифференцируется в зависимости от набора факторов, отражающих как объективные параметры социально-экономического положения семьи, так и субъективные предпочтения опрашиваемых женщин, как членов этих сельских семей. Влияние этих факторов необходимо учитывать при разработке мероприятий государственной социальной поддержки семей с детьми для более полного учета их потребностей и ожиданий с целью повышения эффективности реализации указанных направлений социальной политики.

Примечания

- ¹ О концепции семейной политики Саратовской области. Утверждена постановлением Правительства Саратовской области № 447-П от 26.12.2005 года.

УДК 316+929

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются основные положения, реализация которых, с точки зрения Чернышевского, превращает литературно-публицистическую деятельность в механизм социального изменения. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность социального типа «новых людей».

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, «новые люди», модернизация, социальное изменение, литературно-публицистическая деятельность.

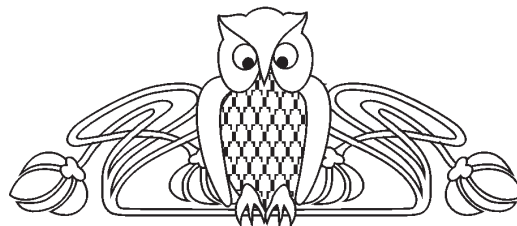
The Mechanism of Social Change in Chernyshevsky Creativity

Yu. A. Nikiforov

In article the substantive provisions, which realization, from the point of view of Chernyshevsky, transforms literary-publicistic activity into the mechanism of social change are considered. The special attention is given to sights of the Russian thinker at essence of social type of «new people».

Key words: N. G. Chernyshevsky, «new people», modernization, social change, literary-publicistic activity.

Жизнь и творчество Н. Г. Чернышевского были большей частью подчинены задачам проектирования и реализации социальных изменений русского общества в интересах улучшения жизни народа.

Поиск оснований, движущих сил и путей, говоря современным языком, модернизации, требовал без преувеличения, всех творческих сил мыслителя. Этим, думается, объясняется некоторая эклектика и широта тематики его литературно-публицистического дискурса. Однако практически все проблемы, которые он поднимает и пытается решить (и отношение искусства к действительности, и сущность прогресса, и теория личности, и многое другое), без сомнения, укладываются в канву этого поиска. Больше всего вызывает уважение то, что Чернышевский не просто рассуждает и теоретизирует, а пытается разработанные им доктрины претворить в жизнь, своими руками запустить механизм модернизации. Так как основным инструментом преобразования социальной реальности, которым он владел, был письменный язык, то и создание в купе с воплощением собственного модернизационного проекта находились в области публицистики и литературы.

Наиболее полно авторская система воззрений на литературу и ее общественное назначение впервые была изложена Чернышевским в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Он утверждает, что прекрасное существует в действительности, а не в

заняты в собственном личном подсобном хозяйстве и промыслами, гораздо чаще указывают на необходимость материальной поддержки матерей (33,5% при средней 23,5%).

Важным фактором дифференциации мнения опрошенных сельских женщин является количество имеющих у женщины детей. Единодушие наблюдается только относительно приоритетности повышения благосостояния населения вне зависимости от числа имеющих детей. Для однопородных женщин более важными кажутся такие направления поддержки материнства и детства, как гарантии трудоустройства матерей (13,6% при средней 11,8%) и, соответственно, наличие бесплатных и доступных детских садов и другой инфраструктуры помощи в воспитании детей (13,6% при средней 11,8%), а также обеспечение доступным жильем (18,2% при средней 15,3%). Среди двухдетных женщин повышенная доля высказавшихся за материальную поддержку матерей (26,2% при средней 23,5%) и льготы семьям с детьми (16,4% при средней 11,8%), а для женщин, имеющих троих и более детей, приори-

тетными являются доступное жилье (23,8% при средней 15,3%) и льготы семьям с детьми (14,3% при средней 11,8%). Таким образом, мнение опрошенных сельских женщин относительно приоритетных направлений государственной социальной поддержки семей с детьми дифференцируется в зависимости от набора факторов, отражающих как объективные параметры социально-экономического положения семьи, так и субъективные предпочтения опрашиваемых женщин, как членов этих сельских семей. Влияние этих факторов необходимо учитывать при разработке мероприятий государственной социальной поддержки семей с детьми для более полного учета их потребностей и ожиданий с целью повышения эффективности реализации указанных направлений социальной политики.

Примечания

- ¹ О концепции семейной политики Саратовской области. Утверждена постановлением Правительства Саратовской области № 447-П от 26.12.2005 года.

УДК 316+929

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются основные положения, реализация которых, с точки зрения Чернышевского, превращает литературно-публицистическую деятельность в механизм социального изменения. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность социального типа «новых людей».

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, «новые люди», модернизация, социальное изменение, литературно-публицистическая деятельность.

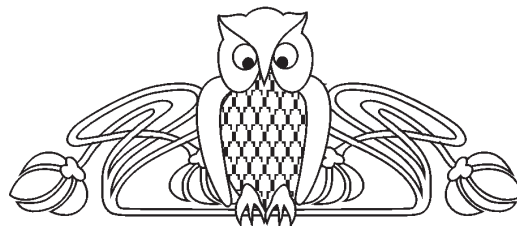
The Mechanism of Social Change in Chernyshevsky Creativity

Yu. A. Nikiforov

In article the substantive provisions, which realization, from the point of view of Chernyshevsky, transforms literary-publicistic activity into the mechanism of social change are considered. The special attention is given to sights of the Russian thinker at essence of social type of «new people».

Key words: N. G. Chernyshevsky, «new people», modernization, social change, literary-publicistic activity.

Жизнь и творчество Н. Г. Чернышевского были большей частью подчинены задачам проектирования и реализации социальных изменений русского общества в интересах улучшения жизни народа.

Поиск оснований, движущих сил и путей, говоря современным языком, модернизации, требовал без преувеличения, всех творческих сил мыслителя. Этим, думается, объясняется некоторая эклектика и широта тематики его литературно-публицистического дискурса. Однако практически все проблемы, которые он поднимает и пытается решить (и отношение искусства к действительности, и сущность прогресса, и теория личности, и многое другое), без сомнения, укладываются в канву этого поиска. Больше всего вызывает уважение то, что Чернышевский не просто рассуждает и теоретизирует, а пытается разработанные им доктрины претворить в жизнь, своими руками запустить механизм модернизации. Так как основным инструментом преобразования социальной реальности, которым он владел, был письменный язык, то и создание в купе с воплощением собственного модернизационного проекта находились в области публицистики и литературы.

Наиболее полно авторская система воззрений на литературу и ее общественное назначение впервые была изложена Чернышевским в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Он утверждает, что прекрасное существует в действительности, а не в

идеальном мире, откуда оно будто бы переносится в жизнь творческим усилием художника. Кроме того, оно зависит от социальных обстоятельств, при которых осознается художником и, соответственно, воспринимается читателем, зрителем или слушателем. Сама жизнь является источником, однако «не всякое ее проявление эстетично: бывают и безобразные ее проявления, хотя бы они и являлись совершенными в своем роде»¹. Кроме того, Чернышевский ввел в свою систему представление об активном начале в искусстве: оно не просто отражает действительность – оно пересоздает ее. Тем самым художники участвуют в общественном развитии. Необходимо отметить, что это убеждение легло в основу всей деятельности Н. Г. Чернышевского.

Однако нельзя утверждать, что эти мысли носили полностью оригинальный характер. Проблемы новой эстетики обсуждались в журналах в течение десятилетий, начиная с 40-х гг. XIX века. Краеугольным камнем эстетики реализма был вопрос об отношении литературы к действительности. Реалистическая эстетика понимала участие литературы в жизни как двусторонний процесс. С одной стороны, литература мыслилась как непосредственное и точное воспроизведение социальной действительности, максимально приближенное к эмпирическому объекту. С другой стороны, литература имела дидактическое назначение – предполагалось, что она оказывает прямое воздействие на действительность. Противоречие между программной установкой на прямое воспроизведение действительности и сознанием того, что литература есть продукт конструирования, решалось с помощью понятия о типе. Тип – это гибрид между социологической категорией, обозначающей представительного члена класса («социальный тип»), и гегелевским понятием «идеал». Для Чернышевского тип – это индивидуальный факт действительности (социальный факт), который, «пройдя через воображение поэта», приобрел универсальное, мифическое значение. По мысли теоретиков реализма, литература, беря материал из жизни, реорганизуя его и затем возвращая в жизнь как объект для подражания и реализации, преобразует современную жизнь и перестраивает современного человека, т. е. творит будущее. Этот принцип был сформулирован М. Е. Салтыковым-Щедриным: «Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека. Типы, созданные литературой, всегда идут далее тех, которые имеют ход на рынке, и потому-то именно они и кладут известную печать даже на такое общество, которое, по-видимому, всецело находится под гнетом эмпирических тревог и опасений. Под влиянием этих новых типов современный человек, незаметно для самого себя, получает новые привычки, ассимилирует себе новые взгляды, приобретает новую складку, одним словом – постепенно вырабатывает из себя нового человека»².

Ориентация литературы на науку придавала ей особую значимость. Поскольку литература усваивала элементы современной научной мысли (нейрофизиологии, политической экономии и даже статистики), литературное произведение часто выглядело как результат научного анализа данных и потому казалось особо достоверным и действенным. В идеале, по мысли Добролюбова и Писарева, наука и литература должны были слиться воедино. Но поскольку этого пока не произошло, литературному критику следовало взять на себя роль ученого и «завершить» художественный анализ действительности, придав ему объективность подлинно научного анализа и, таким образом, надежного руководства к действию. Чернышевский, будучи активным критиком-публицистом, участвовал в популяризации современной науки и писал научные статьи.

Отношение к литературному произведению как к средству всесторонней организации жизни и предвидения будущего сочеталось с особым отношением к писательству: писателя не только считали вождем общества, но и наделяли особым ореолом святости. Николай Шелгунов писал в своих воспоминаниях: «Никогда, ни раньше, ни после, писатель не занимал у нас в России такого почетного места»³.

Вскоре после выхода в свет «Отцов и детей», в разгар дебатов о Базарове и нигилизме, Чернышевский приступил к работе над романом «Что делать? Из рассказов о новых людях», который он задумал как прямой ответ Тургеневу, данный представителем «молодого поколения». В романе предлагалась связная и всесторонне разработанная программа поведения, учитывавшая все – от важных общественных поступков до мельчайших деталей домашнего распорядка. Чернышевский предложил другое слово – «новые люди», позитивная альтернатива к слову «нигилист»⁴. Он сознательно конструировал героев своего романа как образцы человеческой личности (типы), пригодные для воспроизведения в реальной жизни: «Все резко выдающиеся черты («новых людей» в романе. – Я. Н.) – черты не индивидуумов, а типа... Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются все личные особенности. Недавно зародился у нас этот тип и быстро расплодится. Он рожден временем, он знамение времени, и – сказать ли? – он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. И он возвратится в более многочисленных людях, в лучших формах тогда уже не будет этого отдельного типа, потому что все люди будут этого типа»⁵.

Несколько лет спустя в примечании к статье «Еще раз о Базарове» Герцен засвидетельствовал действительность творческих усилий Чернышевского и попытался объяснить взаимное влияние человеческой жизни и литературы: «Странная вещь – это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает

более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью. Оригиналы делают шаржи своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени. В конце прошлого века все немцы сбивали немного на Вертера, все немки на Шарлотту; в начале нынешнего – университетские Вертеры стали превращаться в “разбойников”, не настоящих, а шиллеровских. Русские молодые люди, приезжавшие после 1862 года, почти все были из “Что делать?..”⁶.

Обобщая сказанное, можно сформулировать основные положения, реализация которых, с точки зрения Чернышевского, превращает литературно-публицистическую деятельность в механизм социального изменения. Во-первых, литература мыслилась им как непосредственное и точное воспроизведение социальной действительности, максимально приближенное к эмпирическому объекту. «Роман, комедия, трагедия, лирическое стихотворение, – пишет он, – должны одинаково изображать действительность, изображать людей, характеры, действия, чувства такими, какими бывают они в действительности»⁷.

Во-вторых, ориентация литературы на науку, придающей ей объективность подлинно научного анализа и, таким образом, надежного руководства к действию «статья... может служить предисловием к изложению понятий нынешней науки»⁸. В-третьих, литература, беря материал из жизни, реорганизуя его и затем возвращая в жизнь как объект для подражания и реализации, преобразует современную жизнь и перестраивает современного человека, т. е. творит будущее. Катков в 1879 г. считал, что литературная модель нового человека получила реальное жизненное воплощение и даже внесла значительные перемены в русское общество: «“Что делать?” – в своем роде

пророк. Многое, что представлялось ему (Чернышевскому) как греза, свершилось воочию: новые люди разошлись... по городам и весям, тшятся на практике осуществить уроки учителя, далеко уже превзойдя его надежды, еще запечатленные некоторой сентиментальностью»⁹.

Примечания

- ¹ Шаталов С. Е., Курилов А. С. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1978. С. 18.
- ² Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. М., 1933–1941. Т. 7. С. 455.
- ³ Шелгунов Н. В. Воспоминания М. ; Пг., 1923. С. 98.
- ⁴ Многие авторы отмечали, какую важную роль сыграло слово «нигилизм». Характерно, что сам термин появился до «Отцов и детей», но приобрел значимость и общепотребимость только после публикации тургеневского романа. Впоследствии Тургенев признавался, что жалеет о том, что снабдил реакционеров «словом», которое было превращено в «клеймо позора» (Тургенев И. С. По поводу “Отцов и детей” (1868–1869) // Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М. ; Л., 1961–1968. Т. 14. С. 105). Однако ярлык, вначале употреблявшийся в презрительном смысле, впоследствии был принят теми, против которых был направлен. Дав название явлению, Тургенев помог ввести его в общественное сознание.
- ⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 148–149.
- ⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 20. С. 337.
- ⁷ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939–1950. Т. 2. С. 807.
- ⁸ Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 220.
- ⁹ «Московские ведомости», 1879; цит. по публикации в издании «Литературное наследство». 1936. Т. 25–26. С. 544.

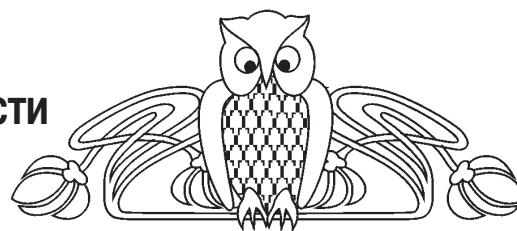
УДК 314.614.032

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПЕРВИЧНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОЦЕССА (по результатам социологического исследования)

Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет
E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье на основе результатов социологического опроса населения Саратовской области¹ выявляются особенности современной семейной первичной социализации, выявляется ее взаимосвязь с гендерными, возрастными, образовательными, доходными характеристиками родителей, ставится проблема необходимости адекватного отражения вариативности моделей семейной социализации в социальных программах и деятель-

ности соответствующих центров социальной помощи семье, детям.

Ключевые слова: семейная социализация, целевые установки родителей, факторы формирования целей первичной социализации.

Modern Family Primary Socialization: Process Variativity Factors (on the Results of a Sociological Survey)

N. V. Shahmatova

The paper is written on the basis of the results of our sociological survey of population in the Saratov region and reveals peculiarities

более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью. Оригиналы делают шаржи своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени. В конце прошлого века все немцы сбивали немного на Вертера, все немки на Шарлотту; в начале нынешнего – университетские Вертеры стали превращаться в “разбойников”, не настоящих, а шиллеровских. Русские молодые люди, приезжавшие после 1862 года, почти все были из “Что делать?..”⁶.

Обобщая сказанное, можно сформулировать основные положения, реализация которых, с точки зрения Чернышевского, превращает литературно-публицистическую деятельность в механизм социального изменения. Во-первых, литература мыслилась им как непосредственное и точное воспроизведение социальной действительности, максимально приближенное к эмпирическому объекту. «Роман, комедия, трагедия, лирическое стихотворение, – пишет он, – должны одинаково изображать действительность, изображать людей, характеры, действия, чувства такими, какими бывают они в действительности»⁷.

Во-вторых, ориентация литературы на науку, придающей ей объективность подлинно научного анализа и, таким образом, надежного руководства к действию «статья... может служить предисловием к изложению понятий нынешней науки»⁸. В-третьих, литература, беря материал из жизни, реорганизуя его и затем возвращая в жизнь как объект для подражания и реализации, преобразует современную жизнь и перестраивает современного человека, т. е. творит будущее. Катков в 1879 г. считал, что литературная модель нового человека получила реальное жизненное воплощение и даже внесла значительные перемены в русское общество: «“Что делать?” – в своем роде

пророк. Многое, что представлялось ему (Чернышевскому) как греза, свершилось воочию: новые люди разошлись... по городам и весям, тштся на практике осуществить уроки учителя, далеко уже превзойдя его надежды, еще запечатленные некоторой сентиментальностью»⁹.

Примечания

- ¹ Шаталов С. Е., Курилов А. С. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1978. С. 18.
- ² Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. М., 1933–1941. Т. 7. С. 455.
- ³ Шелгунов Н. В. Воспоминания М. ; Пг., 1923. С. 98.
- ⁴ Многие авторы отмечали, какую важную роль сыграло слово «нигилизм». Характерно, что сам термин появился до «Отцов и детей», но приобрел значимость и общепотребимость только после публикации тургеневского романа. Впоследствии Тургенев признавался, что жалеет о том, что снабдил реакционеров «словом», которое было превращено в «клеймо позора» (Тургенев И. С. По поводу “Отцов и детей” (1868–1869) // Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М. ; Л., 1961–1968. Т. 14. С. 105). Однако ярлык, вначале употреблявшийся в презрительном смысле, впоследствии был принят теми, против которых был направлен. Дав название явлению, Тургенев помог ввести его в общественное сознание.
- ⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 148–149.
- ⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 20. С. 337.
- ⁷ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939–1950. Т. 2. С. 807.
- ⁸ Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 220.
- ⁹ «Московские ведомости», 1879; цит. по публикации в издании «Литературное наследство». 1936. Т. 25–26. С. 544.

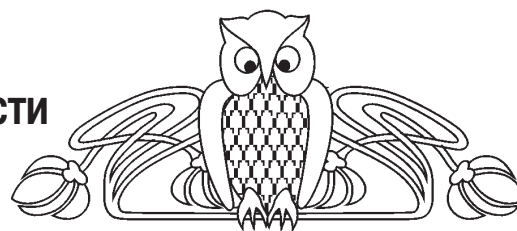
УДК 314.614.032

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПЕРВИЧНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОЦЕССА (по результатам социологического исследования)

Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет
E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье на основе результатов социологического опроса населения Саратовской области¹ выявляются особенности современной семейной первичной социализации, выявляется ее взаимосвязь с гендерными, возрастными, образовательными, доходными характеристиками родителей, ставится проблема необходимости адекватного отражения вариативности моделей семейной социализации в социальных программах и деятель-

ности соответствующих центров социальной помощи семье, детям.

Ключевые слова: семейная социализация, целевые установки родителей, факторы формирования целей первичной социализации.

Modern Family Primary Socialization: Process Variativity Factors (on the Results of a Sociological Survey)

N. V. Shahmatova

The paper is written on the basis of the results of our sociological survey of population in the Saratov region and reveals peculiarities

of the modern family primary socialization, discloses its relation with the gender, age, educational and income characteristics of the parents. A problem of necessary adequate reflection of the variability of family socialization models in social programs and the activity of the corresponding family support centers is formulated.

Key words: family socialization, parents' target aims, primary-socialization aim formation factors.

Семья – важнейший общественный институт первичной социализации личности, механизм трансляции культурных, этнических, нравственных ценностей, который на микроуровне воспроизводит все проблемы общества, в том числе российского. Внутрисемейные отношения, атмосфера жизни, уклад, стиль семьи для ребенка – первый специфический образец общественных отношений. Семья как институт социализации подрастающего поколения – это своеобразно организованная система семейных связей и социальных норм, которые объединяют значимые семейные ценности, в той или иной степени удовлетворяющие основным потребностям общества в качественном и количественном воспроизводстве населения. Основная специфика процесса семейной социализации выражается в том, что семья легче и эффективнее всего осуществляет индивидуальный подход к человеку, вовремя замечает просчеты в воспитательной деятельности, учитывает эмоциональные аспекты воздействия на ребенка. Кроме того, семейной социализации свойственны непрерывность и продолжительность. Она может носить как регулируемый, целенаправленный, так и нерегулируемый, стихийный характер. Вместе с тем, процесс первичной семейной социализации носит менее формализованный характер, чем в других социальных институтах (например, школе), труднее поддается корректировке и в большей степени зависит от личностных характеристик каждого члена семьи. Это актуализирует необходимость социологического мониторинга семейной социализации, что позволило бы учесть ее вариативность при разработке программ обучения матерей и отцов (включая разводящихся, молодых, а также отчимов, приемных родителей и т. д.), в деятельности организаций, центров, занимающихся социальной работой с семьями, в ходе пропаганды сознательного, ответственного родительства, основанного на партнерстве, и более активном участии отцов в общении с детьми.

Современная российская семья переживает сложный этап эволюции – переход от традиционной модели к новой. Изменяются виды семейных отношений, иными становятся система власти и подчинения семейной жизни, роли и функциональная зависимость супругов, положение детей, происходит автономизация семьи, ослабление ее социальной защищенности, что неизбежно повлечет за собой снижение рождаемости, рост числа разводов и увеличение доли бездетных браков, числа одиноких людей. Постепенный

переход от преимущественно общественных форм воспитания увеличивает нагрузку и ответственность родителей. Деидеологизация, плюрализм мировоззрений (в том числе деструктивных) возлагают выбор значимых ценностей на детей и их родителей. Это неизбежно отражается на процессе семейной социализации молодого поколения, изменяя его в сторону индивидуализации, перехода от ориентации на общепринятый стандарт социализации к более вариативному, предполагающему, плюрализм, личностную независимость.

В этих условиях родители имеют разное представление о социализации своих детей и, следовательно, вкладывают в него разный смысл. В ходе социологического опроса² уточнялось личностное восприятие родителями целей семейной социализации, которое замерялось через интерпретацию родителями целей воспитания их детей (табл. 1), установок на качества, которые они хотели бы видеть в своих детях. Значительная часть участников опроса считали основной своей целью – привитие таких качеств, как порядочность (21,7%), ответственность (19,4%), трудолюбие (17,9%), сдержанность эмоций (16,2%), интерес к образованию (8,5%), а также контроль за ребенком (12,6%) и обучение навыкам (6,3%). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о близости мнений в определении цели воспитания. Вместе с тем мужчины более чем в 2 раза чаще, чем женщины, ориентированы трактовать воспитание как образование, и среди них в 2 раза больше затруднившихся с ответом. Женщины чуть больше ориентированы на воспитание порядочности и трудолюбия, сдержанности эмоций.

Выявилось также влияние возрастных различий на трактовку родителями смысла воспитания. Так, на воспитание **ответственности** нацелены 22,1% родителей в возрасте 18–24 лет; 19,1% – в возрасте 25–31 года; 25,0% родителей 32–38 лет, 33,8% – старше 39 лет. Иными словами, чем старше родители, тем в большей мере они нацелены на воспитание ответственности у своих детей. Аналогичная ситуация выявлена и по отношению к воспитанию у детей порядочности (табл. 1).

Привитие **порядочности** является основой социализации детей для 36,8% родителей в возрасте 39 лет и старше. В категории 32–38-летних родителей такого мнения придерживаются чуть меньше – 26,3%. Еще меньше таковых среди современных родителей в возрасте 18–24 лет – 22,1%. В возрастной категории 25–31 года – только 19,1%. Таким образом, чем моложе родители, тем менее важным они полагают воспитание порядочности у своих детей. Данные табл. 1 демонстрируют, что примерно такова же тенденция социализации в плане воспитания трудолюбия, **эмоциональной сдержанности**.

Так как в анкете вопрос был открытым, родители могли свободно фиксировать свои цели воспитания, то наряду с этими личностными характеристиками в качестве цели воспитания

Таблица 1

Восприятие цели воспитания родителями разного возраста, % по каждой цели

Воспитание – это ...	Возраст респондента				Итого
	18–24	25–31	32–38	39 и старше	
Привитие ребенку ответственности	22,1	19,1	25,0	33,8	100
порядочности	18,8	21,1	26,3	36,8	100
трудолюбия	22,2	19,0	28,6	30,2	100
сдержанности эмоций	22,8	19,3	26,3	31,6	100
интереса к образованию	23,3	23,3	26,7	26,7	100
Контроль за ребенком	13,6	22,7	45,5	18,2	100
Обучение навыкам	36,4	4,5	31,8	27,3	100

оказались и инструментальные характеристики процесса социализации – такие как дать ребенку хорошее образование, контролировать его, обучать навыкам самообслуживания. Данные таблицы наглядно демонстрируют, что чем старше родители, тем более для них актуальна образовательная задача. На это указали 53,4% участников исследования в возрастных категориях 32–38 лет, а также 39 лет и старше. Чуть меньше доля таковых среди родителей 18–24 и 25–31-летнего возраста (по 46,6% респондентов соответственно). Однако контроль за ребенком особенно представляется важным в возрастной категории 32–38-лет, что, возможно, объясняется трудностями подросткового возраста их детей. Обучение навыкам самообслуживания ребенка особенно актуально для самых молодых родителей, что также, вероятно, связано с возрастными особенностями их детей.

Другим индикатором целей семейной социализации стал вопрос о том, каким бы родители хотели видеть своего ребенка в результате социализации. 45,9% ответили – «здоровым и счастливым», 21,6% – «добился всего, чего захотел», 16,2% – «умел самостоятельно находить выход из сложного положения», 6,8% – «лидером в любой ситуации», 5,3% – «достиг тех целей, которые перед ним поставили родители», 4% – «умел из-

влекать свою выгоду из любых ситуаций. Обращает на себя внимание тот факт, что практически никто из родителей не выказал нацеленности на выработку у своего ребенка установки на саморазвитие, способность постоять за себя, свои интересы, толерантности, не фиксировал стремление выработать у своего ребенка навыков здорового, безопасного образа жизни.

На рефлексию процесса социализации своих детей определенное влияние оказывает и уровень образования родителей (табл. 2). Так, среди родителей с неполным средним образованием большинство сосредоточены на том, чтобы дать детям образование. Именно они в основном ориентированы на то, чтобы научить своих детей навыкам самообслуживания. Родители со средним образованием чаще других нацелены на воспитание у своих детей чувства ответственности. Для родителей со средним профессиональным, средним специальным, незаконченным высшим и высшим образованием особенно актуализирована необходимость воспитания в детях порядочности. При этом чем выше уровень образования родителей, тем больше они в процессе социализации нацелены на воспитание этого качества в своих детях, а также на контроль за ними, и тем меньше они ориентированы на воспитании трудолюбия и эмоциональной сдержанности.

Таблица 2

Влияние уровня образования на родительские интерпретации понятия «воспитание», % по уровню образования респондентов

Воспитание – это ...	Образование респондента					
	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее профессиональное	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Привитие ребенку ответственности	0,00	26,00	19,00	19,00	20,00	19,00
порядочности	0,00	20,00	21,00	24,00	26,00	22,00
трудолюбия	0,00	23,00	18,00	19,00	17,00	18,00
сдержанности эмоций	0,00	20,00	16,00	17,00	17,00	17,00
интереса к образованию	67,00	0,00	14,00	10,00	0,00	10,00
Контроль за ребенком	0,00	8,00	4,00	5,00	13,00	7,00
Обучение навыкам	33,00	3,00	8,00	6,00	7,00	7,00
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Родители, не имеющие даже законченного среднего образования, больше других ориентированы на воспитание у своих детей навыков самообслуживания, их образование, видимо, стараясь компенсировать недополучение этих компонентов в свое детское время, а также из-за трудностей самообслуживания маленьких детей.

Уровень дохода определялся через индикатор среднемесячного дохода на одного члена семьи. В результате опроса выяснилось, что 22,7% опрошенных родителей можно отнести к категории самых бедных (до 3000 руб. на одного члена семьи), 27,4% – малообеспеченные, имеющие доход от 3001 руб. до 4000 руб. 18% респондентов, имеющих доход 5001–7000 руб. на 1 члена семьи, можно отнести к околобедным слоям населения. Доля населения со средним ежемесячным доходом

в размере более 7000 руб. на одного члена семьи (срединный, базовый слой) – 26,7%.

В ходе анализа (табл. 3) выяснилось, что абсолютно во всех доходных категориях родителей основная цель процесса социализации своего ребенка в семье – видеть его здоровым и счастливым. Однако если же смотреть по каждому качеству отдельно, то именно лидерские качества представляются особенно важными среди родителей с более высоким доходом. Родители с ежемесячным доходом в 4–5 тыс. руб. на одного человека в семье особенно ценят целеустремленность. Самостоятельность больше других ценится среди родителей с доходом в 3–4 тыс. руб. Самые бедные родители чаще других ориентированы на умение извлекать выгоду из любых ситуаций, не стремясь к выработке у своего ребенка активной жизненной позиции.

Таблица 3

Влияние уровня дохода на цели семейной социализации, % по доходным категориям

Цель воспитательного процесса – чтобы ребенок...	Средний ежемесячный доход на одного члена семьи (в руб.)					В среднем по выборке
	до 3000	3001–4000	4001–5000	5001–7000	свыше 7000	
был здоровым и счастливым	42,8	52	31,25	53,85	38,46	43,57
добился всего, чего захотел	21,59	16	31,25	19,23	20,51	22,14
умел самостоятельно находить выход из сложного положения	15,91	24	18,75	7,69	15,38	17,14
был лидером в любой ситуации	0	4	0	15,38	12,82	7,14
достиг тех целей, которые поставлены родителями	9,85	4	12,5	3,85	5,13	5,71
умел извлекать пользу из всех ситуаций	9,85	0	6,25	0	7,69	4,29
Итого	100	100	100	100	100	100

Таким образом, прослеживается четкая установка родителей, совпадение в их восприятии понятия «воспитание», которое чаще всего трактуется как привитие ребенку ответственности, порядочности и трудолюбия. Однако четко прослеживается вариативность внутри института семейной социализации. Иными словами, эмпирически фиксируется возрастание разнообразия внутри семейной социализации. Сегодня «девиации» (по выражению Р. Мертона) в этом процессе предстают как вариативные модели социализирующих родительских стратегий. В результате исследования выявилось, что чем старше родители, тем больше наблюдается в процессе социализации детей нацеленность на такие качества, как ответственность, порядочность. Чем моложе – тем значительнее нацеленность на обучение навыкам, что, вероятно, связано с маленьким возрастом детей и проблемами их самообслуживания. Чем выше уровень образования родителей, тем больше они стремятся воспитать в ребенке порядочность. Чем ниже уровень образования родителей, тем больше они нацелены на воспитание в детях ответственности, трудолюбия, сдержанности, подконтрольности, т. е. тех качеств, которые

нужны добросовестным исполнителям. Анализ влияния доходности также продемонстрировал неосознанную родителями тенденцию социализации ребенка как способа воспроизводства того социального слоя, к которому принадлежит семья. Вместе с тем, родительская трактовка воспитания в основном носит не стратегический, а функционально-инструментальный и ситуативный характер, стихийно складываясь под влиянием назревших трудностей, связанных с возрастными особенностями детей.

Примечания

- ¹ Выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).
- ² В июле–августе 2010 г. ЦРСИ было проведено социологическое исследование на тему: «Проблемы воспитания детей в современной саратовской семье». Выборочная совокупность составила 150 родителей, среди которых 46% мужчин и 54% женщин. Возрастные характеристики респондентов были распределены следующим образом: в возрасте от 18 до 24 лет было опрошено 22,7% респондентов, 25–31 года – 22,0%,

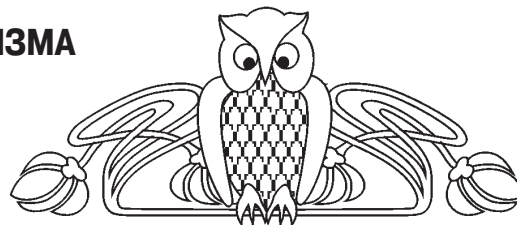

а в возрасте 32–38 лет и старше 39 лет 26,7% и 28,7% респондентов соответственно. На момент опроса большинство респондентов (63,6%) состояли в браке; 25,2% были разведены; 4,2% опрошенных являлись вдовцами (вдовами) и 7,0% никогда не состояли в браке. 42,9% опрошенных занимают должность служащего, 22,4% – рабочие; управляющим персоналом являются 10,9% от общего числа опрошенных.

Несколько меньшее число респондентов (10,2%) являются домохозяйками, 5,4% и 3,4% опрошенных занимают в обществе статус студента и безработного соответственно. 2,7% ответивших – военнослужащие, и 2,0% опрошенных являются пенсионерами. Доля экономически-неактивного населения, к которым относятся домохозяйки, студенты, безработные и пенсионеры, составила 21,1%.

УДК 316.33

К ВОПРОСУ ВЫБОРА КОНЦЕПЦИИ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В. Ю. Лопухин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: noo_sfera@mail. ru

В статье рассматривается развитие человеческой цивилизации, роль и место России в этом процессе. Предлагается концепция преобразования российской социально-экономической системы в инновационное общество.

Ключевые слова: инновационное общество, демография, экология, человеческий фактор, урбанизация, трансконтинентальная транспортная система.

**To the Question of the Choice of the Concept
of the Mechanism of Interaction of Social
and Demographic Development of Social and Economic
System of Russia**

V. Yu. Lopuhin

In article development of a human civilization, a role and a place of Russia in this process is considered. The concept of transformation of the Russian social and economic system in an innovational society is offered.

Key words: an innovational society, a demography, ecology, the human factor, a urbanization, transcontinental transport system.

Урбанизация и её негативная роль в развитии общества

Процесс социально-экономического развития человеческой цивилизации можно охарактеризо-

вать предельно кратко, но весьма ёмко. Человечество развивается по урбанистическому пути. Эта характеристика сколь проста, столь и всеобъемлюща. Основными чертами урбанистической цивилизации являются процессы всё большей концентрации населения в городах и поселениях городского типа. Экология при этом разрушается, демографические проблемы обостряются. Всё это создает трудно преодолимые барьеры на пути развития человеческого фактора и становлении инновационного общества.

XX век может быть справедливо признан веком урбанизации. На начало 1900 г. в городах мира проживало 14% всего населения, и всего лишь в двенадцати городах на планете население превышало один миллион человек. В канун XXI в. число городов с населением свыше миллиона человек превысило двести. Общее количество больших городов (свыше 100 тыс. жителей каждый) достигло примерно двух с половиной тысяч, а доля городского населения превышает в среднем 45% (табл. 1).

К. Маркс считал, что главное социальное содержание урбанизации заключено в специфичных особенностях отношений, охватывающих взаимозависимость размещения производительных сил и расселения. Вследствие названной обусловленности образуется специфичность социально-профессиональной и демографической структуры городского населения, его образа жизни, культуры и т. д.

Таблица 1

Динамика городского населения мира в 1950–2025 гг. (прогноз)¹

Страны	Численность, млн чел.					Доля населения, %				
	1950	1970	1990	2000	2025	1950	1970	1990	2000	2025
Мир в целом	738,00	13513,00	227 17	2926,00	5065,00	29, 13	36,3	43,1	47,50	58,30
Развитые	442,00	677 1	842,00	904,00	1040,00	54,00	67,5	73,6	75,30	84,0 1
Развивающиеся	296,00	676,00	143,00	2022,00	402 5	117,00	25,00	34,00	40,70	57,00

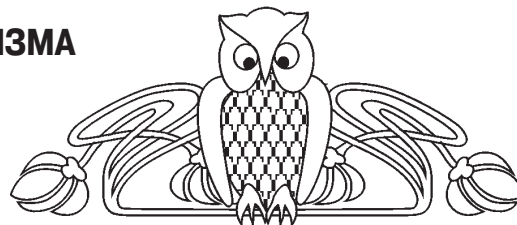

а в возрасте 32–38 лет и старше 39 лет 26,7% и 28,7% респондентов соответственно. На момент опроса большинство респондентов (63,6%) состояли в браке; 25,2% были разведены; 4,2% опрошенных являлись вдовцами (вдовами) и 7,0% никогда не состояли в браке. 42,9% опрошенных занимают должность служащего, 22,4% – рабочие; управляющим персоналом являются 10,9% от общего числа опрошенных.

Несколько меньшее число респондентов (10,2%) являются домохозяйками, 5,4% и 3,4% опрошенных занимают в обществе статус студента и безработного соответственно. 2,7% ответивших – военнослужащие, и 2,0% опрошенных являются пенсионерами. Доля экономически-неактивного населения, к которым относятся домохозяйки, студенты, безработные и пенсионеры, составила 21,1%.

УДК 316.33

К ВОПРОСУ ВЫБОРА КОНЦЕПЦИИ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В. Ю. Лопухин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: noo_sfera@mail. ru

В статье рассматривается развитие человеческой цивилизации, роль и место России в этом процессе. Предлагается концепция преобразования российской социально-экономической системы в инновационное общество.

Ключевые слова: инновационное общество, демография, экология, человеческий фактор, урбанизация, трансконтинентальная транспортная система.

**To the Question of the Choice of the Concept
of the Mechanism of Interaction of Social
and Demographic Development of Social and Economic
System of Russia**

V. Yu. Lopuhin

In article development of a human civilization, a role and a place of Russia in this process is considered. The concept of transformation of the Russian social and economic system in an innovational society is offered.

Key words: an innovational society, a demography, ecology, the human factor, a urbanization, transcontinental transport system.

Урбанизация и её негативная роль в развитии общества

Процесс социально-экономического развития человеческой цивилизации можно охарактеризо-

вать предельно кратко, но весьма ёмко. Человечество развивается по урбанистическому пути. Эта характеристика сколь проста, столь и всеобъемлюща. Основными чертами урбанистической цивилизации являются процессы всё большей концентрации населения в городах и поселениях городского типа. Экология при этом разрушается, демографические проблемы обостряются. Всё это создает трудно преодолимые барьеры на пути развития человеческого фактора и становлении инновационного общества.

XX век может быть справедливо признан веком урбанизации. На начало 1900 г. в городах мира проживало 14% всего населения, и всего лишь в двенадцати городах на планете население превышало один миллион человек. В канун XXI в. число городов с населением свыше миллиона человек превысило двести. Общее количество больших городов (свыше 100 тыс. жителей каждый) достигло примерно двух с половиной тысяч, а доля городского населения превышает в среднем 45% (табл. 1).

К. Маркс считал, что главное социальное содержание урбанизации заключено в специфичных особенностях отношений, охватывающих взаимозависимость размещения производительных сил и расселения. Вследствие названной обусловленности образуется специфичность социально-профессиональной и демографической структуры городского населения, его образа жизни, культуры и т. д.

Таблица 1

Динамика городского населения мира в 1950–2025 гг. (прогноз)¹

Страны	Численность, млн чел.					Доля населения, %				
	1950	1970	1990	2000	2025	1950	1970	1990	2000	2025
Мир в целом	738,00	13513,00	227 17	2926,00	5065,00	29, 13	36,3	43,1	47,50	58,30
Развитые	442,00	677 1	842,00	904,00	1040,00	54,00	67,5	73,6	75,30	84,0 1
Развивающиеся	296,00	676,00	143,00	2022,00	402 5	117,00	25,00	34,00	40,70	57,00

Несмотря на то, что наш мир принято считать «цивилизацией мегаполисов», большие города – это относительно новый феномен. На протяжении большей части своей истории человечество проживало в сельской местности и вело аграрно-хозяйствующий образ жизни. В новое тысячелетие человечество вступило в процессе стремительной урбанизации и не ясно, каким образом этот процесс повлияет на будущее цивилизации.

Рост в городах индустрии приводит к углублению территориального разделения труда и вызывает приток в город сельского населения. Изменяется структура человеческого фактора. Возникает эффект так называемого маятникового движения населения из сельского окружения и мелких ближайших городов в крупные города. При этом сельская местность приходит в запустение, и возникающий вследствие данной причины резкий контраст с процветанием городов ещё более активизирует процессы социально-экономической деградации сельских районов. Изменяется структура человеческого фактора. Мегаполис не в состоянии предоставить работу всем своим жителям, поэтому потенциально экономически активное население выбывает из состава коллективного субъекта экономического действия общества, каковым является человеческий фактор.

Таким образом, негативные тенденции многократно усилятся и их последствия станут всё менее предсказуемы.

В нашей стране в обозримом прошлом урбанизация не рассматривалась в качестве сколько-нибудь существенного фактора, влияющего не только на вектор развития общества, но и человека как личности и человеческого фактора социально-экономической системы. С серьезными оговорками признавалось лишь её негативное влияние на состояние окружающей среды в целом.

В середине 1970-х – начале 1980-х гг. под влиянием изменений подходов в мире к социально-экономическому развитию, нарастающего внимания к сохранению среды обитания стало невозможным игнорировать общецивилизационные процессы.

Но и тогда урбанизация рассматривалась не более чем фактор социально-экономического районирования, как одна из особенностей развития комплексных систем производства и расселения. При этом фактически игнорировались глобальные закономерности формирования социально-культурных и социально-экономических основ человеческого фактора общества.

Вследствие этого утвердился и тщательно оберегается философски несостоятельный подход, согласно которому урбанизация является исторической неизбежностью, последствия её не носят фатальный характер и относительно легко преодолимы.

Социология при изучении закономерностей социально-экономического развития общества

исходит из приоритета человеческого фактора над прочими. Вполне обоснованным выглядит утверждение, что в основе процесса урбанизации лежит не производство с его трендом к концентрации, а сам человек. Обладая стремлением к улучшению качества своей жизни, человек стремится максимально улучшить её социально-экономические параметры. Это и привело человека, выражаясь пафосно, из деревенской грязи на асфальт городов.

Длительное время термин «урбанизация» означал не более чем рост численности городского населения и значения городов. Ещё сравнительно недавно урбанизация нередко трактовалась упрощённо, как рост, застройка и реконструкция тех или иных частей городов. Современное понимание урбанизации не может обойти стороной экологическую ситуацию. Урбанизация создает высокое давление на биосферу, так как на относительно ограниченных площадях происходит интенсивное взаимодействие человека и природы. Как следствие, результаты экономической деятельности создают в виде эффекта отдачи необратимые изменения, нарушая, таким образом, сбалансированность экосистем. В настоящее время антропогенные ландшафты занимают около половины территории суши.

При рассмотрении перспектив урбанистической цивилизации необходимо учитывать фактор, всё более выходящий на первый план. Таковым является перспектива сохранения жизни на планете в принципе.

Биота: способность планеты к обеспечению устойчивых условий для жизни

В цепи дальнейших рассуждений исходным пунктом служит главное необходимое для существования жизни непереносимое условие. Таковым является поддержание постоянного теплового режима, при котором среднегодовое значение температуры земной поверхности планеты в среднем составляет +15 градусов Цельсия. Профессор, доктор физико-математических наук В. Г. Горшков и кандидат физико-математических наук А. М. Макарьева в своей работе «О биотической регуляции и перспективах сохранения жизни» ещё в 2002 г. предупреждали о плачевных перспективах при существующих тенденциях развития цивилизации². По их мнению, современный климат Земли, для которого характерно существование жидкого океана, является весьма неустойчивым. Эту ситуацию можно представить как некую горку с крутыми склонами (рис. 1).

По мнению В. Г. Горшкова и А. М. Макарьевой, вершина горки соответствует современному климату. Склоны – альтернативным состояниям: либо испарению океанов (на рис. справа), либо полному оледенению планеты (слева). Но климат Земли определялся не только физическими зако-

номерностями. Если бы всё было так просто, то он легко перешел бы в одно из двух неприемлемых для жизни состояний. Следовательно, существуют некие дополнительные факторы саморегуляции, определяющие устойчивость экологической системы. По мнению вышеназванных учёных, таковыми являются, во-первых, отражательная способность планеты (альbedo) и системный парниковый эффект, во-вторых.

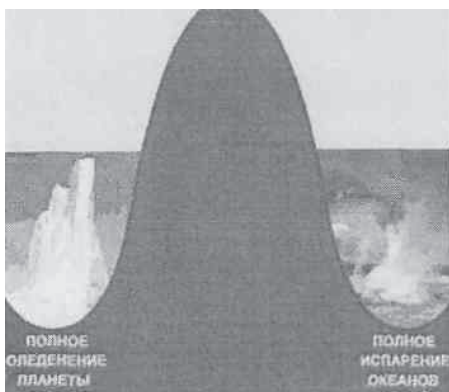

Рис. 1. Неустойчивость теплового режима, при котором возможна жизнь на планете

В настоящее время 30% приходящей солнечной энергии отражается. Если бы отражалось 100% (Земля имела бы зеркальную поверхность), температура на Земле была бы близка к абсолютному нулю (минус 273 градуса Цельсия), как бы близко к Солнцу ни была расположена планета.

Диалектическое равновесие, обеспечивающее жизнь, достигается тем, что в земной атмосфере присутствует ограниченное количество веществ, которые способны препятствовать рассеиванию в пространстве Вселенной части тепла, отрывающегося от поверхности Земли. Направляя обратно к поверхности планеты указанную часть, парниковый эффект создает своего рода «шубу», которая и не позволяет биосфере переохладиться. Но выйдя из под контроля, парниковый эффект способен также уничтожить жизнь. На окутанной плотным покровом облаков Венере парниковый эффект приводит к увеличению температуры поверхности планеты до 500 градусов.

Главным парниковым веществом является атмосферная влага, существующая в газообразном состоянии. Вторым по важности парниковым веществом является углекислый газ. Но количество влаги и углекислого газа в атмосфере Земли напрямую зависит от жизнедеятельности многих миллиардов растений и животных. Таким образом, сама жизнь заботится о создании условий для своего существования.

За более чем четыре миллиарда лет произошло нечто напоминающее образование лунки на вершине горы³ (рис. 2).

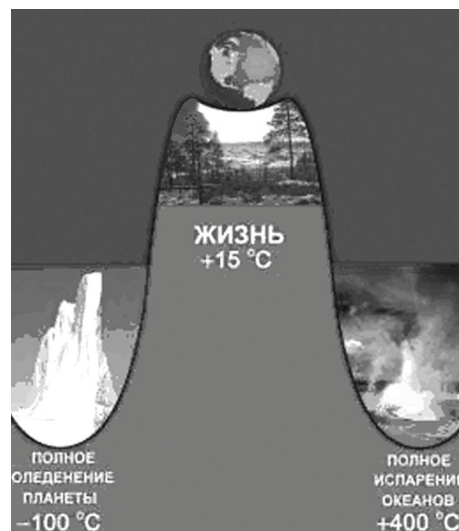

Рис. 2. Биота Земли

Образование такой ямки, соответствующей устойчивости современного климата, обуславливается воздействием естественным экосистем Земли, называемых также биотой. Если температура Земли увеличивается, испарение влаги увеличивается так же. Испытывая её недостаток, жизнедеятельность сокращается. Как следствие – углекислого газа (и соответственно влаги) выделяется меньше. Парниковый эффект уменьшается.

Подобным способом биота может остановить дальнейшее нарастание температуры, и наоборот.

Другими словами, именно биота Земли представляет собой недостающий фактор, обеспечивающий стабильность условий для существования жизни.

Одним из наиболее губительных следствий развития цивилизации в урбанистическом русле является так называемый эффект мегаполиса. Развивая цивилизацию мегаполисов, человек намеренно в глобальном масштабе разрушает биоту. В результате ослабления механизмов саморегуляции, как констатируют Горшков и Макарьева, климат Земли может перейти в одно из двух неприемлемых для жизни состояний.

Рискологический аспект климатических катастроф вследствие процессов урбанизации

Согласно статистическим данным ООН, население земного шара ежегодно увеличивается на 77 млн. При этом прирост городского населения составляет около 80% от всего прироста (порядка 60 млн чел.). Экологический сайт People & the Planet, проведя с привлечением ведущих американских и европейских ученых, специализирующихся по проблемам урбанизации экспертную оценку, пришел к выводу, что в 2011 г. в городах будут проживать более 3,5 млрд человек – это больше, чем население всей планеты в 1967 году. В XX в. численность населения мира выросла с

1,65 млрд до 6 млрд. При этом темпы прироста числа горожан значительно превышали темпы прироста населения в целом. Ныне в городах, по данным ООН, 39% городских жителей проживают в городах с населением более 1 млн человек, 15% – в городах с населением более 5 млн.

Параллельно с ростом населения в большинстве городов мира само существование человека становится все более опасным. Аналитики из Информационных Программ Изучения Населения при Университете Джона Хопкинса (Population Information Program John Hopkins University) пришли к выводу, что потерять здоровье и саму жизнь у горожанина шансы много выше, чем у сельского жителя. Например, более 40% всех городов мира с населением более 500 тыс. человек находятся на побережье морей, океанов или в устье крупных рек. По этой причине они рискуют в любое время стать жертвами разрушительных цунами или циклонов. Чем выше плотность населения и деловая активность в населенном пункте, тем больший ущерб способна нанести стихия.

Но на экологию планеты не менее губительное действие оказывает и другое следствие уплотнения населения в городах.

Губительное для биосферы интенсивное сельскохозяйственное производство как следствие урбанизации

Города нуждаются в крупномасштабных поставках продовольствия, что ведёт к переходу сельского хозяйства на индустриальный тип производства, что возможно только в крупных же хозяйствах.

Между тем именно крупные хозяйства наносят непоправимый вред природе.

Продуктивность растениеводства в сельскохозяйственном производстве интенсивного типа в определяющей степени зависит от использования минеральных удобрений⁴ (табл. 2). По оценке американских ученых, удельный вес минеральных удобрений в системе мер повышения урожая достигает 41%, по данным немецких специалистов, – 50%, по мнению французских исследователей, даже 50–70%.

Таблица 2

Внесение удобрений и урожайность в странах с индустриальным растениеводством

Страна	Показатели	Годы				
		1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1982
США	Внесено удобрений	1 53	76	94	106	107
	Урожай зерновых	28,1	33,0	35,6	139,7	43,5
	Урожай сахарной свеклы	423	394	425	447	446
Канада	Внесено удобрений	112	19	125	138	45
	Урожай зерновых	10	120,6	20,5	22,0	24,3
	Урожай сахарной свеклы	314	314	293	1360	418
Франция	Внесено удобрений	142	195	205	1290	360
	Урожай зерновых	26,1	1	28,1	143,9	47,7
	Урожай сахарной свеклы	382	427	431	1461	487
Болгария	Внесено удобрений	1 53	140	148	1173	221
	Урожай зерновых	19,2	25,0	32,7	135,5	40,6
	Урожай сахарной свеклы	182	210	236	1249	257

Непоправимый вред наносит и выбытие вследствие урбанизации земель из сельскохозяйственного оборота. Интенсивные технологии выращивания сельскохозяйственных культур приводит к их выветриванию и засолению (образованию так называемых солончаков). В результате строительства дорог, эрозии, засоления и заболачивания почвы за последние 40 лет на планете безвозвратно потеряна примерно треть пахотных земель.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), с 1945 г. утрачено для сельского хозяйства 1.2 млрд га. Это площадь, примерно равная Индии и Китаю, вместе взятым, причем потери пре-

имущественно произошли в самых плодородных регионах планеты.

Не лучше обстоят дела со следующим звеном продуктопроизводящей цепочки, каковым является животноводство.

Предприятия по выращиванию крупного рогатого скота с численностью 10 тыс. голов поставляют количество загрязнений, которое равно отходам города с населением 100–150 тыс. человек. Выращивание только семи цыплят по объему отходов приравнивают к одному человеку. Свиноводческая ферма на 100 тыс. голов выбрасывает в атмосферу каждый час примерно 1,5 млрд микроорганизмов, 160 кг аммиака, около 14 кг сероводорода и 25 кг пыли.

Это связано не с отходами животноводства как таковыми, а прежде всего с их количеством. Один из основных источников экологической опасности в животноводстве – навоз, в котором содержатся сотни видов бактерий, в том числе и болезнетворных. Они мутируют, эволюционируют, делаясь неуязвимыми для препаратов, предназначенных для борьбы с ними. Плодятся не только микроорганизмы, но и их разносчики – грызуны, в первую очередь такие опасные, как крысы. Если в одном месте скапливаются большие объемы отходов жизнедеятельности животных, то вспышки заболеваний не избежать.

Для небольших ферм такая ситуация наименее опасна, так как поголовье рассредоточено и объем животноводческих стоков, навоза и прочих отходов незначителен. В частности, навоз всегда являлся благом и условием благополучия крестьянских хозяйств. Вывозимый на поля навоз включался в процессы круговорота, не загрязняя среду, обеспечивал увеличение урожайности. При выпасе скота также не было больших проблем с загрязнением среды, это объяснялось тем, что экскременты распределялись по пастбищам равномерно и тем самым включались в естественные циклы. На крупных предприятиях, особенно при стойловом содержании животных положительные явления стали превращаться в негативные.

Пространственная группировка населённых пунктов в России и перспективы развития

В России исторически сложилось господство агломерационной модели пространственного размещения населённых пунктов. Мелкие и средние населённые пункты сгруппированы вокруг крупных городов. Это прямое следствие процессов урбанизации, особенно усилившихся во второй половине XX в., происходивших на фоне государственной политики, вначале нацеленной на борьбу с «неперспективными» деревнями, а позднее – при разрушении промышленности вследствие необдуманных реформ и малых городов (в первую очередь так называемых «моногородов»). В результате до 70% населения страны оказались скучены на 10% территории России. Около 18 млн человек из приблизительно 140 млн граждан России зарегистрированы в Москве и Московской области. По выражению заведующего кафедрой демографии социологического факультета МГУ профессора А. И. Антонова, за Уралом и в Сибири плотность населения ниже, чем в каменном веке. По оценкам демографов, при средней плотности населения в России 8 чел. на 1 кв. км, в Сибири 1 человек приходится на 250 кв. км. Достаточно поверхностно взглянуть на ежегодник Росстата, чтобы понять очевидность тенденции: с каждым годом ситуация обостряется.

В ближайшие годы нас ожидает альтернатива: либо перелом урбанистических тенденций, либо поглощение территории России соседями.

Существует ли альтернатива «цивилизационному тупику»

Идея альтернативной перспективы принадлежит М. Веберу. Теоретик урбанизации предсказывал так называемое «постгородское общество». По его мнению, научно-техническая революция создаёт предпосылки к созданию «общества за пределами городов». По его утверждению, это должно произойти путем включения большей части населения в индустрию информационного производства и развития всеобщей пространственной подвижности человеческого фактора.

Прогнозирование приоритетов развития инфраструктуры России с учетом требований инновационного общества

У России имеются два очевидных преимущества, которые сегодня более выглядят как недостатки.

Во-первых, это протяженность с Запада на Восток свыше 10 тыс. км, что в настоящее время делает как минимум затрудненным сообщение между Центром и Дальним Востоком.

Второе очевидное преимущество – земли, пригодные для производства сельхозпродукции в несравнимых с другими государствами масштабах.

Очевидно, что приоритеты развития инфраструктуры инновационного общества должны быть привязаны к этим недооцененным пока преимуществам. Рассуждения о прогнозе развития инновационного общества уместно начать с обеспечения территориально-государственной целостности России. Не повторяя ранее высказанные в настоящем исследовании мысли и факты, остановимся на идее превращения малоосвоенного пространства Сибири и Дальнего Востока в единое целое с европейской частью. Такое объединение не только возможно, но и потенциально может послужить превращению России в транспортную державу № 1 в мире со всеми вытекающими социально-экономическими и политическими выгодами.

На протяжении последних 10 лет российскими и японскими специалистами ведутся исследования по строительству магистрали между Сахалином и Японией через пролив Лаперуза. Наименьшая ширина пролива 43 км, наименьшая глубина 51 м. Прорабатываются два варианта: строительство моста или тоннеля. Актуальность осуществления этого проекта подтверждается тем, что японские бизнесмены проявляют активный интерес к прокладке железнодорожной линии Хоккайдо – Сахалин – Транссиб, поскольку весьма нуждаются в дешевых поставках природных ресурсов и химических продуктов из Сибири и российского Дальнего Востока. Японская сторона на определенных условиях готова финансировать строительство переходов через оба пролива.

Другой перспективный проект, над которым последние 20 лет работают большие группы российских и американских специалистов, – это железнодорожное соединение Северо-Американского и Азиатского континентов через Берингов пролив. Идея тоннельно-мостового перехода с материка на остров Сахалин появилась еще в XIX веке. В Советском Союзе в 1920–1930-х гг. она изучалась, в первую очередь, как возможный вариант экспорта революции на Американский континент. К проработке соединения Европы, Японии и Китая с Северной Америкой вернулись в первые годы XXI столетия. Этот проект негромко двигается вперед. Непосредственно его связывают с именем В. В. Путина. Совсем недавно за круглым столом в Общественной палате Российской Федерации о вариантах проекта – дамба, мост, тоннель – рассуждали не просто как о транспортном пути, а как о возможности развития социально-экономического и политического единства страны.

Уже готовы как американские, так и российские эскизные проекты по соединению побережья Чукотского моря и Аляски с помощью тоннеля под Беринговым проливом. Осуществление проекта обойдется в 60 млрд долл. США. В апреле 2007 г. министр транспорта России И. Левитин заявил, что бюджетные средства на строительство тоннеля под Беринговым проливом тратиться не будут. По его словам, тоннель может быть профинансирован частными компаниями, если они сочтут его выгодным. Так, Р. Абрамович, являющийся горячим сторонником Путина в этом проекте, более чем за 360 млн долл. заказал в Германии самый большой тоннелепроходческий комплекс⁵. Тоннель под Беринговым проливом будет построить проще, чем под Ла-Маншем, несмотря на то, что он вдвое длиннее. Геологические условия строительства здесь существенно проще. На тоннельные участки с неблагоприятными условиями строительства приходится всего около 10% общей длины, или 10–11 км.

Следует отметить, что наряду с упрощением маршрутов и условий доставки грузов преимущество трансконтинентальной железной дороги состоит еще и в обеспечении безопасности.

Таким образом, можно надеяться, что участие России в глобальном транспортном сообщении в качестве одного из ведущих партнеров послужит приданию ей новой динамичной роли мировой артерии. Это даст выход из того архаичного, полуфеодалного капитализма времен Маркса, который закрепляет за Российской Федерацией статус «сырьевой провинции».

Рассуждения о втором «недостатке» – первенстве по наличию сельхозугодий в мире следует начать с некоторых цифр.

В 1800 г. в распоряжении человека было примерно 7,4 млрд га сельскохозяйственных угодий, представленных разнообразными почвами, но хороших земель относительно немного. Так, например, общая площадь черноземов составляет

240 млн га, или всего лишь 3,2% от всей площади. Стоит вспомнить, что эталонным черноземом, образец которого хранится в Британской палате мер и весов, считается отечественный, воронежский.

За последние 200 лет разрушительное воздействие человека на природу и, в частности, на землю, по своим результатам во много раз превзошло все то, что происходило в течение предшествующих тысячелетий. Напомним, что всю пищу люди получают от всего, что выращено на земле. В настоящее время под сельскохозяйственные угодья, леса и поселения занято уже 95% земли, пригодной для обитания. Если деградация пашни будет и далее происходить со скоростью 12 млн га в год, то через 42 года рассчитывать на достаточное количество еды смогут только 2 млрд человек. Между тем среднее мировое производство зерновых с 1950 г. по 2010 г. уменьшилось более чем в 2 раза. И только 3–5 стран из 183 являются реальными крупными экспортёрами зерновых.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), согласно данным которой, голодают или хронически недоедают свыше 1 млрд жителей Земли. Каждую секунду от заболеваний, связанных с голодом, на планете умирают шестеро детей. В 2009 г. общее число жертв голода было больше, чем смертей от СПИДа, туберкулеза и малярии вместе взятых⁶.

Очевидно, что неиспользуемые Россией возможности по производству связаны в первую очередь с фактически разрушенной инфраструктурой сельскохозяйственной отрасли национальной экономики.

Процесс урбанизации лишил сельскохозяйственное производство главного его ресурса – сельского труженика.

Таким образом, если провести обратный процесс – не отказываясь от благ и преимуществ цивилизации⁷, создать сеть малых муниципальных образований, в которых основным типом поселения станет поместье (семейная усадьба), возникнет ситуация, при которой благополучный гражданин и его семья будут полноценно использовать сезон, благоприятный для земледелия, для сельскохозяйственного производства, а неблагоприятный – для работы в сфере дистанционной занятости (или комбинируя то и другое), Россия может быстро превратиться в крупнейшего в мире производителя продуктов питания.

Выводы

Опыт строительства олимпийских объектов в Сочи показывает, что подготовка армии первоклассных строителей из числа россиян (в первую очередь – жителей Прикавказского региона, в котором особенно остро проявляются социально-экономические проблемы) завершается.

Что будет с ними дальше?

Если неясные до конца намерения по строительству через территорию России коммуникационного канала определятся в его пользу, это может стать решением комплекса социально-экономических проблем с развитием человеческого фактора практически всех регионов страны.

Для обслуживания коммуникационного канала нужны частые небольшие поселения. Работники, обслуживающие высокотехнологические коммуникации, должны быть высокопрофессиональны, (т. е. обладать высоким трудовым потенциалом – это и образование, и здоровье и многое другое. Не углубляясь в существо проблемы (поскольку поверхностный взгляд только усугубит её сущность), можно удовлетвориться констатацией: это и есть качественно новый человеческий фактор развития, кадровая основа инноватики. Но это только верхушка пирамиды. Каждый работник, располагающий платёжеспособным спросом, инициирует производство в обслуживающих его потребности отраслях. У тех, кто удовлетворяет потребности первого работника, есть свои потребности, которые тоже оплачены за счёт дохода изначального труженика. Таким образом, он «кормит» много людей. Возникает стимул отхода от агломерационной модели размещения населённых пунктов к совмещению

УДК 316

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И ДОСУГ КАК УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Н. В. Зыбуновская, А. Н. Покида

Социологический центр РАГС, Москва
E-mail: nzyb@ur.rags.ru
E-mail: pokida@ur.rags.ru

Статья основана на результатах социологического исследования, посвященного изучению отношения различных социально-демографических групп и слоев российского населения к здоровому образу жизни. Исследование проведено Социологическим центром РАГС при Президенте РФ по заказу Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы¹.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье населения, ценностные представления, физическая культура и спорт, свободное время, социальное самочувствие, социальное поведение, активность населения.

Spare Time and Leisure as a Conditions of Russian Population's Healthy Life-Style Development

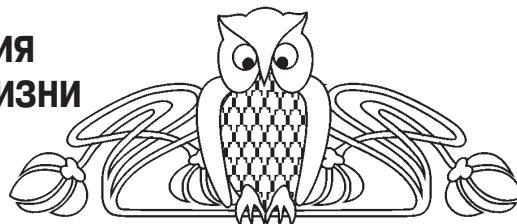
N. V. Zibunovskaya, A. N. Pokida

The article based on sociological research data which deals with research of different social and demographic groups and stratum of

линейной с дисперсионной. Что и ставилось в условиях задачи. Это означает вариант выхода из обозначенного выше «цивилизационного тупика» и формирование новых мотивов к развитию человеческого фактора социально-экономической системы России.

Примечания

- ¹ Составлено автором по материалам сайта Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/news/> (дата обращения : 01.02.2011).
- ² См.: Горшков В. Г., Макарьева А. М. О биотической регуляции и перспективах сохранения жизни. URL: <http://ecocrisis.wordpress.com/l-2/br-perspective/> (дата обращения : 01.02.2011).
- ³ Там же.
- ⁴ URL: <http://www.ecololife.ru/study-603-23.html> (дата обращения : 01.02.2011).
- ⁵ Абрамович по плану Путина пробурит тоннель до США через Берингов пролив. URL: <http://www.uralweb.ru/news/n319363.html> 28.03.08 08 (дата обращения : 01.02.2011).
- ⁶ Как накормить человечество – Всемирный саммит ФАО // Рос. газ. 17 нояб. 2009.
- ⁷ См.: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2009. С. 190.

Russian population's attitude for healthy life-style. The sociological research made by the Sociology Center RAPA within the bounds of federal project «Scientific and Pedagogic Human Resources of Innovative Russia» 2009–2013 with support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation¹.

Key words: healthy life-style, health of population, values orientations, physical culture and sport, spare time, social self-being, social behavior, activity of the population.

В настоящее время в российском обществе отмечается повышенный интерес к проблемам здоровья населения, его образу жизни. О распространенности среди различных групп населения злоупотребления алкоголем, табакокурения, о некачественном питании, низкой физической активности россиян как факторах, обуславливающих малую продолжительность и низкое качество жизни, сообщают различные медицинские, общественные и социологические организации. Озабоченность проблемой здоровья россиян привела к принятию на государственном уровне приоритетного национального проекта «Здоровье», созданию ряда общественных организаций и движений, проведению всероссийских форумов

Если неясные до конца намерения по строительству через территорию России коммуникационного канала определятся в его пользу, это может стать решением комплекса социально-экономических проблем с развитием человеческого фактора практически всех регионов страны.

Для обслуживания коммуникационного канала нужны частые небольшие поселения. Работники, обслуживающие высокотехнологические коммуникации, должны быть высокопрофессиональны, (т. е. обладать высоким трудовым потенциалом – это и образование, и здоровье и многое другое. Не углубляясь в существо проблемы (поскольку поверхностный взгляд только усугубит её сущность), можно удовлетвориться констатацией: это и есть качественно новый человеческий фактор развития, кадровая основа инноватики. Но это только верхушка пирамиды. Каждый работник, располагающий платёжеспособным спросом, инициирует производство в обслуживающих его потребности отраслях. У тех, кто удовлетворяет потребности первого работника, есть свои потребности, которые тоже оплачены за счёт дохода изначального труженика. Таким образом, он «кормит» много людей. Возникает стимул отхода от агломерационной модели размещения населённых пунктов к совмещению

УДК 316

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И ДОСУГ КАК УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Н. В. Зыбуновская, А. Н. Покида

Социологический центр РАГС, Москва
E-mail: nzyb@ur.rags.ru
E-mail: pokida@ur.rags.ru

Статья основана на результатах социологического исследования, посвященного изучению отношения различных социально-демографических групп и слоев российского населения к здоровому образу жизни. Исследование проведено Социологическим центром РАГС при Президенте РФ по заказу Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы¹.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье населения, ценностные представления, физическая культура и спорт, свободное время, социальное самочувствие, социальное поведение, активность населения.

Spare Time and Leisure as a Conditions of Russian Population's Healthy Life-Style Development

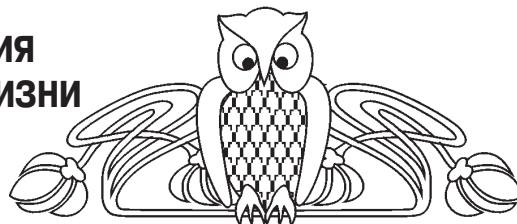
N. V. Zibunovskaya, A. N. Pokida

The article based on sociological research data which deals with research of different social and demographic groups and stratum of

линейной с дисперсионной. Что и ставилось в условиях задачи. Это означает вариант выхода из обозначенного выше «цивилизационного тупика» и формирование новых мотивов к развитию человеческого фактора социально-экономической системы России.

Примечания

- ¹ Составлено автором по материалам сайта Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/news/> (дата обращения : 01.02.2011).
- ² См.: Горшков В. Г., Макарьева А. М. О биотической регуляции и перспективах сохранения жизни. URL: <http://ecocrisis.wordpress.com/l-2/br-perspective/> (дата обращения : 01.02.2011).
- ³ Там же.
- ⁴ URL: <http://www.ecololife.ru/study-603-23.html> (дата обращения : 01.02.2011).
- ⁵ Абрамович по плану Путина пробурит тоннель до США через Берингов пролив. URL: <http://www.uralweb.ru/news/n319363.html> 28.03.08 08 (дата обращения : 01.02.2011).
- ⁶ Как накормить человечество – Всемирный саммит ФАО // Рос. газ. 17 нояб. 2009.
- ⁷ См.: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2009. С. 190.

Russian population's attitude for healthy life-style. The sociological research made by the Sociology Center RAPA within the bounds of federal project «Scientific and Pedagogic Human Resources of Innovative Russia» 2009–2013 with support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation¹.

Key words: healthy life-style, health of population, values orientations, physical culture and sport, spare time, social self-being, social behavior, activity of the population.

В настоящее время в российском обществе отмечается повышенный интерес к проблемам здоровья населения, его образу жизни. О распространенности среди различных групп населения злоупотребления алкоголем, табакокурения, о некачественном питании, низкой физической активности россиян как факторах, обуславливающих малую продолжительность и низкое качество жизни, сообщают различные медицинские, общественные и социологические организации. Озабоченность проблемой здоровья россиян привела к принятию на государственном уровне приоритетного национального проекта «Здоровье», созданию ряда общественных организаций и движений, проведению всероссийских форумов

«Здоровье нации – процветание России». Существенным направлением деятельности государственных социальных программ является не только развитие системы здравоохранения, но и стимулирование здорового образа жизни людей.

Уровень жизни населения, отсутствие необходимых социальных услуг, низкое качество медицинского обслуживания, лекарственных препаратов и др., безусловно, являются сдерживающими факторами для улучшения здоровья населения. Однако именно образ жизни индивида, являющийся обобщенной характеристикой жизнедеятельности, обусловленный социальной активностью человека, степенью его адаптации к реальным жизненным условиям и уровнем культуры личности, во многом определяет его физическое, духовное и социальное самочувствие. В этом отношении особенно важной является организация россиянами своего свободного времени, досуга как фактора обеспечения здорового образа жизни.

Как показывает исследование, для большинства населения страны существенно расширяются возможности заполнения своего досуга, происходят качественные сдвиги по отношению к своему свободному времени, его ценности как таковой. За последние годы увеличилось разнообразие как пассивных, так и активных форм организации досуга. В структуре досуга россиян появились новые формы отдыха, например, занятия в фитнес-клубах, компьютерные игры, общение в социальных сетях, посещения кафе, ночных клубов и других развлекательных заведений.

Безусловно, свое свободное время россияне организуют сообразно своим возможностям, связанным с возрастом, физическим самочувствием, уровнем культуры и материальными средствами.

На рис. 1 представлены данные опроса населения, характеризующие наиболее типичный отдых в повседневной жизни россиян.

Рис. 1. Основные формы отдыха населения в повседневной жизни, %

Как показывают результаты социологического опроса, значительное количество людей свободное время предпочитает проводить с семьей. При этом чем старше люди, тем больше они проводят свободное время в семье. Общение с друзьями, близкими чаще предпочитают молодые люди. В возрастной группе 18–24 года эту позицию отметили 59,4% респондентов.

Однако семейный традиционный тип досуга не столь содержателен. Наибольшее распространение получили пассивные формы проведения свободного времени, которые не требуют никаких дополнительных затрат: просмотр телепередач, фильмов, чтение книг,

занятие на компьютере, просто «отсыпаются», «выпивают» и др.

Иными словами, хотя большинство людей предпочитают проводить свое свободное время дома, интенсивность как возможных семейных, так и личных домашних занятий оказывается довольно низкой, а их разнообразие – минимальным. Это свидетельствует о неумении многих обследуемых организовать свой отдых с пользой для здоровья и самосовершенствования.

Налицо довольно узкий круг форм и типов проведения досуга вне дома. Так, занятия на приусадебном участке привлекают 32,5% опрошенных (большая часть из которых старшее поколение),

физической культурой и спортом – 13,9%, посещение зрелищных мероприятий, кинотеатров – 14,4%, музеев, театров – 6,8%. Походы в кино, театры, музеи, различные образовательные и оздоровительные учреждения, занятия физкультурой и спортом вне дома придают социальной жизни людей наибольшую полноту, однако требуют заметных дополнительных материальных и интеллектуальных затрат. Поэтому такой внедомашний досуг в большей степени привлекателен для более обеспеченных и образованных социальных слоев. Например, в группе с высоким уровнем материального положения физической культурой занимаются 19,9%, посещают зрелищные мероприятия, ходят в кино – 19,3%.

В исследовании проявились также существенные межпоколенческие различия в формах заполнения свободного времени. Молодежный досуг обладает ярко выраженной спецификой на фоне предпочтений старшего поколения. Если в элементах традиционного семейного отдыха (просмотр телепередач, чтение книг) все возрастные группы остаются во многом схожи, то по многим другим избираемым способам проведения свободного времени молодежь явно опережает старшее поколение. Прежде всего, это касается посещений зрелищных мероприятий, увлечения спортом, компьютером, тех форм внедомашнего досуга, которые характери-

зуют активный тип социальной жизни. Регулярно ходят в кафе, бары, рестораны (по выходным дням и чаще) в возрастной группе 18–24 года 42,6%, в группе 30–39 лет – 18,2%, 50–59 лет – 7,0%.

Однако иметь много свободного времени и достойно его проводить – не всегда у всех получается. Нередко познавательная и образовательная досуговая активность молодых людей сочетается с безответственным поведением и даже социальным отклонением. На сегодняшний день 18,2% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет предпочитают бездельничать или просто «убивать» свое свободное время, 16,6% предпочитают расслабляться, выпивать.

Результаты социологического опроса показывают, что культурное проведение досуга, духовное развитие, пребывание на свежем воздухе природе, т. е. все, что составляет исходные положения здорового образа жизни, остаются невостребованными в повседневной жизни основной массой населения страны. Ключевым препятствием этому, по мнению опрошенных, является большая нагрузка на работе (учебе), загроможденность домашними делами и др.

Возможности для полноценного отдыха не в полной мере реализуются населением в отпускное (каникулярное) время, о чем свидетельствуют данные опроса, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Регулярность поездок граждан в санатории или дома отдыха в группах с разным уровнем доходов, в %

Вариант ответа	Уровень доходов			
	Высокий	Средний	Низкий	Всего
2–3 раза в год	5,6	2,0	1,7	3,5
1 раз в год	21,4	12,5	12,8	16,1
1 раз в 2–3 года	11,8	7,8	3,4	8,7
Очень редко	22,6	19,2	15,4	19,8
Не отдыхали по путевке уже больше 10 лет	26,4	45,1	48,8	38,0
Затруднились ответить	12,2	13,4	17,9	13,9

Исходя из представленных данных, граждане довольно редко используют отведенный им отпуск для отдыха в санаториях или домах отдыха, особенно это касается менее образованных и малообеспеченных слоев населения. При этом с повышением возраста респондентов частота подобного проведения отпускного времени только снижается. В результате мы наблюдаем проблему накопления усталости, когда граждане не имеют возможности в отведенный им отпуск восстановить свои силы и здоровье. Так, по данным опроса, среди тех, кто отдыхает в санаториях, домах отдыха не менее одного раза в год, самооценка состояния здоровья в два раза выше, чем у тех, кто не отдыхал уже более 10 лет.

Безрадостная картина наблюдается в использовании россиянами свободного времени для занятий физической культурой и спортом и формирования здорового образа жизни. В связи

с этим обратимся к данным, представленным в табл. 2.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная доля россиян не занимается или занимается физкультурой и спортом от случая к случаю. При этом, как известно, нерегулярные занятия физкультурой мало что дают для поддержания и укрепления физического здоровья человека. Для этого нужно заниматься физкультурой несколько раз в неделю. Если руководствоваться таким принципом, то реальная доля обследованных лиц, занимающихся утренней гимнастикой, составляет 19,0%, физической культурой и спортом – 16,9%.

В исследовании проявились расхождения в увлечении физической культурой и спортом в разных возрастных группах опрошенных. По мере увеличения возраста доля занимающихся физкультурой и спортом существенно снижает-

Таблица 2

Физкультурно-спортивная активность, в %

Вариант ответа	Частота занятий	
	утренней гимнастикой (зарядкой)	физкультурой или спортом в свободное время
Да, ежедневно	9,0	3,9
2–3 раза в неделю	10,0	13,0
2–3 раза в месяц	4,6	10,5
От случая к случаю	24,3	22,3
Не занимаюсь	52,1	50,3

ся. Если в возрастной группе 18–24 года доля регулярно занимающихся физической культурой составляет 34,0%, то в группе 30–39 лет – 19,6%, в группе 50–59 лет – 10,8%.

На охват населения физической культурой и спортом (как и в других областях жизни) оказывает большое влияние социальное расслоение. Это отражено в табл. 3.

Таблица 3

Регулярность занятий физической культурой и спортом в группах с разным уровнем доходов, %

Вариант	Уровень доходов			
	Высокий	Средний	Низкий	Всего
Да, ежедневно	5,1	2,5	4,0	3,9
Регулярно, 2–3 раза в неделю	19,9	8,6	7,4	13,0
Редко, 2–3 раза в месяц	12,7	9,2	8,0	10,5
Очень редко, от случая к случаю	22,9	23,3	17,6	22,3
Не занимаются	39,4	56,4	63,0	50,3

Слабую вовлеченность населения в организованную физкультурно-оздоровительную и спортивно-массовую работу также отражают показатели их реального участия в спортивных мероприятиях. Так, 31,3% опрошенных указали, что в организациях, где они учатся или работают (работали до пенсии) практикуются спортивные мероприятия (спартакиады, спортивные игры), и только каждый второй из этой группы заявил, что принимает в них участие.

К числу причин, обуславливающих низкую степень участия населения в физкультурно-оздоровительном движении, несомненно, относится отсутствие свободного времени, уровень общей культуры людей, в том числе отношение к собственному здоровью, наличие или отсутствие вредных привычек.

Так, на вопрос: «Что мешает Вам заниматься физической культурой и спортом?» – было получено распределение ответов, представленное на рис. 2.

Отсутствие свободного времени, большая загруженность на работе (учебе) являются основными помехами не только для занятий физкультурой и спортом граждан, но и в целом ведения ими здорового образа жизни. Этот фактор присущ всем социально-демографическим группам экономически активного населения.

Ссылку на лень, как и отсутствие желания и интереса, можно отнести к фактору недостатка общей культуры. Следует особо обратить внимание на тот факт, что молодые люди в возрасте

18–29 лет особенно часто мотивируют отказ от занятий физкультурой именно этой причиной.

По мере увеличения возраста опрошенных приобретают весомость следующие обстоятельства отказа от физкультуры и спорта: плохое состояние здоровья и «отсутствие возможностей заниматься людям моего возраста». Так, в возрастной группе 50 лет и более это отметили 22,9% и 21,8% респондентов соответственно.

Что касается недостатка денег, то, действительно, этот фактор имеет реальное влияние на уровень физкультурной активности. Его отметила четверть опрошенных, среди тех, кто низко оценивает свое материальное положение.

Исследование показало значительную распространенность вредных привычек среди всех групп респондентов, что оказывает негативное влияние на состояние здоровья населения. В той или иной мере курят 57,5% мужчин и 26,4% женщин, а употребляют алкоголь соответственно 85,8% и 75,5% тех и других.

Оправданием для такого времяпрепровождения часто является неустроенность в социальном плане и эмоциональный дискомфорт, которые свойственны, по данным исследования, большинству опрошенных. Так, 68,6% респондентов испытывают чувство тревоги из-за неопределенности будущего, а из числа работающих 53,7% опрошенных беспокоятся потерять работу. Стрессовое состояние значительной части населения характеризуется также и тем, что 57,9%

Рис. 2. Причины, мешающие заниматься физкультурой и спортом, %

опрошенных оценивают уровень своего материального достатка ниже черты бедности, когда денег в лучшем случае хватает лишь на основные продукты питания и одежду.

На вопрос: «Почему вы курите и употребляете спиртные напитки?» – типичными ответами являются «по привычке» и «это успокаивает, доставляет удовольствие». Вместе с тем 26,3% опрошенных отмечают такую причину приверженности к вредным привычкам, как недостаток воли, 13,6% заявляют, что «это украшает отдых и помогает скоротать время», а 11,1% вообще говорят, что «без этого просто невозможно жить».

Другими словами, вредные привычки глубоко укоренились в образе жизни россиян, представляя им «легкие» способы снятия нервного напряжения, заменяя при этом рационально организованный отдых.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что в последнее время в российском обществе существенно расширяются возможности заполнения досуга, происходят качественные сдвиги по отношению к свободному времени, его ценности как таковой. Однако для основной массы населения потенциальные возможности досуга часто остаются неиспользованными из-за неумения многих обследуемых организовать свой отдых с пользой для здоровья и самосовершенствования. Многие люди вместо занятий,

способствующих их социокультурному росту, выбирают времяпрепровождение, тормозящее этот рост, активному приобщению к подлинным культурным ценностям, физической культуре и спорту, здоровому образу жизни предпочитают пассивные формы отдыха, не требующие от их потребителей интеллектуального напряжения и физического развития. В результате складывается образ жизни, который не отвечает критериям ни физического, ни духовного здоровья, не соответствует не только гармоническому развитию личности, но даже пассивному отдыху.

Примечания

¹ Выборочная совокупность составила 2400 человек в 24 субъектах Российской Федерации. Опрос проводился по многоступенчатой квотной выборке, репрезентирующей территориальное размещение российского населения, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей. Общее количество опрошенных экспертов составляет 240 человек, представляющих те же субъекты Российской Федерации, в которых опрашивалось население. В качестве экспертов выступили представители органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудники предприятий (организаций) государственной, частной и смешанной (государственно-частной) форм собственности.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

С. А. Дикунов

Институт экономики и антикризисного управления, г. Вольск
E-mail: 12sergej@mail.ru

В статье анализируются трансформационные процессы в сфере занятости населения с целью выявления тенденций и противоречий использования трудовых ресурсов. Автор доказывает, что социальный статус человека все в большей степени зависит от профессиональной подготовки, состояния здоровья, уровня его образования.

Ключевые слова: занятость, трансформация, структура занятости, человеческий потенциал.

Transformation to Employment of the Population: Trends and Contradictions

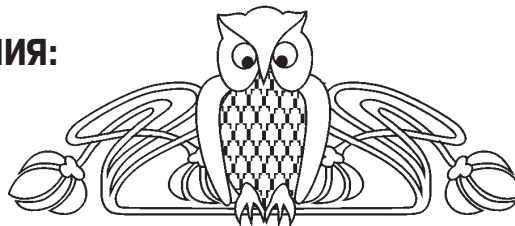
S. A. Dikunov

Transformational processes are analysed in article in sphere of employment of the population for the reason discovery trend and contradiction of the use labor resource. The Author proves that social status of the person all in greater degree depends on training, pictures of health, level of his (its) formation.

Key words: employment, transformation, structure to employment, human potential.

Исследование тенденций и противоречий трансформации занятости является важной научно-практической задачей. Это объясняется тем, что характер изменения трудовой деятельности людей, социально-трудовых отношений в целом предопределяет тип общественного развития. Вместе с тем, трансформационные процессы занятости происходят по мере изменения самого общества, отражая динамику его социально-экономических потребностей. Поэтому действующая и развивающаяся система занятости населения представляет собой сложную социальную систему, подвергающуюся воздействию со стороны общественной среды, и сама воздействует на эту среду. И хотя трансформация занятости населения довольно активно исследуется в науке, но пока не удается выявить системную «производность» характера изменения занятости от характера изменения общества, правильно выразить активно-преобразовательную роль государства, других субъектов занятости.

Занятость прямо или косвенно влияет на все стороны развития общества, затрагивая социально-экономические, социально-культурные, ценностные стороны жизнедеятельности людей. Решение проблем теории и практики эффективной

занятости способствует формированию эффективной хозяйственной системы общества, способной обеспечить социально-экономическое развитие общества. Выявление тенденций и противоречий трансформации занятости позволит избежать поспешных решений в регулировании занятости.

Одним из критериев информационного общества выступает преобладание доли занятых в сфере производства услуг и информации¹. Данные структурные изменения занятости населения способствовали росту доли квалифицированных работников, изменениям в характере занятости населения, а также в отношении работодателей к внутриорганизационной политике занятости, которая «предусматривает ориентацию не на темпы и не на количественные объемы, а на структурные сдвиги в организации, на вовлечение научно-технических и образовательных нововведений, повышающих производительность труда, качество технологий и выпускаемых видов изделий, а в конечном итоге повышающих степень и качество выпускаемой продукции без количественного роста привлекаемых материальных ресурсов»².

Скорость технологических обновлений определяет темп изменения рабочих мест. Поэтому преимущества смогут извлечь только те работники, которые склонны к повышению квалификации, переобучению и смене места работы³. В качестве отдельной социально-профессиональной группы стали выделяться работники интеллектуального труда, доля которых в числе занятого населения быстро увеличивалась. Например, в США в 1958 г. их доля составила в общей структуре занятости 31%, а в 1980 г. – 53,3%⁴.

Появление на рынке труда новой социально-профессиональной группы коренным образом отразилось на социально-трудовых отношениях и ценностных предпочтениях занятого населения. Это нашло проявление в следующих трансформационных тенденциях.

Во-первых, происходит трансформация в психологии, системе интересов и ценностей занятого населения. Длительное время трудовая деятельность человека была связана с желанием удовлетворить свои материальные потребности, противопоставлением своих интересов интересам других индивидов. Современный этап трансформации занятости населения обусловлен тем, что

материальный интерес перестает быть ведущим для человека, а прогресс современного общества обеспечивают нематериальные ценности и интересы.

В теории американского социолога Р. Инглехарта доказывается, что постматериальные блага высоко ценятся в обществе лишь тогда, когда его большая или основная часть чувствует свое высокое материальное благосостояние. Так, по данным кросскультурного исследования Р. Инглехарта, проведенного в 43 странах мира, доля приверженцев постматериальных ценностей составляет в США и Австрии 21–22%, в странах Восточной Европы их доля уже ниже (12–16%), в России – 11%, а самый низкий его уровень в Китае (7%). При этом замечено, что хотя постматериальные ценности больше распространены в экономически развитых странах, но они существуют и во многих странах с более низким уровнем экономического развития⁵.

Итак, значимость потребности в труде, обеспечивающей получение материальных ценностей, снижается по мере расширения доступа потребительского стандарта и его гарантированности. На первый план выходят постматериальные потребности в более содержательной трудовой деятельности, отвечающей интересам самореализации личности. Трансформация системы ценностей занятого населения выражается в росте протестных настроений личности против нормативно-ценностной системы, регулировавшей социально-трудовые отношения индустриального общества. Например, против труда, который не дает человеку возможности для проявления инициативы, творчества, мотивируемого только материальными интересами и целями потребления.

Однако не следует идеализировать современный этап общественного развития, так как информационное общество не снимает многих вопросов социального, психологического характера, способствует возникновению новых проблем и противоречий. Так, актуализируется проблема воздействия трансформации отношений занятости на стратификацию общества. Становится ясным, что, несмотря на общий рост благосостояния, проблема дифференциации общества обостряется. Действительно, у занятого населения с высокой оплатой труда, обеспечивающей им высокий уровень благосостояния, на первом месте стоят постматериальные интересы трудовой деятельности. Но для малообеспеченных и средних слоев общества наиболее значимым является стремление к получению так называемых новых материальных благ. Данное противоречие может стать основой для возникновения нового социального конфликта.

Во-вторых, важным компонентом современного этапа трансформации характера занятости становится новая социально-трудовая ментальность и индивидуализация, как социально-психологические и социально-культурные последствия

глобализации⁶. Это проявляется в том, что постепенно падает социальная зависимость личности от определенной социально-профессиональной среды или группы, растет профессиональная мобильность. Например, в США человеку со средним образованием в течение трудовой жизни приходится менять рабочее место в среднем 11 раз. М. Бехтель прогнозирует, что эпоха общества наёмного труда с непрерывным трудовым стажем завершается, «... к полной занятости возврата нет... Это означает, что рабочие места с занятостью в течение всего дня будут заменяться гибкими с точки зрения пространства, времени и в договорном плане трудовыми соглашениями»⁷. Главным качеством занятости становится ее гибкость, что порождает новые формы занятости: занятость с краткосрочным трудовым контрактом (либо вовсе без него), занятость без оговорённых социальных гарантий. Таким образом, социально-трудовые отношения характеризуются все более высокой степенью неопределённости.

Новый характер занятости населения, связанный с индивидуализацией трудовых процессов проявляется и в том, что повышается роль и общественная оценка институтов ремесленничества, наставничества, возрастает значимость специалистов, обладающих широкой специализацией, способных совмещать различные функции и операции, что требует возврата к универсализации посредством повышения квалификации, постоянного обучения⁸.

Данные тенденции часто связываются со снижением трудовой этики, падением профессиональных качеств работников, негативным изменением отношения к труду. Но следует заметить, что это не так. Причины этих изменений кроются в трансформации характера самого труда. Для отдельных категорий занятых, включая предпринимателей, труд является индивидуальным творческим проявлением способностей человека, приобретает качества инициативного и свободного. Для любого человека его потребности только тогда становятся внутренними побудителями и регуляторами трудового поведения, когда осознаются им, приобретая в этом случае форму интереса⁹. В этом смысле самостоятельную занятость можно охарактеризовать как особый вид участия людей в общественно-полезном труде, основанный на их личной инициативе, самостоятельности и ответственности, направленный, как правило, на получение трудового дохода и обеспечивающий самореализацию и самоутверждение индивида как личности.

В-третьих, происходящая глобализация социально-трудовых отношений сопровождается расширением социально-трудового пространства работника, что порождает новые формы занятости (оффшорные программисты, работающие на дому). Для данных работников характерен новый образ социально-трудовых отношений, исчезает необходимость офисной работы, подчинения жесткому регламенту трудовой деятельности.

Традиционные индустриальные формы трудовой занятости воспринимаются монотонными, и нетворческими, и интерес к ним утрачивается.

Таким образом, следует подчеркнуть, что трансформация ценностно-трудовых ориентаций и мотиваций занятости, подчинение профессиональной деятельности новым смыслам не говорят о падении трудовой этики и профессиональной культуры. Это свидетельствует о том, что из способа получения денег, достижения материального благополучия занятость для ряда категорий работников стала трансформироваться в способ выражения творческих инициатив, личностного потенциала.

В-четвертых, рассматривая социокультурные тенденции трансформации занятости, следует заметить, что по теории М. Кастельса, Р. Льюиса глобализация порождает новейшее международное разделение труда, которое находится во взаимосвязи с национальным многообразием организационных форм занятости, системы социально-трудовых отношений и социально-трудового поведения, обусловленных различными культурными условиями формирования.

Полицентрическая культура информационного общества, признающая специфику и разнообразие новых форм занятости и социально-трудовых отношений, содействует переоценке западной индивидуализации с коллективными формами деятельности, коренным образом меняет статус личности с трансформацией форм власти и социального лидерства, базовых теорий управления.

В этих условиях снижается степень соперничества между работниками, поскольку новые виды деятельности, связанные с управлением, обработкой информации, требуют непрерывного взаимодействия между людьми определенной команды единомышленников. В конечном итоге трансформируются взаимоотношения человека и общества, работодателя и работника, бизнес-общества и гражданского общества.

Субъектной основой современного этапа социально-экономического развития являются интеллектуалы, которые производят и владеют информацией и знаниями. Такая трансформация характера занятости нашла свое отражение и в новых подходах к социальной стратификации. Теперь социальный статус человека в большей степени зависит от профессиональной подготовки, состояния здоровья, уровня его образования. В связи с этим изменилось само отношение к образовательному процессу, как со стороны работников, так и со стороны организаций и государства. Процесс непрерывного обучения становится для работника условием сохранения или повышения социального статуса. В этих условиях образование должно быть доступным для широких масс населения. Именно это является одним из важных условий развития информационного общества.

Но следует заметить, что с развитием информационного общества всё большее количество работников из субъектов производственного процесса

в обычном понимании, превращается в субъекты социальных взаимодействий. В связи с этим актуализируется проблема справедливости оценки различных видов трудовой деятельности, ставится под сомнение сущность и ценность должностной иерархии¹⁰. В этих условиях необходимы новые подходы к формированию социально-трудовых отношений, новые формы занятости, участия в совместной деятельности, новые принципы взаимоотношений в трудовом коллективе.

Итак, оценив тенденции и противоречия трансформации занятости населения, можно сделать ряд выводов. Во-первых, в современном мире глобализация вызывает фундаментальные перемены в структуре занятости, что обусловлено появлением условий для более гибкого поведения работников и работодателей. Во-вторых, технологический прогресс и переход к информационному обществу требуют работников все более высококвалифицированных и высоко мобильных, т. е. гибко реагирующих на изменения на рынке труда. В-третьих, в новых условиях возрастает значимость современных организаций, которые развиваются в направлении социализации. Такие организации стараются задействовать комплекс факторов, определяющих успех трудовой деятельности человека (система пожизненного найма, размер заработка, карьерный рост). Степень реализации интересов работников, их удовлетворённость условиями труда становятся главными критериями эффективности использования человеческих ресурсов.

Примечания

- 1 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999.
- 2 Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Трансформация управленческих процессов // Изв. Сарат. ун-та. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология, вып. 3. С. 22.
- 3 См.: Бехтель М. Будущее труда. Размышления, взгляды, перспективы. 2001. URL: www.moskau.diplo.de (дата обращения : 12.01.2011).
- 4 См.: Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М.: Academia-Наука, 1999. С. 724.
- 5 Там же. С. 657.
- 6 Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 390.
- 7 Бехтель М. Указ. соч.
- 8 См.: Шкаратан О. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 43.
- 9 См.: Логинова Л. В. Социальный механизм институционализации интересов субъектов экономического действия: теория, методология и практики функционирования. Саратов: Сарат. ГАУ, 2009. С. 271.
- 10 См.: Валентей С. Д. Развитие общества в теории социальных альтернатив. М.: Наука, 2003. С. 197.

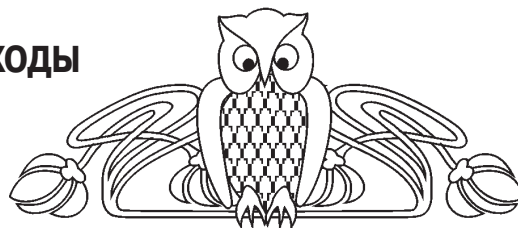
УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА И ПОДХОДЫ

И. В. Бабаян

Саратовский государственный технический университет

E-mail: innabv@list.ru

В статье рассматривается проблема времени как категория и метод социологии, отмечается неоднозначность дефиниций понятия «социальное время». Социальное время рассматривается сквозь призму поколения, жизненного пути, возраста.

Ключевые слова: социальное время, поколение, жизненный путь, возраст.

Social Time: Problems and Approaches

I. V. Babayan

In this article there are considered the problem of time as a category and method of sociology, there is ambiguity in definitions of the concept of social time. Social time is considered through the prism of generation, life course, and age.

Key words: social time, generation, life course, age.

Сегодня проблема времени является предметом исследовательского интереса представителей различных наук – философии, социологии, культурологии, психологии, естествознания, в том числе ставится задача и разработки всесторонней, междисциплинарной концепции темпорализма. Ведь сама проблема времени многогранна, как сама жизнь, все меняется со временем, эволюционирует и темпорализм как система учений о времени, отражая антропологию отношения человека ко времени.

В древней мифологии обнаруживается идея существования времени, отвлеченная мыслимость времени не выходит из рамок чувственного созерцания, время выступает в виде олицетворения субстанциального начала и рассматривается у большинства народов как причина рождения и смерти, как нечто, управляющее всем мирозданием, причем мифологическое представление персонафицированного субстанциального времени еще долго продолжает господствовать в обыденном сознании¹. Эволюция идеи времени продолжила свое развитие, раздвигая рамки и границы познания, вписываясь в научную картину мира.

В классической культуре для научной картины мира репрезентативны идеи линейного, универсального, объективного времени и абсолютной длительности, представляющих собой независимые от материи и человека сущности – субстанции. В неклассической культуре и научной картине мира, с характерным для нее индетерминизмом, дополнительностью, модели линейного времени уступают идее относительности, релятивности времени. Именно в этой культуре время обретает возможность принадлежать субъекту действия, наблюдателю, становится от него зависимым.

В свою очередь, постнеклассическая научная картина мира с ее нелинейностью, бифуркациями предлагает новую концепцию времени – времени универсального и уникального одновременно, прерывного и непрерывного, хаотичного и упорядоченного. Таким образом, «концептуальные революции во взглядах на время связаны с общим фронтом научных и философских революций – философским освобождением понятия времени от антропоморфизма мифологии, затем внедрением в классическую картину мира, наконец, его эйнштейнизацией и последующей полифонизацией»².

Когда категорию времени связывают уже не только с наблюдателем, системой отсчета, но и социальным субъектом, социальным конструированием реальности, эта категория становится в ряд социологического тезауруса. При этом в социологии и других гуманитарных науках на первых порах происходит процесс сочетания реляционной парадигмы с субстанциальной при преимущественной роли первой: время, приобретая качественные свойства, становится подлинной социально-онтологической категорией, имеющей порой решающее значение в жизненных ситуациях и научном анализе культуры.

Новые условия социальной жизни, трансформирующиеся в контексте социокультурного, экономического хронотопа (единство времени и пространства), для которых характерно ускорение социальных процессов, ощущение человеком дефицита времени, в результате которого время становится предметом осмысления и освоения субъекта на бытийном уровне, меняют ценностную окраску времени, придавая ей социальный статус. Именно признание за временем социального статуса, наряду с другими формами времени – физическим, биологическим, культурологическим, психологическим – признают и представители социальной философии. По их мнению, социальное время выступает показателем общественного развития, а «движение и развитие, функционирование социального бытия имеет и свое собственное время и пространство»³.

На самом деле, наряду с развернутыми концепциями времени в философии, время в социологии не получило пока столь широкого анализа, хотя уже имеются монографии по социальному времени, отмечается повышенный интерес к проблеме и в периодических изданиях. Дефиниция понятия «социальное время» в ряде исследовательских работ указывает на сложность

его раскрытия. Неоднозначность интерпретации этого понятия даже у представителей философской когорты авторов связана с характером исследований, использованием терминологии, что, в свою очередь, ведет к двоякости содержания социального времени. Время понимается как объективная форма существования движущейся материи и как смысловой принцип, предполагающий открытость субъекта жизнетворчеству и истории⁴.

Мы находим и развернутое определение понятия «социальное время». Это «время существования, функционирования и развития общества как совокупности социальных систем, от человека до общественно-экономической формации и человеческого общества в целом. Время связано с человеческой деятельностью, т. е. материальной деятельностью и отношениями»⁵. Развитие общества, представляющее собой необратимое, направленное и закономерное социальное изменение материи и общественного сознания, связано с социальным временем, в процессе которого структура социального времени является отражением структуры общества. Таким образом, различны не только дефиниции социального времени, но и семантика исследователей, оперирующих терминологией согласно их теоретическим взглядам и подходам.

Нами был проведен анализ оригинальной точки зрения по проблеме социального времени ставропольских ученых⁶. Они рассматривают социальное время в аспекте образовательного пространства, в частности, общеевропейской интеграции высшего образования. Обсуждение исследователями предлагаемой ими *теории социального времяведения* начинается с раскрытия и определения термина «времяведение», введенный английским ученым Энтони Авени. Данный термин сопоставляется авторами с термином «науковедение», примененным В. И. Вернадским. С точки зрения упомянутых авторов, социальное времяведение интерпретируется как «та область знания, которая охватывает энергию человеческой культуры и механизм действия антропоного принципа на Земле»⁷. Сама теория социального времяведения выстраивается с опорой на 1) гипотезу о метавремени культуры, 2) концепцию культуры времени, 3) философский диагноз времени, 4) профессиональное самосознание науки. Авторами выделяются категории через рассмотрение времени человека как индивида, времени человека как цивилизационного субъекта истории, а само понятие метарефлексии определяется как свойство коллективного самосознания. Взяв за основу естественно-научную метарефлексию, исследователи рассматривают диалектичность и триалектичность современной картины мира.

Предложенная концепция социального времяведения, хотя и не до конца расстается с натурфилософией, следует принципам Вернадского и Моисеева, осуществляя попытку синтеза естественно-научного и гуманитарного знания

о времени. Однако в контексте философского анализа проблемы времени, где социальное времяведение выступает как синтез научно-философского знания, социолог может стать в оппозицию: ведь здесь практически теряется социальный статус фундаментальной категории времени. В результате этого теория выглядит своеобразным продолжением исследований в духе позитивизма. Между тем социологический дискурс позволяет зафиксировать время как необходимый параметр социальных изменений, дает возможность рассмотреть контексты социальной идентичности, жизненного пути.

Проблематика времени актуализируется при включенности в социологическую методологию и методы, из этого следует, что время может выступать и как категория, и как метод социологии. Здесь можно отметить возросший интерес к собственно социологии времени, то есть социологической интерпретации данной категории. Солидаризируясь с мнением Н. В. Веселковой, можно говорить о том, что время позволяет раскрыть природу предмета исследования и природу метода⁸. Вполне понятно, что сегодня расширяются возможности развития социологии времени в связи с эмансипацией самой социологии как науки и научной дисциплины.

Проблема социального времени раскрывается в самых различных форматах социальных изменений и жизни социума, — это еще и проблема памяти, поколений, возраста, жизненного пути. В анализе поколений время выступает одним из маркеров, позволяющих определить не только особенности, но и проследить динамику изменения последнего через коллективную память о прошлом в связи с настоящим. Вслед за В. В. Семеновой мы говорим о поколении с позиции «*социального феномена*»⁹, это в свою очередь, приближает нас к пониманию социального времени на разных уровнях. Такой подход предполагает не только количественную, но и качественную характеристику поколения, но и отмечает В. В. Семенова, понятия равенства — неравенства жизненных шансов поколений могут и должны включать в себя осуществление других демократических прав либерального дискурса справедливости, таких, как «право на участие», «право на признание», «право на жизнь не ниже уровня предыдущих поколений»¹⁰. Мы полагаем методологически успешным привлечение в современных исследованиях поколения аспектов социальной справедливости, социального неравенства. Это, действительно, является выходом на тему социальной политики, связанной с комплексом мер по обеспечению равных прав и возможностей каждого из поколений.

В рамках социального теоретизирования и перехода в проблемные поля социума мы перестаем говорить о взаимодействии некоего объективного времени с субъективным, а подходим к освоению и конструированию времени человеком, что происходит в течение всего жизненного пути.

Но, в отличие от театрального сценария, каждый из нас участвует в индивидуализации стиля, создает свою пьесу, свой сценарий, по которому проходит его жизненный путь, мы ощущаем разные тона и краски жизни, движемся вперед, и, значит, развиваемся.

Проблема времени человека в дискурсе социологии существенно продвинута работами О. Н. Ежова¹¹, который не видит противоречий с другим направлением, где жизненная история связана с идеями С. Л. Рубинштейна и К. А. Абульхановой-Славской. Время связано не только с эволюцией культур, цивилизаций, но и возрастом, жизнью, переживаниями экзистенциальных и глобальных событий. Жизненный путь предстает как мультиуровневый феномен, который конструируется на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях траектории жизни¹². Когда человек переносит главный акцент на социальное время культуры, глобальные проблемы общества и общечеловеческие ценности, то и собственное время он оценивает масштабно, с широких позиций. Поэтому время человека не может быть сведено к экзистенциальному, оно является более сложным, родовым механизмом детерминации носит культурно-исторический характер.

Вместе с тем индивидуализация стиля жизни характеризует современного человека в обществе, жизненный сценарий каждого уникален и неповторим, как и сам человек. Хотя на первый взгляд мы можем увидеть тривиальность жизненного пути каждого, любой проходит и переживает период детства, юности, зрелости, старения. Однако жизненный путь любого человека, складывающийся из этих этапов, имеет свою модуляцию, звучание, которое переживается и осваивается по-разному. Режиссура этой пьесы принадлежит семье, социальному окружению, а впоследствии и мы сами становимся на путь режиссера, создающего свой, неповторимый сюжет жизненного пути. Личностно-социальное время коррелирует с показателем темпоральности человеческой жизни и индивидуальной судьбы.

Рефлексия темпоральности человеческой жизни, его судьбы в рамках концепции жизненного пути позволяет охватить разные аспекты развития уникальной индивидуальной судьбы личности и социума. Человек, конструируя свою судьбу, выступает ее творцом: жизненный сценарий, в основе которого разворачивается жизненный план, становится показателем темпорального течения жизни. Таким образом, время жизненного пути основывается на развитии человека, рассмотренного сквозь призму темпорального развития общества.

Возраст, как характеристика индивидуального времени человека и его жизненного пути, выступает продуктом социального сравнения, образующего скелет социальной структуры в виде системы возрастных классов, эволюционирующей в систему социальных классов и страт. Опосре-

дованное, многостороннее отражение времени осуществляется общественным субъектом по-разному в различные эпохи, но всегда систему временных параметров природы, истории, культуры и собственной жизнедеятельности человек постигает в процессе деятельности, в определенном возрасте¹³. И если есть возраст человеческих дел, есть и возраст человеческих представлений, идей, духовных форм.

Понятие «возраст» указывает на темпоральный период развития человека, который складывается на разных возрастных этапах жизненного пути. Возрастные этапы не тождественны друг другу, но вполне равноценные, складываются в целостность истории человеческой жизни¹⁴. Возраст – понятие не только чисто хронологическое, психологическое, биологическое, но и социальное, прежде всего. Мы исходим из определения, в котором возраст индивида выступает не только как онтогенетическая смена фаз, но и как социально обусловленный жизненный путь человека, история становления личности в конкретном обществе на определенном этапе его развития¹⁵. Существует известная периодизация жизненного пути человека, которая включает в себя десять фаз преобразований жизненного цикла: младенчество, раннее детство, детство, отрочество, юность, молодость, средний возраст, пожилой, старый, престарелый (дряхлость).

Внимание в этой периодизации сфокусировано на «фазное протекание целостного жизненного цикла, охватывающего процесс индивидуального развития от рождения человека до смерти, его последовательная смена моментов становления и инволюции индивида. Эта разворачивающаяся цепь изменений является одним из фундаментальных эффектов необратимости времени, действия «стрелы времени»¹⁶. При этом возраст выступает как функция многих переменных – так, психологический возраст отражает особенности психического и интеллектуального развития индивида, выступает мерой реализованности времени личности, которая определяется соотношением прошлого, настоящего и будущего¹⁷. Сквозь призму возраста также определяются индивидуальные и возрастные особенности и степень адекватности восприятия времени в разных возрастных диапазонах через длительности, последовательности и одновременности.

После полученного определенного жизненного опыта человек начинает оглядываться в прошлое, пытаясь выстроить картину полученного жизненного опыта. В переходный период подросток пытается заявить о себе, хотя живет настоящим, он ставит жизненные цели, которые хотелось бы достичь, достаточно неуверенно. В этом возрасте продолжают складываться предпочтения, вкусы, жизненные установки. В дальнейшем темпоральные ориентации человека обращены в будущее – период молодости, зрелости, но обращение в прошлое время, как правило,

характерно для пожилого возраста¹⁸. Освоение, организация времени каждой возрастной группой связаны с деятельностью, в процессе которой человек выступает как субъект жизнедеятельности.

Каждая возрастная категория отличается от другой темпоральными, имманентными свойствами восприятия, переживания времени. На каждом возрастном этапе, встроенном в структуру жизни человека, высвечиваются разные уровни ощущения, восприятия, переживания, освоения времени: от бессознательного ощущения времени – взаимодействия природных и физиологических ритмов – до сознательного переживания, осознания «Я концепции», связанного с процессом интеграции, социализации личности, и далее – к осознанному восприятию времени, это уже собственные временные ориентации, субъективная характеристика, конструирование жизненного пути, звучание в унисон личного темпорального пульса с пульсом социального времени.

Таким образом, проблема социального (макро) времени в социологии находит своё конкретное разрешение в различных форматах и конкретных понятиях, в том числе в понятии жизненного пути (микровремени) человека. Социальное время и его конструирование в качестве жизненного пути, в эволюции социума в качестве социологической категории в научном поле социологии одновременно является важнейшим методологическим подходом. Жизненный путь человека связан с формированием жизненной позиции, процессом социализации, процессами самоидентификации, окультуривания индивида. Пронизывая все уровни социальной сферы от микро-, мезо- до макроуровня, время актуализирует проблемы эволюции культур, взаимосвязь социального времени и жизни человека, темпоральной идентификации человека. В контексте последнего высвечиваются особенности переживания и восприятия человеком экзистенциальных, социальных и глобальных событий. Разрыв во времени, неустойчивость и нестабильность влекут за собой не только деформации в социальной структуре общества, но и в структуре самого времени, подвергается изменению качество жизни отдельного человека.

В итоге можно констатировать вхождение времени как категории, проблемы и метода в проблемное поле современной отечественной социологии.

Примечания

- ¹ См.: *Ярская В. Н.* Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна (по материалам Междунар. науч.-практ. конф.) / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов, 2005. С. 199–209.
- ² *Ярская В. Н., Яковлев Л. С., Печенкин В. В., Ежов О. Н.* Пространство и время социальных изменений: курс лекций в цикле социологических дисциплин для студентов, магистров, аспирантов и преподавателей. Саратов, 2004. С. 19.
- ³ *Ярская В. Н.* Время в эволюции культуры: философские очерки / под ред. А. Г. Спиркина. Саратов, 1989. С. 69.
- ⁴ См.: *Лой А. Н., Шинкарук Е. В.* Время как категория социально-исторического бытия // *Вопр. философии.* 1979. № 12. С. 73–86.
- ⁵ *Штомпель Л.* Смыслы времени. Ростов н/Д, 2001. С. 24.
- ⁶ См.: *Артемьев В. А.* Социальное время: Проблемы изучения времени и использования. Новосибирск, 1987. С. 9.
- ⁷ *Каширин В. И., Каширина О. В.* Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования. М., 2010. С. 17.
- ⁸ См.: *Веселкова Н. В.* Существует ли социология времени? URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/veselkova_suschestvuet.html (дата обращения : 12.01.2011).
- ⁹ *Семенова В. В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 63.
- ¹¹ См.: *Ежов О. Н.* Онтология социального времени. Саратов, 2000. 480 с.
- ¹² Там же. С. 392.
- ¹³ См.: *Бочаров В. В.* Антропология возраста : учеб. пособие / СПбГУ, РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., 2000
- ¹⁴ См.: *Елютина М. Э., Чеканова Э. Е.* Социальная геронтология. Саратов, 2001. С. 13.
- ¹⁵ См.: *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды : в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 70.
- ¹⁶ Там же. С. 73.
- ¹⁷ См.: *Ярская В. Н., Яковлев Л. С., Печенкин В. В., Ежов О. Н.* Указ. соч. С. 216.
- ¹⁸ См.: *Козлова Т. З.* Социальное время пенсионеров // *Социс.* 2002. № 6. С. 130–135.

УДК 316 (470) (09) + Pers. Берви-Флеровский

ВКЛАД В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО В ФОРМИРОВАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Н. В. Чумичева

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье раскрывается роль выдающегося общественного деятеля и ученого В. В. Берви-Флеровского (1829–1918) в становлении отечественной эмпирической социологии. Особое внимание уделяется эффективному применению исследователем социально-типологического метода для анализа социальной структуры российского общества и выявления особенностей жизни, труда и быта различных социальных групп.

Ключевые слова: отечественная социология, эмпирическая социология, социально-типологический метод.

V. V. Bervi-Flerovsky's Contribution to Empirical Sociology Formation in Russia

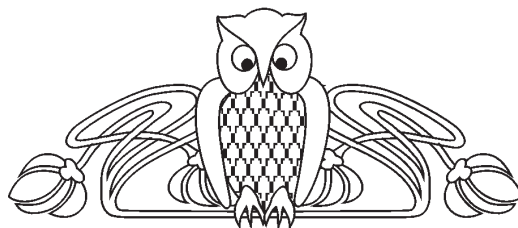
N. V. Chumicheva

The paper exposes the role of the outstanding public figure and scientist V. V. Bervi-Flerovsky (1829–1918) in the establishment of domestic empirical sociology. Special attention is paid to his effective application of the social-typological method for analysis of the social structure of the Russian society and for revealing peculiarities of the life and labor of various social groups.

Key words: domestic sociology, empirical sociology, social-typological method.

Современная российская социология развивается в условиях глубоких и всесторонних общественных преобразований, она призвана помочь людям более четко осознать суть происходящих перемен, осмыслить историческую связь и преемственность поколений. Перед социологами встают новые, более сложные задачи, требующие расширения и укрепления ее методологических позиций, обновления арсенала эмпирических исследований. Этим и определяется необходимость обращения к богатейшему наследию, накопленному отечественной социологией. Одним из ее основоположников по праву можно считать Василия Васильевича Берви (1829–1918), который вошел в историю русской общественной мысли под псевдонимом «Флеровский».

Творчество Флеровского многогранно: он выступал как философ и политический мыслитель, писал по вопросам истории, юриспруденции, этики, экономической науки, был автором художественных произведений. Мы рассмотрим лишь один из аспектов его творческой деятельности – разработку методических и методологических основ эмпирических социологических исследований.

Само понятие «эмпирические исследования» (от греч. *empeiria* – опыт) указывает на получение какой-либо информации опытным путем посредством прямой или косвенной регистрации свершившихся событий или иных фактов, характерных для изучаемых явлений, объектов и процессов. В деятельности конкретного ученого эмпирическое исследование непосредственно связано с его личным жизненным опытом, который формируется под воздействием множества объективных и субъективных факторов. В жизни Флеровского такими факторами явились полицейские гонения, которым он подвергался на протяжении четверти века. За годы вынужденных скитаний исследователь сумел собрать огромный материал о положении трудящегося населения России.

Флеровский был видным общественным деятелем пореформенной России, одним из идеологов и вдохновителей народничества как идейного течения и как политического движения. Интерес исследователя к изучению жизни народа, особенно многомиллионного крестьянства, определялся его демократическими убеждениями, идеями утопического социализма, которые он воспринял еще в юности. Немало наблюдений сделал будущий ученый и публицист, будучи еще чиновником особых поручений в министерстве юстиции, знакомясь с документами о жестоком обращении помещиков с крестьянами. Еще больше впечатлений о том, что творится в России, получил он когда был вынужден надеть халат арестанта. Почти всю свою жизнь он подвергался полицейским репрессиям. После ареста в 1862 г., в течение почти четверти века Флеровский изъездил и исходил всю Россию из края в край. В самых трудных жизненных ситуациях он был верен раз и навсегда избранному призванию: тщательно собирал данные о положении трудящихся, наблюдал и изучал жизнь, условия труда и быта самых различных классов и сословий русского народа. Результатом этой исследовательской работы стала книга «Положение рабочего класса в России» (1869 г.).

На читателей-современников книга произвела неизгладимое впечатление именного как отчет правдивого очевидца – в ней не было ни капли лжи, ибо автор писал о том, что видел собственными глазами, что знал досконально. Это не были записки любознательного путешественника, наблюдавшего жизнь народа из окна кареты, или умозрительные рассуждения кабинетного ученого. В книге на богатом фактическом материале правдиво и красочно были показаны состояние

экономики страны после 1861 г. и тяжелое положение крестьян, рабочих, кустарей, их изнурительный труд, нищета, бесправие, и не где-то в одной местности, а по всей России – от севера до юга, от западных губерний до Сибири.

Книга Флеровского – не только яркое публицистическое произведение, выражающее страстный протест против угнетения трудящихся, чиновничьего произвола и всех видов социальной несправедливости. Это социологическое исследование, отвечающее самым строгим требованиям объективности и достоверности.

Труд Флеровского можно рассматривать как краеугольный камень, заложенный в основание отечественной эмпирической социологии. Важной заслугой автора является разработка оригинальной комплексной методики эмпирических исследований, позволяющей не только собирать, но и обобщать, систематизировать огромный фактический материал.

Флеровский поставил перед собой задачу: объективно показать жизнь людей труда со всеми их проблемами, заботами и чаяниями. Понятие «рабочий класс» у него имеет широкое значение – оно охватывает всех трудящихся – и рабочих, и крестьян, и тех, кто пашет землю, и тех, кто работает на фабрике или роет золото в горах. Но это отнюдь не однородная масса, исследователь выделяет в ней ряд групп, слоев, значительно отличающихся друг от друга по условиям труда и повседневной жизни. Анализируя особенности различных групп, Флеровский, по сути дела, впервые в отечественной литературе применяет метод группировки социальных объектов.

Различные виды типологизации широко используются в современной социологии. Однако во времена Флеровского, когда социологическая наука переживала «младенческий» период, примеров применения этого метода фактически не было. И здесь Флеровский также выступает первопроходцем. «Желая разъяснить великую солидарность интересов в нашей общественной жизни, – писал он, – я брал только самые крупные группы и описывал их в великих отличительных чертах их жизни»¹. Типическое в его понимании – это такие явления, которые с наибольшей полнотой и яркостью выражают сущность какого-либо социального процесса или важной сферы общественной жизни.

Структура книги «Положение рабочего класса в России» соответствует социально-типологическому принципу, и это во многом определяет объективность и убедительность изложения. Начинается книга с главы, в которой дан социологический портрет сибирского работника-бродяги. Когда приходится ехать по большому сибирскому тракту, повествует автор, то по пути постоянно встречаются люди жалкого, оборванного вида. Это странствующие работники, представители самой обездоленной, самой бесправной, часто обреченной на голодную смерть части населения. Многие

бродяги пробираются в Россию, но большинство из них бродят по Сибири в поисках случайных заработков. Среди них немало бывших арестантов и беглых ссыльных, но многие из этих оборванцев-люмпенов – разорившиеся крестьяне из западных губерний, пришедшие искать счастливую долю в «вольной стороне». Но почти всех их ждет жалкая участь, поскольку они становились объектом самой жестокой, бессовестной эксплуатации со стороны местных предпринимателей и кулаков.

От жизнеописания несчастных люмпенов автор переходит к изображению труда и быта сибирских крестьян, участь которых также незавидна. С восхищением пишет Флеровский о красоте и изобилии сибирской земли, о ее несметных природных богатствах. Там ли не быть земледельцу богатым? Чего только в Сибири нет? Почва плодородна, реки обильны рыбой, много лесов, полных дичи и ягод, недра богаты различными ископаемыми. Там, говорит автор, следовало бы встретить развитое сельское хозяйство и промышленность, увидеть живущее в довольстве население. Но ничего подобного он не встретил. Каждое село начиналось и кончалось жалкими лачугами, с бычьим пузырем в окне вместо стекла, часто без пристроек для скота, который мерзнет на улице. Только в середине села дома кулаков, попа и исправника выглядели богато. Земель у крестьян было мало, доходы ничтожны, а налоги большие. Большинство крестьян не в силах своевременно уплатить подати, «но уплатить надо немедленно, им грозят розгами, им грозят продажей имущества... При подобном положении, – делает вывод автор, – крестьяне будут нищими на самой богатой почве и при самой роскошной земледельческой производительности»².

Не менее грустные картины приходится изображать Флеровскому, исследуя жизненные условия уральских разнорабочих, астраханских рыболовов и жителей Русского Севера, крестьян-общинников на государственных и помещичьих землях. Яркие, художественные описания труда и быта подкрепляются тщательно подобранными и достоверными статистическими материалами.

Используя статистику и результаты собственных наблюдений, Флеровский убедительно обосновывает тезис о том, что положение русских трудящихся, занятых как в сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве, гораздо хуже, тяжелее, чем положение пролетариата в зарубежной Европе или в Америке. Сопоставляя данные о доходах, благосостоянии и смертности населения, исследователь приходит к горестному выводу о том, что положение работающего, терпеливого сибирского крестьянства нельзя сравнить не только с положением пролетариата Германии или Франции XIX в., но и положением французского работника накануне революции XVIII в. «После этих сравнений я думал сравнить положение нашего крестьянина с положением бывших рабов-негров Соединенных Штатов, но оставил

эту мысль. Что могло выйти из этого сравнения?.. Я не мог вынести мысль, что сравнение это может кончиться в пользу рабов – о Боже!»³.

Руководствуясь высокими гуманистическими идеалами и принципами научной объективности, Флеровский поставил перед собой задачу написать правду о жизни трудового народа, вопреки дифирамбам идеологов охранительно-консервативного направления, лицемерно прославлявших «благополучие» страны и «благодетельное» управление ею. Решал он эту задачу, используя и сухой язык цифр и фактов, и живое, страстное слово публициста, не скрывающего свое сочувствие к угнетенному народу и гневный протест против произвола и эксплуатации. Этим определяется огромная общественная роль, которую сыграла в тот исторический период кровью сердца написанная книга «Положение рабочего класса в России». И роль ее не ограничивается узкими историческими рамками. Произведение это было подлинно новаторским не только потому, что автор взял на вооружение такие исследовательские методы, которые до него никто не применял, но и потому, что ему удалось наметить ряд важных линий и тенденций развития эмпирической социологии на многие годы и десятилетия вперед.

Эстафету эмпирических исследований уже при жизни Флеровского подхватили такие выдающиеся историки и социологи народнического направления, как С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, В. И. Семевский, Н. М. Ядринцев⁴. Целые пласты социально-экономической проблематики, ранее почти не затронутые «плугом» исследователя, получили глубокую разработку именно в народнической социологии. Важно отметить, что ее представители восприняли не только методологические подходы

УДК 316.772.4(470+571)

АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ СМИ

И. Ю. Саяпина

Саратовский государственный университет
E-mail: ynd@yandex. ru

Статья посвящена анализу функционирования СМИ в контексте глобализации. Предпринята попытка определить некоторые типы глобальной дискурсивной практики СМИ, которые являются рамками глобального дискурса СМИ, а также способствуют формированию современной социальной реальности.

Ключевые слова: СМИ, глобализация, глобальный контекст, дискурсивная практика, манипулирование аудиторией.

The Analysis of Global Discursive Practice of Mass Media

I. Yu. Sayapina

The article covers the issue of functioning of mass media in the context of globalization. The attempts are made to define some of the

Флеровского, но и его идеологические концепции. Так, Н. Даниельсон писал о возможности демократического пути развития России: «Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной, – развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло воспользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ»⁵.

Современники высоко оценивали личность Флеровского как самоотверженного борца против социального зла, страстного поборника свободы и справедливости, «учителя жизни» для демократической молодежи. Для нас особое значение имеет его деятельность как исследователя-новатора, разработавшего оригинальные методологические подходы к исследованию социальной жизни. Именно поэтому социологическое творчество Флеровского не утратило своей актуальности и в наши дни, когда решаются задачи дальнейшего плодотворного развития отечественной социологии.

Примечания

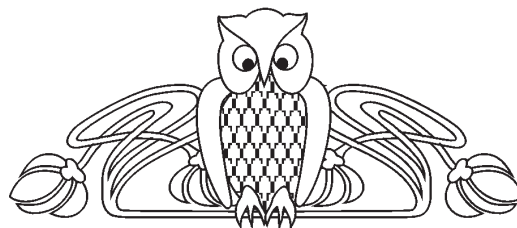
¹ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения : в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 33.

² Там же. С. 80–81.

³ Там же. С. 91–92.

⁴ См.: Южаков С. Вопросы экономического развития в России // Рус. богатство. 1893. № 1–12 ; В. В. (Воронцов) Судьбы капитализма в России. СПб., 1892 ; Николай – он (Даниельсон). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893 ; Семевский В. И. Рабочие на Сибирских золотых приисках. СПб., 1870–1898. Т. 1–2 ; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

⁵ Николай – он. Указ. соч. С. 343.

types of global discursive practice of mass media which signify the discursive frame of global media and enable the present-day social reality to be constructed.

Key words: mass media, globalization, global context, discursive practice, audience manipulation.

Сегодня в России, как и во многих других странах мира, в сферах экономики, политики, культуры, информации и др. происходит процесс глобализации, сущность которого сводится к формированию транснациональных социальных пространств и форм жизни. Данный процесс означает идеологию господства мирового рынка, снижение роли национального государства в

эту мысль. Что могло выйти из этого сравнения?.. Я не мог вынести мысль, что сравнение это может кончиться в пользу рабов – о Боже!»³.

Руководствуясь высокими гуманистическими идеалами и принципами научной объективности, Флеровский поставил перед собой задачу написать правду о жизни трудового народа, вопреки дифирамбам идеологов охранительно-консервативного направления, лицемерно прославлявших «благополучие» страны и «благодетельное» управление ею. Решал он эту задачу, используя и сухой язык цифр и фактов, и живое, страстное слово публициста, не скрывающего свое сочувствие к угнетенному народу и гневный протест против произвола и эксплуатации. Этим определяется огромная общественная роль, которую сыграла в тот исторический период кровью сердца написанная книга «Положение рабочего класса в России». И роль ее не ограничивается узкими историческими рамками. Произведение это было подлинно новаторским не только потому, что автор взял на вооружение такие исследовательские методы, которые до него никто не применял, но и потому, что ему удалось наметить ряд важных линий и тенденций развития эмпирической социологии на многие годы и десятилетия вперед.

Эстафету эмпирических исследований уже при жизни Флеровского подхватили такие выдающиеся историки и социологи народнического направления, как С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, В. И. Семевский, Н. М. Ядринцев⁴. Целые пласты социально-экономической проблематики, ранее почти не затронутые «плугом» исследователя, получили глубокую разработку именно в народнической социологии. Важно отметить, что ее представители восприняли не только методологические подходы

УДК 316.772.4(470+571)

АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ СМИ

И. Ю. Саяпина

Саратовский государственный университет
E-mail: ynd@yandex. ru

Статья посвящена анализу функционирования СМИ в контексте глобализации. Предпринята попытка определить некоторые типы глобальной дискурсивной практики СМИ, которые являются рамками глобального дискурса СМИ, а также способствуют формированию современной социальной реальности.

Ключевые слова: СМИ, глобализация, глобальный контекст, дискурсивная практика, манипулирование аудиторией.

The Analysis of Global Discursive Practice of Mass Media

I. Yu. Sayapina

The article covers the issue of functioning of mass media in the context of globalization. The attempts are made to define some of the

Флеровского, но и его идеологические концепции. Так, Н. Даниельсон писал о возможности демократического пути развития России: «Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной, – развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло воспользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ»⁵.

Современники высоко оценивали личность Флеровского как самоотверженного борца против социального зла, страстного поборника свободы и справедливости, «учителя жизни» для демократической молодежи. Для нас особое значение имеет его деятельность как исследователя-новатора, разработавшего оригинальные методологические подходы к исследованию социальной жизни. Именно поэтому социологическое творчество Флеровского не утратило своей актуальности и в наши дни, когда решаются задачи дальнейшего плодотворного развития отечественной социологии.

Примечания

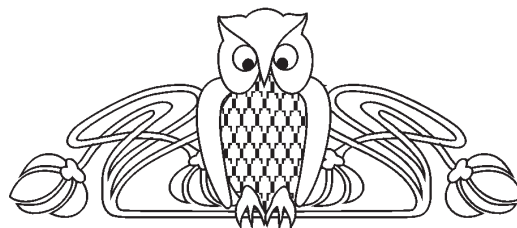
¹ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения : в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 33.

² Там же. С. 80–81.

³ Там же. С. 91–92.

⁴ См.: Южаков С. Вопросы экономического развития в России // Рус. богатство. 1893. № 1–12 ; В. В. (Воронцов) Судьбы капитализма в России. СПб., 1892 ; Николай – он (Даниельсон). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893 ; Семевский В. И. Рабочие на Сибирских золотых приисках. СПб., 1870–1898. Т. 1–2 ; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

⁵ Николай – он. Указ. соч. С. 343.

types of global discursive practice of mass media which signify the discursive frame of global media and enable the present-day social reality to be constructed.

Key words: mass media, globalization, global context, discursive practice, audience manipulation.

Сегодня в России, как и во многих других странах мира, в сферах экономики, политики, культуры, информации и др. происходит процесс глобализации, сущность которого сводится к формированию транснациональных социальных пространств и форм жизни. Данный процесс означает идеологию господства мирового рынка, снижение роли национального государства в

качестве субъекта международных отношений. Рост ограничений во всех сферах, процессы социального сравнения, когда население знакомится с иными, культурными образцами и старается их достичь, означает влияние более развитых стран, характеризующиеся другим типом исходной институциональной матрицы отличной от России, а также стремление сильной стороны к унификации экономического, социального информационного и политического пространства.

Государство в наши дни уже не представляет собой самодостаточное политическое или экономическое образование, а служит лишь фрагментом, частью более широкого образования – всемирной политической системы и мировой экономики. Соответственно СМИ сегодня это уже не те средства государственной информации и пропаганды, какими они были в предглобализационный период, главной задачей которых являлось обеспечение государственного влияния на общественное мнение и стереотипы поведения населения. Теперь существует особая глобальная монополия корпораций на производство, трансляцию и средства распространения информации (процесс получил название конгломерации).

Глобальная монополия на медиапродукцию в нашей стране выразилась в полном отсутствии внятной федеральной политики и системности взаимодействия власти и СМИ¹. Глобализация, повлекшая за собой реорганизацию и переформатирование профильных ведомств и надзорных органов, не встретила того сопротивления государства, которое способствовало бы упорядочиванию деятельности масс-медиа. Соответственно, трансформация медиасферы и медийных продуктов сегодня происходит в сторону размывания ценностных критериев внутри нашего государства, что означает максимально благоприятные условия для усиления глобального контекста. Сегодня для того чтобы включиться в глобальный поток сообщений на правах равноправного конкурента с сетевыми глобальными СМИ за внимание аудитории, необходимо отказаться от привычных форм подачи и вписаться в «мировой стандарт». Система предварительной обработки сообщений в современных СМИ, как правило, устроена так, что сообщения, не соответствующие стандарту, автоматически отвергаются. Это касается не только формата, но и контента². Всё это подтверждает, что сегодня в коммуникации на уровне власти – СМИ имеется конфликт, связанный со смещением дискурсивной власти. Обладаящий властным статусом коммуникант в лице государства, который до этого всегда контролировал и ограничивал коммуникативный вклад нижестоящего субъекта – СМИ, перестаёт претендовать на доминирование в полной мере. Глобализация в лице медиакорпораций и рекламы заставляет СМИ продуцировать определённый дискурс подчиненный коммерческим интересам. Сам дискурс может быть охарактеризован как «не-

кая практика, которую мы навязываем» внешней по отношению к дискурсу предметности³. Исходя из концепции языкового характера мышления, деятельность людей сводится к их «речевым», т. е. дискурсивным практикам⁴.

Возможно, дискурсивная глобальная практика СМИ проявляет себя в том, что в целом содержание коммерческих СМИ в России сегодня мало отличается от аналогов в других странах, то есть существует определённая интертекстуальность, которая вырабатывается в условиях глобализации. В широком смысле интертекстуальность означает размывание границ текста или текст внутри текста. Каноническую формулировку концепту интертекстуальности дал Р. Барт, который считал, что каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах⁵. Однако если говорить о глобальных СМИ в рамках постмодернизма, то данное понятие концептуализируется особо и приобретает новые параметры. Интертекстуальность – это некое предварительное условие для создания любого медиатекста. Она представляет собой общее поле формул, рассчитанных на фоновые знания адресата. Мы предполагаем, что при смещении в сторону глобального, уход от традиций, обычаев и культуры вероятно превращение интертекстуальности из выразительного средства публицистики в безликий штамп. При возрастании источников информации возможна также ещё большая анонимность, использование цитат, происхождение которых редко можно обнаружить. Следовательно, интертекстуальность может превратиться в манипулятивную практику СМИ, и на телевидении, где анонимная интертекстуальность генерируется с помощью аудиовизуальных знаков она становится ещё более опасной.

Глобальный дискурс СМИ также выявляется в формировании средств производства и предоставлении информации аудитории, которое происходит особым образом. Современный формат средств массовой информации предлагает подачу информации в виде коротких модульных всплешек – новостей, фрагментов фильмов и передач, рассекаемых рекламой. На смену принципам системности, детерминизма и объективности, как принципам кодирования информации, обусловленным характером письменного текста с его линейной логикой и причинно-следственными связями, пришли антииерархичность, нелинейность, семантический плюрализм⁶. В России, так же как и во многих других странах, от установившихся культурных, моральных и идеологических истин прошлого, от традиционных телефильмов, от собранного и систематизированного материала, соотносящихся друг с другом идей СМИ вышли на другой уровень подачи материала – разрозненные фрагменты информации. О клиповости культуры и о мозаичности телевизионного кадра впервые заговорили М. Маклюэн и А. Моль. Соответствен-

но фрагментарная подача информации особенно распространена на телевидении. Данный феномен находит отражение в коллажности ТВ-кадров, где телевидение использует современные технические возможности, связанные с расширением приемов монтажа образов и с феноменом пространственно-временного сжатия или в способе выстраивания телевизионного пространства – серийности телепередач⁷. Медiateксты не имеют четко выраженной повествовательной оси. Они принципиально не имеют начала и конца, в них можно «войти» с любого места. Имеются резкие стыки метафоры и документа, или смешение жанров, тональностей и т. д. Совершенно очевидно, что фрагментаризация дает дополнительные возможности манипулировать аудиторией, акцентируя внимание на одних сторонах события и умалчивая или затемняя другие аспекты, как пишут многие исследователи. Она является источником односторонней аргументации, где в качестве единственно правильной демонстрируется точка зрения одного оппонента, а остальные мнения блокируются. Клиповое восприятие мира человеком, которое диктуют СМИ, на фоне глобального контекста неизбежно ведет к размыванию моральных и нравственных ценностей, а смещение в сторону большей глобальности будет означать всё большее обезличивание культуры.

Интересен тот факт, что фрагментарность подачи информации часто гасит интерес к информации и вызывает апатию, так как вынуждает полагаться на оценки комментаторов и подавляет попытки анализа⁸. Поэтому под ещё одной телевизионной глобальной практикой, в некотором смысле обеспечивающей надёжность интереса аудитории к фрагментированной информации, мы будем понимать развлечение и праздность в подаче материала.

Сегодня медиа приобретают черты зрелищности и праздничности, что не может не отразиться на формировании картины мира. Исследователи телевидения в один голос заявляют, что политика крупнейших телеканалов России превратила каналы общенационального значения в развлекательное телевидение. Значительно изменился характер транслируемых телевидением программ и содержащихся в них системе ценностей, норм и социальных образцов за последнее десятилетие, что отразилось на изменении культурно-познавательной функции телевидения⁹. Если в конце прошлого века в России в пространстве медиадискурса доминировала публицистика и обсуждение общественно значимых тем, то сегодня имеется коммерциализованное пространство с потребительской, прагматической направленностью¹⁰. Удовлетворение развлекательных интересов аудитории идёт вразрез с общественными интересами и означает ориентир на усреднённого зрителя – признак массы в несобранной публике СМИ (для Х. Ортеги-и-Гассета «масса» – «усредненная, худшая» часть людей, для Г. Лебона масса есть мо-

дель толпы¹¹, но у Г. Тарда – публика). Чем больше праздности в СМИ, тем больше публика походит на массу, так как именно эмоциональный подъем, вызванный развлечением и зрелищностью, превращает публику в массу. Возникают массовые состояния публики, при которых возможно манипулирование и создание определённых массовых настроений.

Так, мы предполагаем, что аудиовизуальная анонимная интертекстуальность, аудиовизуальная фрагментаризация, как источник односторонней аргументации и развлечение, являются типами глобальной дискурсивной практики СМИ. Они продуцируются процессом глобализации, которая по-новому выстраивает иерархию интересов и легитимируются институтом СМИ. В совокупности они создают некое нормативное поле, в котором существует глобальный дискурс СМИ, а также способствуют формированию современной социальной реальности. Они имеют выражение как на уровне контента, так и структуры медиасообщения. Мы также полагаем, что среди трёх выделенных нами типов глобальной дискурсивной практики СМИ развлечение в подаче медиасообщения играет особую роль в исследовании медиавоздействия, так как именно здесь мы обнаруживаем главный признак современного взаимодействия на уровне СМИ – аудитория или современной коммуникативной модели медиавоздействия.

Примечания

- 1 См.: *Комаровский В. С.* Государственная служба и средства массовой информации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 114 с.
- 2 См.: *Зегонов О. В.* К вопросу об участии СМИ в мировой политике // *Актеры в пространстве и времени мировой политики* / под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО-РАМИ, 2007. С. 154–155; *Акимова Г., Пашикин М.* Аналитическая обработка разнородной текстовой информации // *Вестник/Россия*. 2005. № 1. С. 75–79.
- 3 См.: *Можейко М. А., Лепин О. С.* Дискурс // *Постмодернизм: Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 233.
- 4 См.: *Фуко М.* Жизнь: опыт и наука // *Вопр. философии*. М., 1993. № 5. С. 43.
- 5 См.: *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. С. 225.
- 6 См.: *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 279.
- 7 См.: *Суродина Н. Р.* Культурная интроспекция XX столетия и современности: материалы к спецкурсу. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2002. 50 с.
- 8 См.: *Тулина С.* Средства массовой информации (СМИ) как основной субъект политической манипуляции [Электронный ресурс] // PR-библиотека Международного прессклуба [сайт] / URL: http://pr-club.com/PR_Lib/tulina_SMI.shtml (дата обращения: 10.02.2011).
- 9 См.: *Виноградов Д. Н.* Аудитория российского телевидения: Факторы формирования и тенденции развития: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 188 с.

¹⁰ См.: Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 50 с.

¹¹ См.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. 672 с.

УДК 316.334.3:316.772.4

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. В. Кузьмина

Саратовский государственный университет
E-mail: kuzmina-s-v@yandex. ru

Статья посвящена социологическому анализу политического дискурса как одного из важнейших составляющих политической коммуникации. В статье рассматриваются определения политического дискурса, его цели и общественное предназначение.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, политическая информация.

Political Discourse as an Integral Part of Political Communication

S. V. Kuzmina

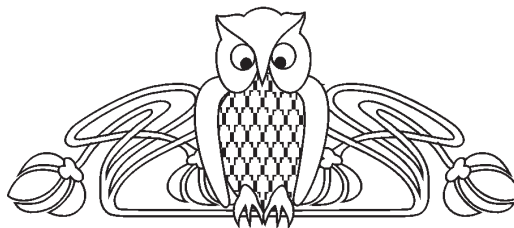
This article is devoted to sociological analysis of political discourse as one of the most important parts of political communication. The article considers the definitions of political discourse, its purposes and public aim.

Key words: political communication, political discourse, political information.

Политика не существует вне деятельности отдельных индивидов, социальных групп и обществ, вне коммуникационных процессов, связывающих и направляющих общественно-политическую жизнь. Политическая коммуникация выступает своеобразным социально-информационным полем политики. Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение¹.

Известный французский социолог Р.-Ж. Шварценберг дал достаточно полное определение политической коммуникации: «процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия»².

Известные отечественные социологи и политологи, рассматривая политическую коммуникацию, понимают под ней «процесс взаимодей-

ствия политических субъектов на основе обмена информацией и непосредственного общения, а также средства и способы этого духовного взаимодействия»³.

Принимая во внимание приведенные выше определения, можно сделать вывод, что важной составляющей политико-коммуникационных процессов является передача, перемещение, оборот политической информации.

Политическая информация представляет собой совокупность знаний, сведений, сообщений о явлениях, фактах и событиях политической сферы общества. С ее помощью передаются политический опыт, знания, структурируется политическая жизнь, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация.

Политическая коммуникация – это смысловой аспект взаимодействия субъектов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса. Посредством коммуникации передается три основных типа политических сообщений: побудительные (приказ, убеждение); собственно информативные (реальные или вымышленные сведения); фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики).

Политическая коммуникация выступает как особый вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени⁴.

Политическая коммуникация имеет свой собственный, особый язык – так называемый язык власти, или политический дискурс. Как пишет Г. Лассуэлл, «язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения»⁵. Определение Г. Лассуэлла охватывает множество сфер политической жизни, языком которых является политический дискурс.

В политической коммуникации обыкновенно дело имеют с написанным или произносимым сло-

¹⁰ См.: Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 50 с.

¹¹ См.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. 672 с.

УДК 316.334.3:316.772.4

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. В. Кузьмина

Саратовский государственный университет
E-mail: kuzmina-s-v@yandex. ru

Статья посвящена социологическому анализу политического дискурса как одного из важнейших составляющих политической коммуникации. В статье рассматриваются определения политического дискурса, его цели и общественное предназначение.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, политическая информация.

Political Discourse as an Integral Part of Political Communication

S. V. Kuzmina

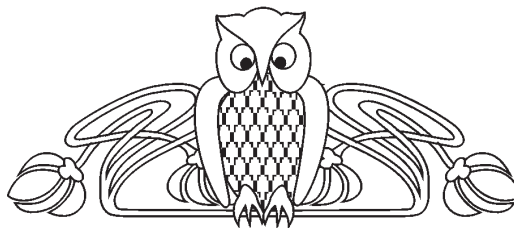
This article is devoted to sociological analysis of political discourse as one of the most important parts of political communication. The article considers the definitions of political discourse, its purposes and public aim.

Key words: political communication, political discourse, political information.

Политика не существует вне деятельности отдельных индивидов, социальных групп и обществ, вне коммуникационных процессов, связывающих и направляющих общественно-политическую жизнь. Политическая коммуникация выступает своеобразным социально-информационным полем политики. Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение¹.

Известный французский социолог Р.-Ж. Шварценберг дал достаточно полное определение политической коммуникации: «процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия»².

Известные отечественные социологи и политологи, рассматривая политическую коммуникацию, понимают под ней «процесс взаимодей-

ствия политических субъектов на основе обмена информацией и непосредственного общения, а также средства и способы этого духовного взаимодействия»³.

Принимая во внимание приведенные выше определения, можно сделать вывод, что важной составляющей политико-коммуникационных процессов является передача, перемещение, оборот политической информации.

Политическая информация представляет собой совокупность знаний, сведений, сообщений о явлениях, фактах и событиях политической сферы общества. С ее помощью передаются политический опыт, знания, структурируется политическая жизнь, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация.

Политическая коммуникация – это смысловой аспект взаимодействия субъектов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса. Посредством коммуникации передается три основных типа политических сообщений: побудительные (приказ, убеждение); собственно информативные (реальные или вымышленные сведения); фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики).

Политическая коммуникация выступает как особый вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени⁴.

Политическая коммуникация имеет свой собственный, особый язык – так называемый язык власти, или политический дискурс. Как пишет Г. Лассуэлл, «язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения»⁵. Определение Г. Лассуэлла охватывает множество сфер политической жизни, языком которых является политический дискурс.

В политической коммуникации обыкновенно дело имеют с написанным или произносимым сло-

вом, но она может происходить и при помощи знаков, символов и сигналов, посредством которых передается смысл. В большей части политическая коммуникация составляет сферу компетенции специализированных учреждений и институтов, таких как средства массовой коммуникации, правительственные информационные агентства или политические партии. Тем не менее она обнаруживается в любой обстановке социального общения, от бесед с глазу на глаз до обсуждения в палатах национального законодательного органа.

Прежде чем перейти к понятию «политический дискурс», необходимо уточнить само понятие «дискурс». Т. Б. Рябова приводит различные определения дискурса. В широком смысле дискурсом называют язык, который используется в рамках определенной области. Выделяют разные дискурсы, каждый из которых является специфическим способом интерпретации социального и имеет свои ключевые понятия. В узком смысле дискурсом обозначают связный текст, содержащий относительно ограниченный набор утверждений, который исходит из определенных посылок и для которого характерна внутренняя логика. Дискурс может быть не только способом рассуждения, но и путем репрезентации объектов и тем с определенных позиций. Важная характеристика дискурса заключается в том, что он используется для конструирования социальных значений⁶.

Политический дискурс – это способ толкования социальной реальности в ключевых терминах политики (прежде всего, власти). Политический дискурс представляет собой определенный вид практической речевой деятельности, структурированный соответствующими текстами (понятиями, концептами) и обслуживающий политические процессы. Он характеризуется особым словарем (запасом относящихся к данной предметной области слов и выражений), смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений.

В политическом дискурсе значимый статус приобретает сама фигура политика и определенные поведенческие моменты. Политический дискурс является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом и, таким образом, влияет на формирование у реципиентов картины мира.

В политическом тексте содержится как экстралингвистическая информация (картина мира), так и знаковая информация (картина мира, представленная через знак, номинацию).

Политический дискурс обладает не только смыслом (соотнесен с реальностью), но и сущностной «привязкой» (соотнесен субъектно с определенной группой или группами людей). Различные субъекты общения по-разному отражаются в дискурсе: коммуникативные формы порождают свое содержание.

Политический дискурс представлен в лицах. Лицо сливается с текстом, но одновременно само является текстом. Это смешение содержаний порождает новое содержание. В итоге автор приходит к тому, что один и тот же текст, произносимый разными лицами, «распадается» на разные тексты: они иначе декодируются аудиторией, иначе структурируются, классифицируются, ранжируются. Они дают иную картину социального взаимодействия⁷.

Политический дискурс представляет мир политики. В него входят ораторские выступления, которые посвящены политике, официальные тексты на политическую тему, например постановления, указы, законы, научные политологические статьи, газетно-публицистические тексты. Каждая из этих разновидностей политического дискурса имеет свои цели.

Специалисты разграничивают, прежде всего, институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления, интервью политических лидеров и др.) и масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета. К периферии политического дискурса относится аппаратная коммуникация (инструкция, правила поведения для сотрудников, приказы и распоряжения и др.), тексты, созданные людьми, не являющимися профессиональными политиками или журналистами, а эпизодически участвующими в политической коммуникации (разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами и др.), тексты, в которых используются элементы художественного повествования (политические детективы, мемуары)⁸.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам (гражданам сообщества) необходимость «политически правильных» действий и (или) оценок. Цель политического дискурса – как любого внушения – вызвать в адресатах определенные намерения и установки, не описать, а убедить, мотивировать вполне определенные реакции, в частности, действия⁹.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод, что политическая коммуникация является особым видом коммуникации, отражающим мир политики, имеющим свой особый язык – политический дискурс, который представляет этот мир. Политический дискурс обслуживает все сферы политической жизни общества, его основная цель – оказать влияние на реципиентов. Благодаря политическому дискурсу происходит оборот политической информации, а без оборота политической информации невозможно движение политического процесса.

Примечания

- ¹ См.: *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 1999. № 1. С. 24–39.
- ² *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология : в 3 ч. / пер. с фр. М., 1992. Ч. 1. С. 174.
- ³ Коммуникации политические // Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий / под ред. Г. А. Белова, В. П. Пугачева. М., 1993. С. 54.
- ⁴ См.: *Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В.* Политология : учебник. М., 2002. С. 308.
- ⁵ *Лассуэлл Г.* Язык власти // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 264–279.
- ⁶ См.: *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. VIII. Вып. 4(32). С. 307–320.
- ⁷ См.: *Ухванова-Шмыгова И. Ф.* Каузальный анализ политического текста // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. Минск, 1998. Вып. 1. С. 45–52.
- ⁸ См.: *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- ⁹ См.: *Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 374–393.

УДК 316.33

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Д. Ю. Быченко

Саратовский государственный технический университет
E-mail: bychenkodu@gmail.com

В статье анализируются различные группы концепций человеческого потенциала, раскрывается современная социологическая сущность и содержание человеческого потенциала, уточняется социальная и экономическая оценка данного явления.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социализация, социальное накопление человеческого потенциала.

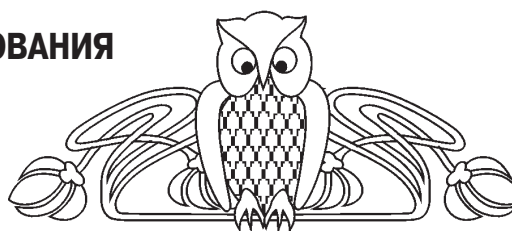
Methodological Bases of Human Potential Research

D. Yu. Bychenko

The article different conception groups of human potential are analyzed, modern social essence and content of human potential are revealed, social and economic assessment are clarified.

Key words: human potential, socialization, social accumulation of human potential.

Многообразие условий и возможностей актуализации человеческого потенциала (как, впрочем, и многообразие возможных толкований самого этого понятия) делает затруднительной разработку всего комплекса методологических основ исследования данного феномена. Социологи отмечают актуальность специфического социологического исследования человеческого потенциала общества. В различных системных проявлениях общество и его человеческий потенциал «постоянно фигурируют в рассуждениях социологов, но они по большей мере остаются неисследованными»¹. В социологическом контексте человеческий потенциал обозначает «скорее, программно заданный объект анализа и практических усилий, чем объект научного изучения и научно обоснованных оценок»². Сущностные и содержательные социологические основы челове-

ческого потенциала и сегодня остаются не выясненными. Большинство современных социологов, «исследующих этот феномен, ограничиваются перечнем его элементов или обоснованием методологических принципов, на основе которых его следует конструировать»³.

Таким образом, современные ученые представляют различные подходы к исследованию данного феномена, используются взаимоисключающие определения об его сущности, содержании, социальных функциях. При этом методологические основы концепции человеческого потенциала находятся в стадии формирования. Теоретические подходы к его сущности, содержанию и социологическим индикаторам оценки многообразны и не стабильны. В социологической науке не существует устойчивых методологических принципов исследования данной категории, поэтому необходимо обобщить теоретические разработки по данной проблеме, выявить преимущества и недостатки в исследованиях различных научных школ, представить собственные интегрированные методологические подходы к исследованию человеческого потенциала акторов.

Проанализируем различные группы концепций, рассматривающих человеческий потенциал на междисциплинарном уровне. Условно данные концептуальные подходы можно разделить на три группы парадигм: общетеоретическую, социально-экономическую и социологическую.

В контексте общетеоретического направления исследователи сосредотачивают внимание на рассмотрении и обосновании социальной сущности человека, уточнении его потенциальных свойств как фактора социального прогресса. Здесь человеческий

Примечания

- 1 См.: *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 1999. № 1. С. 24–39.
- 2 *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология : в 3 ч. / пер. с фр. М., 1992. Ч. 1. С. 174.
- 3 Коммуникации политические // Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий / под ред. Г. А. Белова, В. П. Пугачева. М., 1993. С. 54.
- 4 См.: *Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В.* Политология : учебник. М., 2002. С. 308.
- 5 *Лассуэлл Г.* Язык власти // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 264–279.
- 6 См.: *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. VIII. Вып. 4(32). С. 307–320.
- 7 См.: *Ухванова-Шмыгова И. Ф.* Каузальный анализ политического текста // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. Минск, 1998. Вып. 1. С. 45–52.
- 8 См.: *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- 9 См.: *Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 374–393.

УДК 316.33

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Д. Ю. Быченко

Саратовский государственный технический университет
E-mail: bychenkodu@gmail.com

В статье анализируются различные группы концепций человеческого потенциала, раскрывается современная социологическая сущность и содержание человеческого потенциала, уточняется социальная и экономическая оценка данного явления.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социализация, социальное накопление человеческого потенциала.

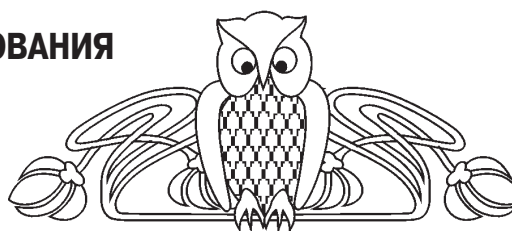
Methodological Bases of Human Potential Research

D. Yu. Bychenko

The article different conception groups of human potential are analyzed, modern social essence and content of human potential are revealed, social and economic assessment are clarified.

Key words: human potential, socialization, social accumulation of human potential.

Многообразие условий и возможностей актуализации человеческого потенциала (как, впрочем, и многообразие возможных толкований самого этого понятия) делает затруднительной разработку всего комплекса методологических основ исследования данного феномена. Социологи отмечают актуальность специфического социологического исследования человеческого потенциала общества. В различных системных проявлениях общество и его человеческий потенциал «постоянно фигурируют в рассуждениях социологов, но они по большей мере остаются неисследованными»¹. В социологическом контексте человеческий потенциал обозначает «скорее, программно заданный объект анализа и практических усилий, чем объект научного изучения и научно обоснованных оценок»². Сущностные и содержательные социологические основы челове-

ческого потенциала и сегодня остаются не выясненными. Большинство современных социологов, «исследующих этот феномен, ограничиваются перечнем его элементов или обоснованием методологических принципов, на основе которых его следует конструировать»³.

Таким образом, современные ученые представляют различные подходы к исследованию данного феномена, используются взаимоисключающие определения об его сущности, содержании, социальных функциях. При этом методологические основы концепции человеческого потенциала находятся в стадии формирования. Теоретические подходы к его сущности, содержанию и социологическим индикаторам оценки многообразны и не стабильны. В социологической науке не существует устойчивых методологических принципов исследования данной категории, поэтому необходимо обобщить теоретические разработки по данной проблеме, выявить преимущества и недостатки в исследованиях различных научных школ, представить собственные интегрированные методологические подходы к исследованию человеческого потенциала акторов.

Проанализируем различные группы концепций, рассматривающих человеческий потенциал на междисциплинарном уровне. Условно данные концептуальные подходы можно разделить на три группы парадигм: общетеоретическую, социально-экономическую и социологическую.

В контексте общетеоретического направления исследователи сосредотачивают внимание на рассмотрении и обосновании социальной сущности человека, уточнении его потенциальных свойств как фактора социального прогресса. Здесь человеческий

потенциал рассматривается в рамках общей теории социального прогресса. Обосновывается, что социальный прогресс, с одной стороны, – это движение к некоторому конечному внешнему социальному результату, с другой – социальный прогресс раскрывается как трансформационная модернизация характеристик потенциала населения, то есть как процесс осовременивания, совершенствования социального накопления человеческого потенциала, обновления способностей «свободного субъекта выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности, «переступать границу», т. е. способность к самотрансцендентности»⁴. Человек рассматривается в качестве смыслового центра, реализующего потенциальные возможности практически во всякой социальной системе⁵. Отсюда человеческий потенциал – это совокупность способностей человека реализовывать социальное действие в процессе своей жизнедеятельности.

Еще Аристотель заложил общетеоретические принципы социального исследования человеческого потенциала. Он представляет две составляющие потенциальных возможностей человека: здоровье (физическая сила и долголетие человека) и характеристики добродетельства (духовное богатство и потребности в удовольствии), и доказывает, что потенциальные человеческие возможности определяются не только характеристиками здоровья, но и уровнем добродетельства человека⁶.

В. Зомбарт развивает данные взгляды и обосновывает необходимость расширения комплексных характеристик человеческого потенциала. Он предлагает человеческий потенциал рассматривать через систему оценки устоявшихся и укорененных социальных нравов и обычаев населения. Подчеркивается, что данная форма человеческого потенциала исторически изменяется в процессе социальных и экономических трансформаций⁷. Г. Зиммель конкретизирует взаимосвязь социального и экономического проявления реализации человеческого потенциала. Отмечает, что общетеоретический анализ способностей человека необходимо дополнять отдельным относительно независимым социально-экономическим и социальным рассмотрением. В условиях формирования рыночной системы хозяйствования потенциал человека комплексно проявляется как в социальном, так и в экономическом контекстах. С экономических позиций именно деньги являются источником развития всякого человеческого потенциала, конечной социальной целью и абсолютным символом капиталистического общества⁸.

Таким образом, в рамках общетеоретического подхода представляются важнейшие теоретические предпосылки современной социологической теории человеческого потенциала. Теоретики на междисциплинарном уровне раскрывают существенную характеристику человеческого потенциала, отождествляя его с человеческими способностями и трудовыми возможностями. Формирование человеческого потенциала отождествляется с процессом развития человеческой сущности, проявляющейся

в повышении социальных потенций (социальных способностей) индивидов. Исследователи сосредоточены на рассмотрении двух основных форм проявления человеческого потенциала: 1) здоровье и долголетие совокупного человека (развитие тела и физических способностей социума); 2) духовность совокупного человека, богатство развития его потребностей (развитие сознания и потенциальных способностей человека к интеллектуальной деятельности, духовное богатство социума).

Общетеоретические концепции в современном социологическом контексте имеют ряд недостатков. Во-первых, в рамках этих разработок только обозначены общие теоретические умозаключения по данному явлению. Отсутствуют конкретные разработки, связанные с факторами развития и содержанием его подсистемных компонентов. Во-вторых, не конкретизированы параметры социологической оценки развития человеческого потенциала. Остается непонятным, как можно на практике осуществить социальную оценку данного системного явления, какие основные показатели могут применяться в процессе данной оценки.

Частично недостатки устраняются в рамках социально-экономических концепций человеческого потенциала. Социально-экономические трактовки категории «человеческий потенциал» тесно связаны со становлением теории эффективного общественного функционирования, а также концепций устойчивого общественного развития. Данные концепции объединяют экономические и социологические подходы к парадигмальному обоснованию процессов социально-экономической оценки человеческого потенциала. Исследователи ставят перед собой цель – формирование достаточно строгого и в то же время операционализируемого интегрального представления о потенциале человека.

Социально-экономические концепции человеческого потенциала условно можно разделить на две группы.

Первая система социально-экономических концепций. Концепция развития человеческого потенциала как качественной характеристики «экономического человека», действующего в условиях социально-экономических ограничений, ожидающего собственного развития и реализующего свои способности в системе логически четкой трудовой деятельности⁹. Здесь человеческий потенциал, прежде всего, оценивается уровнем интеллекта: изобретательности, возможностью самооценки максимизации выгоды социального взаимодействия, умения максимизировать социальную и экономическую полезность¹⁰.

У. Боуэн конкретизирует данную позицию и отмечает, что с социально-экономической точки зрения развитие человеческого потенциала отражает процесс инвестиций в человека и в среду его семьи. Инвестиции в человека подобны «инвестициям в физический капитал в нескольких важных отношениях. И тот, и другой накапливается в результате приложения экономических ресурсов,

которые могли бы быть использованы для производства других предметов и услуг ради текущего потребления»¹¹.

Вторая система социально-экономических концепций. Концепция развития человеческого потенциала как качественной характеристики «социологического человека». Здесь человек – это социологический субъект экономического действия, имеющий собственное мнение, восприимчивый и действующий¹². Он реализует свой человеческий потенциал как социализированный актер, исполняющий социальные роли, «поведение которого санкционировано обществом»¹³. Здесь человеческий потенциал, прежде всего, оценивается в рамках совокупных индикаторов развития образовательных, интеллектуальных, личностных черт человека труда. Подчеркивается, что сознание, как форма социального потенциала, отличает человека от животного. Развитие сознания – это социальный процесс, нераздельно связанный с совершенствованием потенциальных способностей человека к интеллектуальной деятельности. В то же время развитие сознания – это и экономический процесс инвестиций в социальную сферу и жизнедеятельность общественного человека в целом.

Таким образом, в рамках социально-экономических концепций человеческий потенциал рассматривается через экономические и узко социальные формы проявления. В рамках современного социально-экономического направления потенциал раскрывается как системное понятие. Исследователи опираются не на общее единое целое, а на разность потенциалов, которые и определяют способность цельной системы человеческого потенциала, находящейся в потенциальном поле, совершать определенные типы экономического действия. Исходя из данной позиции, исследователи приходят к выводу о том, что способности, возможности и права человека, как носителя человеческого потенциала, двойственны. С одной стороны, они даны отдельно человеку от рождения (это первая часть человеческого потенциала: физическая). С другой стороны, они развиваются в системе социально-экономического и социального взаимодействия (это вторая часть человеческого потенциала: духовная). Акцент исследователи делают на социальном и экономическом проявлении процесса развития духовной составляющей человеческого потенциала.

Социально-экономические концепции человеческий потенциал условно делят на две подсистемные группы: духовную и экономическую.

Первая системная группа: экономический человеческий потенциал. В рамках узкоэкономического направления исследуются инвестиционные, стоимостные и ценовые проявления способностей человека труда. Оценка человеческого потенциала преимущественно осуществляется через индикаторы инвестиций, стоимостной совокупности экономических вложений в труженика, соотношения денежных вливаний и роста производительности труда.

Вторая системная группа: духовный человеческий потенциал. В рамках духовного направления исследуется преимущественно интеллектуально образовательный компонент трудового потенциала: интеллектуальное развитие, образовательные профессиональные знания, умения и навыки человека труда. Здесь доказывается, что в современных условиях духовная область человеческого потенциала крайне важна. В качестве гипотезы представляется необходимость включения в состав человеческого потенциала морально-нравственной составляющей. Ведь едва ли какой-либо работодатель хочет иметь в своем подчинении работников, лишенных моральных принципов, деструктивно настроенных и ведущих антисоциальный образ жизни.

Исходя из вышеизложенного, несложно заметить, что концепции социально-экономической направленности имеют ряд существенных недостатков. Во-первых, в рамках социально-экономических концепций узкоэкономический дискурс является преобладающим. Авторы стремятся упрощать систему человеческого потенциала, рассматривать человеческие способности, возможности и потребности через систему реализации экономических целей и задач хозяйственных систем общества. Во-вторых, социально-экономические разработки представляют человека как механический придаток экономических систем, обезличивают и механизмируют его социальные свойства. Оценка человеческого потенциала преимущественно через индикаторы инвестиций, стоимости, цены рабочей силы, соотношения денежных вливаний и роста производительности труда социально обезличивают данную категорию, превращают ее в механистический социально-экономический конструкт. В-третьих, в рамках данного направления социальное здоровье и социокультурная составляющая человеческого потенциала подробно не исследуются и не подвергаются научной оценке.

В рамках социологических концепций человеческого потенциала частично устраняются данные недостатки, представляется процесс развития его основных социальных форм. В социологическом контексте человек рассматривается как субъект, рожденный с определенными специфическими инстинктами. Его человеческий потенциал характеризуется здоровьем (физическим потенциалом), интеллектуальными и образовательными способностями, формирующимися в процессе социализации личности.

Социологическая доктрина человеческого потенциала основывается на системной методологии Т. Парсона, где социальное потребление рассматривается как процесс целесообразного использования жизненных средств, направленных на развитие человеческого потенциала акторов. Доказывается, что социальные потребности человека составляют важнейший компонент развития человеческого потенциала. Ведь потребности есть важная часть ситуации социального действия, как и «внешнее социальное окружение». В рамках анализа челове-

ческого потенциала анализируется материальное и нематериальное социальное потребление, «необходимость которого вызвана категориями эмпирически полезных теоретических систем»¹⁴.

Поэтому социальная деятельность может рассматриваться как форма реализации потребительского духа тружеников, обновление которого осуществляется как в бытовом, образовательном, производственном, так и в потребительском секторе. При этом отношения власти и социума определяются как условие возможности социального накопления и развития человеческого потенциала¹⁵. Несложно заметить, что в рамках данного подхода процесс всякой социальной деятельности рассматривается не только как форма социализации человека, но и как система саморазвития потребности, которая основана на взаимодействиях индивида, общества и власти.

О. И. Генисаретский, Н. А. Носов, Б. Г. Юдин развивают данный подход. Они констатируют, что человеческий потенциал – это способности человека к реализации различных социальных действий. Одновременно – это объект: 1) каким-то образом репрезентирующий человеческие качества/возможности; 2) особым образом рефокусирующий вокруг себя понимание того, что представляет собой определенное государство, народ, страна; 3) вполне понятный в «малых» масштабах социального рассмотрения (уровень отдельной социальной группы или социальной организации) и в «больших» масштабах социального рассмотрения (уровень страны, государства, народов)¹⁶.

В данном контексте человеческий потенциал отражает, в первую очередь, население страны и крупные группы социальных систем. Он неприменим к отдельному индивиду и должен применяться: 1) в контексте средних групп населения (отдельные социальные группы или социальные организации); 2) ««большим» социальным системам (странам, народам, государствам, сословиям или классам, крупным регионам или мегаполисам)»¹⁷. Довольно размыто и не четко представляются авторами содержательные компоненты человеческого потенциала: 1) здоровье населения; 2) готовность акторов к семейной жизни и воспитанию детей; 3) знание и квалификация; 4) адаптация к социальной инфраструктуре общества; 5) культурно-ценностные ориентации; 6) психологическая компетентность.

Уточняет содержательный подход Т. И. Заславская. Она доказывает, что в современных условиях категория «человеческий потенциал» может употребляться двойственно. Во-первых, это понятие в абсолютном смысле в контексте характеризует уровень развития той или иной страны с учетом численности ее населения. Во-вторых, данная категория отражает уровень социально-исторического и цивилизационного развития общества, региона, сообщества. В таком контексте человеческий потенциал представляет социальную качественную характеристику общества. Оба системных показателя важны. «Если абсолютный человеческий по-

тенциал отражает латентную силу и влияние страны в мировом сообществе, то относительный потенциал оценивает, скорее, ее динамизм, современность, способность к ускоренному развитию. Поскольку решающее влияние на выживание и устойчивое развитие обществ и государств оказывает качественная сторона данного феномена, основное внимание ученых сосредотачивается именно на ней»¹⁸.

Для нашего исследования важно рассмотреть системные компоненты структурной оценки процесса формирования человеческого потенциала. При этом необходимо согласиться с автором, что данное комплексное явление имеет как экономические (стоимостные, инвестиционные, ценовые), так и социально-экономические (уровень, структуру занятости, квалификацию, профессионализм, востребованность трудовых ресурсов населения), социально-демографические (возрастно-половую структуру населения, среднюю продолжительность ожидаемой жизни, рождаемость и смертность, качество национального генофонда), социокультурные (уровень образования населения и особенности национального менталитета), деятельностные (уровень деятельных способностей социума) оценочные показатели развития.

Обобщая представленные выше подходы, несложно заметить, что в рамках социологических парадигм человеческий потенциал неразрывно и двусторонне связан с реализацией социальной деятельности акторов. С одной стороны, социальная деятельность лежит в основе формирования потенциальных способностей человека, с другой – является формой социальной реализации и накопления человеческого потенциала в процессе жизнедеятельности индивидов.

В социологическом контексте человеческий потенциал рассматривается как факторная система жизнеспособности общества, социальной общности (страны, государства, региона, муниципального образования, социальной организационной системы). Человеческий потенциал здесь интегрально характеризует уровень и динамику развития различных социальных систем. Формирование человеческого потенциала представляется как форма социального развития, которое определяет расширение возможностей человеческого выбора и прогрессивные изменения социального статуса. Одновременно расширение социальных возможностей человека означает не только рост профессиональных возможностей, но и повышение социальной ответственности людей за судьбы своей семьи, общества и человечества в целом.

Одновременно необходимо отметить, что в рамках социологических концепций содержание процесса формирования человеческого потенциала представляется крайне противоречиво. Существуют различные подходы и трактовки расширительного содержания процесса формирования «человеческого потенциала» как социального явления, как процесса образовательного развития, как процесса общественного развития.

Таким образом, проанализировав общетеоретические, социально-экономические, социологические концепции человеческого потенциала, не сложно заметить, что в понимании разных гуманитарных школ человеческий потенциал и его компоненты представляются несколько специфично (исходя из особенностей целей, задач, стратегий исследования). В то же время смысловое представление о сущности данного явления по многим признакам совпадает. Обобщая теоретические взгляды, можно уточнить понятие человеческого потенциала как социологической категории, характеризующей определенную совокупность населения по параметрам физических и духовных способностей к реализации субъективно осмысленной, целевым образом направленной социальной деятельности. Социальная реализация (использование) человеческого потенциала определяет процесс его социального накопления, достижения индивидуальных и общественных целей социума.

Человеческий потенциал – это универсальная социологическая категория, которая может применяться: 1) для межстрановых сравнений, определения уровня общественных трансформаций (характеристика социальной мощи страны с учетом численности ее населения); 2) оценки динамики развития социальных систем – отдельных обществ, сообществ, регионального и муниципального социума, социальных организаций и организационных социальных групп (эволюционная характеристика развития социальной системы на уровне общества, региона, муниципального образования, организации).

Общественное развитие необходимо, прежде всего, оценивать по прогрессивным изменениям в самой человеческой сущности. Общественный процесс формирования человеческого потенциала не может исследоваться вне важнейших человеческих компонентов: физического, образовательного, социального развития. Развитие общества – это не только непрерывное усложнение социальной организации системы, но и формирование человека с определенным набором физических, образовательных, социальных потенциальных возможностей (т. е. становление определенного уровня человеческого потенциала социума). Компоненты общественного развития необходимо рассматривать как звенья единой цепи, характеризующие весь процесс развития человеческого потенциала в рамках единой схемы с использованием общей терминологии.

В новых условиях необходима оценка не только общепринятых форм человеческого потенциала (физической и образовательной), но также и процессов расширения возможностей, уровня демократических преобразований в той или иной социальной системе. Социальной целью общественного развития на любом уровне хозяйствования должно являться расширение демократического диапазона выбора для человека.

В условиях расширяющихся возможностей

реализация человеческого потенциала может проявляться в различных формах. Она может существенно меняться на протяжении человеческой жизнедеятельности. В то же время на каждом этапе развития социальной системы (на общественном, региональном, организационном уровнях) основополагающими должны признаваться четыре главных показателя социальной оценки человеческого потенциала: состав населения, его демографические характеристики; уровень и качество жизни; уровень здоровья человека (физический потенциал личности); образовательный и интеллектуальный потенциал человека; доступ к профессии; уровень демократических общественных отношений (возможность доступа к власти и карьерному росту).

Примечания

- 1 См.: *Giddens A. Social Theory and Modern Sociology.* Cambridge, 1987. Ch. 2. P. 37.
- 2 *Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г.* Концепция человеческого потенциала: основные положения // *Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода.* М., 1999. С. 20.
- 3 *Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 166.
- 4 *Латин Н. И.* Пути России. М., 2000. С. 22–23.
- 5 См.: *Таранов П. С.* Философия изнутри. М., 1996. Т. 1. С. 386–387.
- 6 См.: *Аристотель.* Никомахова этика // *Сочинения* : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 66.
- 7 См.: *Зомбарт В.* Современный капитализм. М., 1992. Т. 3. С. 514.
- 8 См.: *Simmel G.* The Philosophy of Money. Boston, 1978. P. 232, 497.
- 9 См.: *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 408.
- 10 См.: *Бруннер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию социума // *Thesis.* 1993. Т. 1, вып. 3. С. 55–58.
- 11 *Bowen W.* Investment in Human Capital and Economic Growth. N. Y., 1968. P. 165.
- 12 См.: *Радаев В.* Экономическая социология. М., 2000. С. 56.
- 13 См.: *Lindenberg S.* An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // *Sociological Theory.* Spring, 1985. P. 99–113.
- 14 *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2002. С. 98.
- 15 См.: *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 355.
- 16 См.: *Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г.* Концепция человеческого потенциала: основные положения // *Человек.* 1996. № 4.
- 17 *Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г.* Указ. соч. С. 20.
- 18 *Заславская Т. И.* Указ. соч. С. 166.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

А. К. Магомедов

Ульяновский государственный университет
E-mail: armagomedov@gmail.com

Данная статья исследует идеологическое содержание российского регионализма 1990-х гг. На примере конкретных регионов – Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода, Саратова – показано, как провинциальные элиты власти формулировали концептуальные рамки, в пределах которых они создавали локальные экономические и политические институты. С этой целью в работе подняты две большие проблемы: политическая элита и политическая идеология. Показано, что производство идеологий является областью политического призвания элит.

Ключевые слова: региональные элиты, локальные идеологии, постсоветская неопределённость, концептуальные рамки для регионального политического вызова, трансформация «снизу».

Political Elite and Political Ideology. Regional Elites and Regional Political Challenge to Post-Communist Russian Uncertainty

A. K. Magomedov

This paper offers an ideological outlook on Russian regionalism. The author examines the underlying ideological features of regional processes in post-Soviet Russia. He draws on four concrete regions, Tatarstan, Kalmykia republics, Nizhnii Novgorod and Saratov oblasts, to illustrate how regional politicians in each of these formulate their region's special mission and thereby create what he calls «cognitive maps of reality» of their territories.

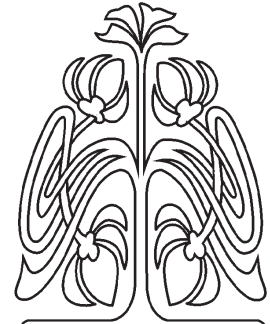
Key words: regional elites, local ideologies, post-soviet uncertainty, conceptual frameworks for regional political challenge, transformation «from below».

Существование элиты определяется не жадой власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми.

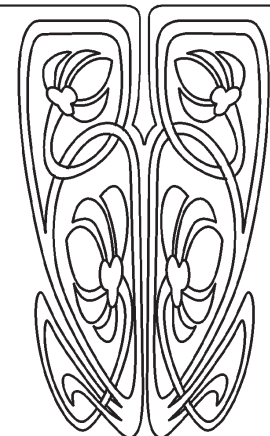
К. Мангейм

Сегодня, когда хаос смыслов разрастается в сознании россиян, когда налицо шизофреническое раздвоение национального сознания, колеблющееся между гордостью за победу в Великой Отечественной войне и стыдом за «Большой террор», весьма актуальным становится понимание того, как политические элиты создают идеологии. Для этого обратимся к тому кризису основ социального порядка, который разразился в российском обществе после крушения СССР. В этой статье исследуется то, как региональные элиты целенаправленно цементировали разваливающийся мир в пределах региональных интересов.

Важнейшей особенностью российской постсоветской истории 1990-х гг. стало то, что традиционно сильная центральная власть начала стремительно «перетекать» в нижние горизонты управления. Указанные моменты объективно проявились на фоне упадка государственных ценностей и деградации созидательной политической воли федерального центра.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Характер подобной эволюции, помимо прочего, был задан суверенизацией и самоутверждением региональных элит. Региональные лидеры приобрели значительную автономию по отношению к центру, усиливали опеку над обществом.

Регионализация рассматривается в данной работе не как следствие социально-экономических изменений, а как развивавшийся в тесной взаимосвязи с ними и обладавший особой логикой процесс возникновения новых символов, идей, образов и систем ценностей «снизу» – из провинции, и прежде всего во исполнение интересов региональных политических элит. Здесь можно говорить о формировании регионов в качестве «воображённых сообществ». **Следовательно, я изучаю переходные российские регионы как хороший пример попыток политического воссоздания «снизу» и адаптации к эпохе публичной политики.**

В данной работе исследуется не только то, как региональные политики реагируют на ключевые проблемы, но и то, как они анализируют эти проблемы. Работа акцентирует не просто на оценку региональными держателями власти тех или иных процессов, но и на раскрытие центральных стандартов их политических оценок.

1. Элита и идеология: проблема описания и авторская концепция анализа

Любое обращение к элитизму и к идеологии часто становится причиной весьма несдержанной дискуссии и высказывания весьма несдержанных оценок обеих категорий².

Политическая идеология. Долгое время существовала традиция рассматривать идеологию как нечто ненаучное, иллюзорное и в целом патологическое образование в духовной жизни общества. С отмеченных позиций многие сводили все идеологическое к выражению состояния деформации, деградаци и омертвелости сознания. Зафиксировав данный факт, пойдём дальше.

Суть предлагаемого мной подхода к изучению идеологии заключается в выявлении социальных детерминант идеологии. На мой взгляд, перспективными в этом плане являются два главных подхода: теория интересов и теория «напряжения» (the strain theory). В теории интересов идеологические заявления и решения смотрятся как инструменты в борьбе за власть и выгоду. В теории «напряжения» – на фоне усилий по корректировке социопсихологического и социокультурного неравновесия в обществе. В первом случае люди стремятся к власти и к оправданию этой власти, во втором случае они бегут от тревог и неопределённости. Для первого подхода идеология есть маска и оружие, для второго – симптом и лекарство.

Для изучения переходного общества, каким является постсоветская Россия, эвристически более ценной представляется теория «напряжения».

Теория «напряжения» исходит из факта периодически повторяющейся дезинтеграции общества, когда идеологические поиски рассматриваются как ответ на это отчаяние. Данная точка зрения рассматривает идеологии как системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, обладают особенно большим ориентационным потенциалом. В этой связи известный антрополог Клиффорд Гирц ярко и образно охарактеризовал идеологии как **«карты проблематичной социальной реальности, которые позволяют коллективное понимание и осмысление изменений и вызовов, с которыми сталкивается общество».** В качестве таковых они обеспечивают «новые когнитивные путеводители для общества и могут помочь в восстановлении порядка»³. Как карты реальности, идеологии структурируют смысл и концептуализацию политического мира. Идеологии также делают возможным выбор осознанных дилемм, вследствие чего занимают важное место в процессе принятия решений. В принципиальном плане именно идеология, являясь системой смыслов, даёт наиболее полный и развернутый ответ на общественный кризис.

Идеология обеспечивает символическо-смысловой выход для эмоциональных беспокойств, порожденных дезинтеграцией общества. Например, Татария не стала бы Татарстаном, Калмыкия – Халыг Тангчем, а Чечня – Ичкерией без производства популярных символов (на уровне этнокультурной и региональной общности), с помощью которых бросался вызов эмоциям всеобъемлющего мировоззренческого кризиса в обществе.

Политическая элита. Как и в случае с идеологией, политическая элита является одним из наиболее спорных понятий политической науки. К сожалению, в большинстве случаев элита определяется лишь по таким признакам, как близость к владению и управлению материальными ресурсами.

Суть предлагаемого мной подхода к изучению элит заключается в рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства. Одним из главных лидерских призваний правящего класса является производство смыслов. Перефразируя известного немецкого психиатра Лотара Готлиба Тирала, можно сказать, что **самым утончённым признаком элиты и одновременно воплощением всех её интеллектуальных сил является её мировоззрение.** Для меня важно понимание того, что элита любого общества – естественный генератор идей, она же – передатчик заимствованных идей, она же – главный субъект политики. Это куда более важная и трудная задача для элиты, нежели отправление властных функций или распределение ресурсов. Члены политических элит выступают в качестве наиболее активных, способных к обобщениям

индивидуумов, выполняя роль производителей и распределителей идеологии. Мысли господствующих классов являются господствующими в любую эпоху, а пути обществ столь же закономерно определяются мифами и доктринами правящих меньшинств. Особенно это важно в кризисные эпохи, когда общество оказывается в переходном состоянии. Таким образом, властвующие элиты представляют собой политические группы, способные выражать свои интересы и волю на языке идеологии.

Взгляды представителей элиты характеризуются, как правило, богатством и структурированностью. Интерпретация интересов общества и составляющих его групп – важнейший аспект политической деятельности как профессионального политика, так и государственного служащего. Поэтому элиты очень чувствительны к информации, которая обладает идеологическим оттенком.

Политические активисты всех уровней являются весьма жадными потребителями политических оценок и часто участвуют в различных политических дискуссиях. Их идеологическая виртуозность и изощренность есть следствие возрастающей тяги к политической информации и комментариям. Любая политическая группа есть подразделение, живущее актуальными идеологическими интересами и усматривающее свое существование в изучении противника. Хорошее образование, которое, как правило, имеют представители элит, усиливает их когнитивные способности к распознаванию и постановке новых проблем.

Изучение политического мировоззрения элиты: постановка адекватного инструментария. Сказанное позволяет говорить о том, что методы, используемые для исследования общественного мнения и массового политического поведения, не подходят к изучению элитной системы взглядов. Изучение последней требует от исследователя такого инструмента, который поможет раскрыть неуловимые особенности политической культуры властвующих меньшинств. А вместе с тем понять то, что стоит порой за рискованным поведением региональных властей.

Данные обстоятельства предопределили выбор методики исследования для понимания политического мировоззрения правящих групп. Из всего набора исследовательских методик в качестве главного автором было выбрано глубинное интервью в свободной форме, поскольку внеинституциональные феномены (ценностный, культурный и т. п.) требуют использования более тонких познавательных технологий. Этот метод является незаменимым инструментом для подобного анализа, поскольку обладает высокой подвижностью и чуткостью к улавливанию оттенков политического сознания правящего класса. С июня 1994 г. по октябрь 1996 г. автор, работая в российских республиках и регионах, лично взял интервью у 45 представителей калмыцкой правя-

щей верхушки, 49 ведущих политиков Татарстана, 48 и 44 членов правящей элиты Нижегородской и Саратовской областей соответственно. Среди них были: в республиках – министры, члены правительства, госсответники и советники при президентах республик, ведущие парламентарии; в областях – губернаторы, руководители подразделений исполнительной власти и депутаты областных законодательных органов.

Здесь возникает вопрос: почему были выбраны именно эти группы политиков? У автора не вызывает сомнений, что представители политико-административной власти являются единственно релевантными членами правящей группы в России. Сказанное не исключает случаев, когда тот или иной индивидуум является членом политической, интеллектуальной и экономической элит.

В связи с этим встает еще один вопрос: как мне удалось получить доступ к региональным правящим элитам? Ведь известно, что элиты защищают вход в свой мир гораздо строже, чем большинство людей защищают вход в свое жилище. В данном вопросе мне была оказана решающая поддержка со стороны тогдашнего Министерства по региональной и национальной политике РФ. В частности, бывший в то время заместителем министра генерал Александр Котенков лично ходатайствовал перед главами выбранных для исследования регионов в оказании содействия в проведении данного исследования.

Вернемся, однако, к методике. В базе данных имеется 186 интервью с представителями региональных элит. Интервью длилось в пределах 1–1,5 часов по единой схеме, которая состоит из 26 вопросов. Схема включает в себя 4 раздела: 1) личные данные респондента; 2) политические взгляды респондента; 3) проблемы региона и взаимоотношения «центр–периферия»; 4) система организации местной власти.

Все интервью были записаны на пленку с минимальным воздействием на откровенность респондентов и с несомненной пользой для последующих анализов. Собеседники имели возможность импровизировать, не обременяя себя строгими границами поставленного вопроса. Данная тактика в нашем случае даёт возможность охватить не только главные характеристики персональной политической философии каждого представителя элиты, но и малозаметные частности, которые зачастую являются критическими в понимании этой философии.

Автор отдаёт себе отчёт в том, что некоторые интервью могут отражать суждения политиков, высказанные в явно некритической манере и отражающие их риторическую стратегию. Однако когда власти говорят о своих действиях, это есть ситуация, в которой устанавливаются их повествовательные программы. Их мировоззрение можно очертить, их поведение можно изучить, а масштаб данного мировоззрения – измерить. Политический язык формирует, хочет того пользующийся

им или нет, политическую действительность, в которой он создает ориентации через политические определения «своего–чужого». Как отметил Поль Рикер, действие является преимущественно деянием говорящего человека и о действии можно говорить как о чем-то неизменно символически опосредованном. Человеческая деятельность, будучи символически опосредованной, прежде чем стать доступной внешней интерпретации, складывается из внутренних интерпретаций самого действия; в данном смысле сама интерпретация конституирует действие.

2. Кросс-региональный подход в исследовании локальной политики

Глубоко изучить процессы самоутверждения региональных элит и выдвижения ими политических идеологий во всех землях Российской Федерации не представляется возможным. Поэтому обсуждение проблемы идёт на конкретном рассмотрении процессов в наиболее показательных республиках и регионах.

Границы исследования охватывают республики и регионы Поволжья. Этот географический ареал является наиболее удачным полигоном для кросс-локального анализа политической идеологии здешних властей. Поволжье в миниатюре отражает ситуацию в России, включая в себя как аналитически исключительные, так и обычные территории. Важный вопрос касается репрезентативности выбора конкретных регионов в рамках Поволжья. **Для выполнения этой задачи важно отобрать регионы с максимально возможным числом расхождений между ними.** Это то, что в прикладной политологии называется «принципом максимального различия систем»⁴.

Прежде всего, выбраны две республики: Татарстан и Калмыкия. Их сравнение наиболее удачно отражает общую картину разделения России по принципу «Север–Юг» (промышленно развитые и богатые сырьем области Севера и Востока и бедные аграрные регионы Юга). Татарстан, безусловно, относится к первой категории, имея нефть, мощное машиностроение (КамАЗ, ЕлАЗ), авиастроение и значительный интеллектуальный потенциал. Что касается Калмыкии, то на всем протяжении советского периода она существовала как малозаселенный аграрно-сырьевой придаток.

Помимо двух республик выбраны две области: Нижегородская и Саратовская. Нижегородская область – регион, который в первой половине 1990-х гг. был местом хоть и показного, но активного рыночного реформаторства. Бывший губернатор области Борис Немцов являлся одним из известных российских политиков и откровенным фаворитом тогдашнего Кремля.

Именно Татарстан и Нижегородская область первыми бросили вызов остальной России. С этого момента деятельность татарстанской и нижего-

родской руководящих групп стала предметом политической рекламы. Однако их географическая близость контрастирует с различием приоритетов местного развития. Если Нижегородская область стала своего рода лабораторией радикальных рыночных преобразований, то руководство Татарстана выступило против «шоковой терапии».

Что касается Саратовской области, то она поначалу была выбрана в качестве обычного региона – ввиду отсутствия ярких публично-политических характеристик. В отличие от Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода эта область до апреля–сентября 1996 г. в миниатюре отражала состояние большинства российских провинций, не претендующих на свой особый путь развития. Ситуация радикально преобразилась после назначения 15 апреля 1996 г. на пост главы администрации области Дмитрия Аяцкова, а затем его победы на губернаторских выборах 1 сентября того же года.

Для выхода из затянувшейся депрессии, в которой пребывала область, новый губернатор использовал большую идею «Превратим Саратов в столицу Поволжья» и собственный пример активности. Так, в первые же дни после избрания Д. Аяцкова на заседании областной Думы был принят ряд важных законов, заметно повышающих статус Саратовской области, появились герб, флаг и правительство. Функции главы областного правительства взял на себя губернатор.

Данный выбор регионов создаёт удобную аналитическую конфигурацию для перспективного кросс-регионального исследования политической идеологии лидирующих групп российских земель. В рамках такой сравнительной выборки Поволжье предстает перед нами как центр политических, экономических, этнических и цивилизационных перекрестков. Новейшая история данных регионов как идеологических центров во многом обозначила пределы конфликтов и напряжения центральной и локальной властей и соответствующих типов политического поведения. Между этими различными примерами можно поместить множество промежуточных региональных моделей.

3. 1990-е годы – эпоха Ельцина: когда элита говорит. Региональные идеологии и природа политического вызова «снизу»

Как уже было отмечено, исторически идеологии возникают вследствие разрушения институтов власти и полной дезинтеграции ортодоксальных систем взглядов, связанных с ними. Наше понимание причин регионализма и выдвижения локальных элит в центр российской политики станет более ясным, если посмотреть на события со стороны пережитого россиянами внутреннего культурного и психологического потрясения.

Такие исторические события, как распад СССР, драма «шоковой терапии», попытки разрыва с прошлым, вызывали у людей чувство тревоги и смятения. Как выразился отечественный аналитик Юрий Бялый, перестройка и постперестройка «выжгли все мировоззренческие мотивационные регистры вместе с их идеологическими связками»⁵. Без преувеличения можно сказать, что процессы, характерные для массовой психологии россиян, были типологически близки к тем, что обычно сопутствуют резким разрушениям природы социального порядка. И надо особо отметить, что состояние коллективного стресса в обществе во многом преодолевалось спонтанным выдвижением идеологических центров на периферии.

Именно в контексте этого глубинного политико-мировоззренческого кризиса различные идеологии регионализма приобретали свое значение. Так, например, почти одновременно, начиная с 1992 г., лидеры Нижегородской, Ульяновской областей, Татарстана заявили о том, что политическая нестабильность и унифицированный гайдаровский вариант перехода к рынку должны остаться за пределами их регионов. Данным шагом правящие группы этих субъектов Федерации пытались удовлетворить возмущенную у населения потребность в социальном патронаже. Некоторые региональные лидеры превратились в своего рода культовые фигуры для населения своих регионов. Например, посетивший Ульяновск корреспондент газеты «Уолл Стрит Джорнэл» Ади Игнатиус отметил, что глава администрации области Юрий Горячев почитаем на местном уровне едва ли меньше, чем Ленин в лучшую его пору⁶.

Исследовательница из Элисты Эльза-Баир Гучинова пишет, что в лице Кирсана Илюмжинова народ создал себе героя: умного, сильного, почти всемогущего, который сможет объединить всех калмыков и привести народ к процветанию. Во время своего первого избрания на пост президента Калмыкии он воспринимался в народе как ниспосланный Богом, как лицо, близкое мессии. Новое время потребовало своего героя, по значению эквивалентного героям калмыцкого эпического цикла «Джангар»⁷. Эти примеры показывают, что политические лидеры и властвующие группы указанных и ряда других провинций стали выразителями локальных ожиданий населения, порождая мифы коллективной судьбы на уровне обыденного сознания.

В условиях нарастающего регионализма главной задачей правящих групп становится легитимация своего статуса. Для наиболее активных и дальновидных региональных элит в России актуальной оказалась не ориентация на рыночные модели, усваиваемые через столицу, а выработка опережающей реформаторской стратегии. Их самоутверждение происходило в рамках провозглашения самостоятельной концепции правления. Одна за другой на свет появились знаменитые модели регионального развития: «нижегородская»,

«ульяновская», «татарстанская», «калмыцкая» и др. Как правило, эти усилия сопровождались эффектным и выигрышным конфликтом с гайдаровским правительством, которое на местах наделялось отрицательным имиджем⁸.

Идеологическое обоснование такого вызова со стороны локальных элит заключалось в выдвижении заявлений, что именно их путь есть исторически осмысленное поведение в интересах населения своих провинций. Так, госсотрудник Президента Татарстана Р. Хакимов заявил: «Почему следует российские реформы брать за эталон? Мне, например, они больше напоминают хаос. Разве не имеет право Татарстан идти своим путем к реформам, отвечающим интересам его населения? Или в мире существует только один путь – предложенный Москвой?»⁹. Этот и другие примеры свидетельствуют, что представления региональных лидеров о своей миссии требовали внутренней культурной реформации и демонстративного отказа от проповедуемых центром приоритетов. В данной ситуации различные региональные мировоззрения, программы и лозунги в значительной степени представляют собой компенсаторные реакции кризисного сознания, дополняющиеся кое-где экзотическими срывами¹⁰. Выход из этого кризиса обеспечивает эмансипация региональных элит и появление идеологических центров на периферии.

Онтологические основания и доктринальность – ключевые параметры политической идеологии. Идеологический вызов региональных элит ведет к заметному расширению мотивационного горизонта и структуры политических целей. Типичный пример – следующее заявление из Казани: «Татарстан без национальной идеи, национальной цели, в конечном счете, будет восприниматься внешним миром как сепаратистски настроенная административно-территориальная единица, как часть целого, т. е. России. Татарстан, воодушевленный национальной идеей, объединенный национальной целью, несмотря на все внешние и внутренние препятствия на пути к этой цели заявляет о себе мировому сообществу как исторически обусловленное и юридически законное государственное целое».

Идеология как совокупность форм мышления и ценностных представлений весьма аналитична. Значительный его массив представлен онтологическим пластом, утопающим в сознательно-логическом основании. **Идеология выступает как концептуально «оснащённая» система взглядов.** Поэтому особенно важен масштаб политической, социально-экономической или какой-нибудь другой теории, из которой респонденты выводят свои действия.

Вот рассуждения тогдашнего губернатора Нижегородской области Б. Немцова из его интервью в июне 1995 г., где, помимо убедительного доктринального послания, присутствуют политическая ревность и моменты сравнительного анализа. Он

сказал следующее по поводу «нижегородской модели» перехода к рынку: «Самое главное, что мной движет, – это общеполитическое понимание дела, которое основано на стратегии индивидуальной свободы для личности. Сегодня в Нижнем Новгороде десятки тысяч людей самостоятельно принимают решения, кто-то разоряется, кто-то выигрывает, но они идут вперед. Идеология доверия, идеология свободы – вот что для меня важно. Вот много пишут о Нижегородской и Ульяновской моделях развития, сравнивают их. Если взять в целом, самое главное отличие между нами в том, что они строят коммунизм, а мы – нет. Возьмем, к примеру, нашу земельную реформу. Это, вообще-то, капитализм. Но это не значит, что мы собираемся разваливать традиционную форму в одночасье. Например, разделить на кусочки землю. В смысле рынка, частной собственности, экономической свободы, отсутствия административного нажима это, конечно, капитализм. А в смысле традиционного уклада жизни, работы, сохранения сельского сообщества – в данном значении это российский самобытный тип капитализма. У нас здесь осуществляется уникальная модель. Я сейчас вам скажу, почему меня интересует тема сравнения Нижнего Новгорода и Ульяновска. Россия находится на переломном этапе своего развития. Драматизм ситуации состоит в том, что никто не может ответить, какой путь для страны наиболее приемлем, наименее кровав и безболезнен. Лучшей иллюстрацией этой неизвестности является пара регионов: Нижний Новгород и Ульяновск, которые движутся в противоположных направлениях. Ответ на вопрос: Нижний или Ульяновск? – это ответ на вопрос о пути России. Губернатор Ульяновской области Юрий Горячев¹¹ – это цельная личность и честный человек. Но в системе созданных им ограничений, которая существует наряду со свободным рынком, где государственная собственность сосуществует со сферой частного интереса, такая система предназначена для административного произвола. Это мировоззренческая разница между мной и Горячевым – фундаментальная. Из данных обстоятельств и следует моя поведенческая особенность».

Данные рассуждения можно определить как наиболее глубокий и завершенный тип идеологической позиции. В приведенном отрывке даже главный вопрос прогресса России ставился в контексте наступательно трактуемой дилеммы о том, куда смещается центр развития общества, и какой исторический субъект его воплощает. Подобный онтологический подход служит наиболее выраженной идеологической санкцией правоты собственных действий.

Дальнейшие примеры только подтверждают тесную взаимосвязь дедуктивного мышления с идеологией. Вот логика одного из депутатов Госсовета Татарстана: «В моем представлении в основе татарстанской идеологии лежат тысячелетние философские ценности. Эти ценности можно объ-

единить в несколько аспектов, главные из которых три: общетюркский, исламский и национальный аспекты. Они отражают историческую судьбу нашего народа. Общетюркский аспект показывает татар как часть тюркской цивилизации, уходящей корнями в глубину веков. Исламский аспект отражает многовековой духовный опыт народа как осколка исламской цивилизации. Осколка потому, что в XIX в. у нас произошло реформирование ислама под названием “джадидизм”. В итоге он стал отличаться от традиционной мусульманской религии, и его с полным правом можно назвать “евроисламом”. И, наконец, сам национальный аспект представляет татар как самобытную общность среди других народов. Объединение всех этих аспектов способствует формированию татарстанской государственности в условиях новой федерации, а также формированию татарстанского этноса в нацию, т. е. в этнос, осознавший себя полноправным субъектом исторического процесса. Такое осознание одновременно есть осознание политической цели – завоевание национальной независимости».

Примеров можно привести еще множество, но напоследок зафиксирую рассуждения ещё одного татарстанского политика о «глобальном федерализме как философии взаимной ответственности за мир на Земле»: «Международное сообщество пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов. Лидеры великих держав полагают, что именно они определяют порядок, но их самонадеянность разбивается о волю народов к свободе и самоопределению... Этот подход выдвигает ценности, стоящие над интересами национальных государств и носящие планетарный характер. Тем самым принцип равноправия народов переходит из плоскости декларации в практическую плоскость».

Подобные рассуждения можно назвать «мировоззренческими». Мировоззренческий стиль имеет сильную тенденцию к всестороннему и полному выражению политических ценностей, которые выводятся из более общего набора главных принципов.

Весьма важным аспектом проводимых региональными элитами историко-культурных реконструкций является обоснование особого статуса той или иной формы региональной власти в продолжающемся споре о правах республик и областей. Эти реконструкции подчеркивают актуальное значение данной проблемы для правящих элит национальных республик. Вот мнение заместителя председателя Народного Хурала Калмыкии: «Самый больной вопрос для федеральных органов власти в том, что они никак не могут определиться с тем, что такое Российская Федерация. Мы говорим: Россия плюс республики есть федеративное государство. А сама Россия – это края и области. Из этого и надо исходить – Россию составляют края и области, а

Российскую Федерацию составляют республики, входящие в состав Матушки-России. Поэтому республика, какая бы она ни была, всегда выше по своему политическому статусу и положению, чем края и области. И равны они по отношению к федеральной власти, а не между собой». В этой связи примечательна также позиция депутата Госсовета Татарстана, председателя Всемирного конгресса татар: «Давайте рассмотрим разницу между правами Татарстана и, скажем, Свердловской области. Даже будучи формально равноправными, у них различные источники этих прав. Права Татарстана – это собственный суверенитет, источник прав – народ. А права Свердловской области это спущенные права из Центра, чтобы и Москве было хорошо, и области. Разницу почему я так сильно детализирую? Ведь как получается с правами областей: кто дал, тот и отнял. Были сегодня права у области, завтра – их нет, Ельцин отнял. С республиками так не поступишь, это не просто административные единицы, это ячейки культуры и традиций. За республикой стоит народ, он – источник статуса. Если нашему народу дать возможность свободно работать, то мы будем процветать. Возьмём историю – Булгарское царство, Казанское ханство – они процветали». Два последних суждения из интервью калмыцких и татарстанских политиков показывают, что их авторы представляют как непримиримые парадигмальные оппоненты проекту «губернизации» России. Именно в отношении федеративного устройства и прав ее субъектов проходил главный водораздел между подходами республиканских и областных элит власти в 1990-е годы. Калмыцкие и татарстанские политики обосновывали свой статус тем, что считали республики «отечествами» своих этнических групп.

Восприятие республик как «отечеств» своих этнических групп лишней раз доказывает, что национальные элиты выражают региональную идеологию прежде всего как культурную систему. Эта система не имеет ничего общего с идеологиями типа либерализма или социализма, с ориентациями «право–лево–центр». Исторически осознаваемая традиция более восприимчива к догматам самооценки и созданию аутентичных своей культуре теорий. И, напротив, там, где традиция воспринималась не так остро, либо она воспринималась прежде всего как общероссийская («единая и неделимая Россия»), а не как локальная национально-культурная основа, принципы регионализма проявлялись не так сильно.

Вопреки ожиданиям, довольно трудно просматриваются идеологические основы политики у нижегородской власти. Как было показано, Б. Немцов сам размышляет очень последовательно и дедуктивно. К этому надо добавить то, что возглавляемые командой Немцова реформаторские начинания (приватизация сферы торговли и грузового транспорта, подчеркнутая открытость с иностранцами, формирование регионального

земельного рынка, капитализация пенсионного фонда и т. д.) каждый раз получали пропагандистское отражение в СМИ и тем самым вбрасывались в пространство российской публичной политики. В результате этих рекламных усилий Нижегородская область имела ярко выраженный комплекс лидерства с изрядной долей реформистского мессианства. Однако за пределами референтной группы Б. Немцова (узкого круга представителей местного, московского и зарубежного политико-финансового и эстрадного бомонда) основной массив региональной власти размышлял вяло и пассивно. В итоге получилась следующая картина: принципы и основы нижегородской политики активно декларировались лидером–губернатором Б. Немцовым, но местная властвующая группа комментировала их весьма прохладно. Идеологические позиции подавляющей части местных политиков и чиновников характеризовались анонимностью, эклектизмом и в целом были мало-выразительны.

Очевидно, именно поэтому продуктивный в агитационном плане образ Нижнего Новгорода как «рыночного флагмана» оказался плоским, лишенным глубоких эмоциональных «вторых–третьих планов» и не оказывающим заметного влияния на местное общественное мнение. Это было отмечено и в сенсационном выводе И. Клямкина. Вывод гласил, что общий ресурс поддержки нижегородцами здешней приватизации торговли и сферы услуг довольно низок, а оценка – ниже среднероссийской¹².

Из всего приведенного мной сравнительного анализа вытекает весьма важный вывод. Калмыцкие и татарстанские политики гораздо более идеологичны, чем нижегородские и саратовские. В чем тут проблема?

Проблема заключается в наличии у татарстанской и калмыцкой элит дедуктивно организованной, четко артикулированной и закрытой системы видения локальных интересов, то есть в более выраженных у республиканских и менее выраженных у областных лидеров идеологических механизмах, обеспечивающих процессы самоидентификации региональных сообществ. Например, для татарстанской и калмыцкой правящих элит такие идеологические конструкции, как «модель Татарстана – новая парадигма», «Евроислам», «Глобальный федерализм», «Татарстанцы – нация», «Корпорация Калмыкия», «экономико-правовой оазис» и т. п. стали собственными политическими декларациями. Мотивационные и нормообразующие потенциалы данных идеологем были призваны преодолеть состояние идеологической разобщенности внутри своих сообществ. Эти модели к тому же оснащены санкцией наследников предыдущих цивилизаций (монголо-ойратская культура, культура народов Прикамья, Булгарское царство, Калмыцкое ханство и т. д.).

Любопытно на таком фоне рассмотреть идеологию политических элит русских регионов–Ни-

жегородской и Саратовской областей. Большая часть областных политиков в Нижнем Новгороде и Саратове назвала идею «возрождения России как великой державы» единственной идеей, которая могла бы объединить российское общество. Эти же люди высказывают точку зрения, что «экономика России должна быть единым организмом» и что «все разговоры о самостоятельности регионов подрывают единое экономическое пространство России».

В то же время данная установка неплохо сочетается у них с приверженностью к абстрактным принципам «демократии», «правового государства», «рыночного благополучия» и т. д. Однако большинство из региональных политиков (включая республиканских) отметили, что господство либерально-демократических принципов в их гайдаровском варианте несовместимо с реализацией идеи «возрождения России как великой державы». Господство такого либерализма, по мнению этого большинства, ведет страну к государственному распаду, фрагментации и колонизации всего российского пространства.

Все это говорит о внутренней запутанности и противоречивости политического мировоззрения подавляющего большинства представителей областных элит власти¹³. В целом их оценки социально-политической ситуации характеризуются неопределенностью, незавершенностью и пессимистическими ожиданиями¹⁴. Элиты русских областей призывают возродить Россию. Но термин «возрождение» носит весьма неясный характер. Призыв к возрождению России, ее «единству и

неделимости» преимущественно отражает эмоциональное недовольство текущей российской политикой. Это недовольство порождает идеологемы общероссийского предназначения. Например, лозунги типа «Нижний Новгород – столица реформ», «Нижний Новгород – карман “России”», «русский Детройт», «Саратов – столица Поволжья» отражают общероссийский размах и претензии.

Элиты областей, как правило, выступают с позиции абстрактных общегосударственных, общероссийских приоритетов. Их ценности мало соответствуют тем идеям и нормам, в рамках которых татарстанские и калмыцкие лидеры осуществляют политику своих «естественных путей» и своих «региональных интересов».

Однако здесь необходимо сделать важное замечание. Полученный результат не является попыткой противопоставления национальных республик русским областям. При иной региональной выборке (иной географической конфигурации) мы могли бы иметь совсем другой результат. В нашем случае Татарстан и Калмыкия – это республики, которые в идеологическом плане являются одними из наиболее «предельных», а потому наиболее показательных. Наряду с ними существуют республики, чья депрессивность и заброшенность во многом являются следствием примитивно-рваческого правления местных властвующих групп.

Региональные идеологемы образуют поле сильной локальной идеи, откуда произрастают символические конструкции регионализма (таблица).

Характер и направления идеологических конструкций регионализма

Регион	Концепции (идеологемы)	Направления – Обращения
Татарстан	«Модель Татарстана–новая парадигма» «Татарстанцы – нация» «Евроислам» «Глобальный федерализм» «Татарская диаспора» «Мягкое вхождение в рынок»	Обращение к населению Татарстана Апелляция к мировому сообществу и международным организациям Апелляция к Москве Обращение к исламскому миру Обращение к татарской диаспоре Обращение к соседним народам (идея Волго-Уральского содружества тюркских и финно-угорских народов) и странам СНГ.
Калмыкия	«Корпорация “Калмыкия”» «Экономико-правовой оазис» «Монголо-ойратская цивилизация»	Обращение к населению Калмыкии Апелляция к мировому сообществу Апелляция к Москве Обращение к буддистской традиции и философии Востока Обращение в будущее
Нижний Новгород	«Частная собственность» «Свобода» «Нижний Новгород – русский Детройт» «Нижний Новгород – карман России» «Нижний Новгород – столица реформ»	Апелляция к Москве; Апелляция к республикам Российской Федерации.
Саратов	1993–1996 гг.: «Демократия – правовое государство» «Единая и неделимая Россия» после 1996г.: «Саратов – столица Поволжья».	Апелляция различных ветвей власти и политических группировок региона друг к другу Апелляция к Москве Апелляция к Москве; Апелляция к другим регионам России

Здесь необходимо сделать ещё одно замечание, которое определяет действительный вес каждой идеологемы в политической жизни региона. В реальной ситуации ни одна из региональных конструкций в отдельности не может выступать в качестве всеобъемлющей характеристики регионального развития. Будучи вариантом истолкования региональной идентичности, каждая из них является «**ракурсом интерпретации**»¹⁵ локальной модели развития. Так, «глобальный федерализм», «евроислам» служат ракурсами интерпретации «модели Татарстана»; «экономико-правовой оазис» – в качестве ракурса интерпретации «корпорация “Калмыкия”» и т. д. Все ракурсы интерпретации должны быть учтены, но ни один из них не является полным и единственно возможным. Очевидна заведомая относительность правоты каждого. Ни один из них не может быть охарактеризован как путь того или иного региона. Вопрос о «пути» будет решаться на пересечении этих ракурсов. Последние вскрывают региональную специфику в переходном обществе, претензии и интересы правящих групп, а также культурные ресурсы, привлекаемые каждой из них. Лишь совокупное их действие образует региональную идеологическую и политическую целостность.

При всей разности культурного содержания изложенных региональных идеологем их объединяет устойчивое антимосковское начало. Всё это говорит о том, что «новая» Россия для некоторых региональных элит выступает как дефектный политический субъект. Субъект, у которого нет реально проводимого устойчивого стратегического курса, нет единой государственной линии национальных интересов. Такой взгляд региональных элит ведет к активизации действий в направлении к собственному политическому самоутверждению, а также к расширению сферы этого самоутверждения. Следовательно, постсоветская модернизация своих регионов мыслилась их идеологами вне и поверх разрабатываемых Москвой идеологических конструкций «новой России». Примечателен в этом отношении пример из идеологической практики казанских политиков: противопоставление татарского «евроислама» российскому «евразийству». Евразийство рассматривалось в Казани в 1990-е гг. как теория, развиваемая с точки зрения сугубо русских интересов и ограничивающая геополитическую свободу Татарстана.

Нельзя не отметить ещё один важный момент. В идеологиях татарстанской и калмыцкой элит националистический синдром получил весьма ограниченное место. Это резко отличало татарстанское и калмыцкое самоопределение от идеологии и практики «чеченской революции». Данное обстоятельство создавало предпосылки для конструктивных решений, связанных с расширением пространства маневрирования за счет инноваций политики и дипломатии («Гаагская инициатива», «глобальный федерализм», «оф-

фшорная зона», «экономико-правовой оазис» и т. д.), включающей совершенствование системы договоров и союзов, институциональное закрепление новых инициатив. Реализация подобных возможностей связана в Татарстане и Калмыкии с наличием значительного массива умеренно и трезво мыслящих держателей власти, которые дистанцировались от крайних лозунгов. Характерен в этом отношении следующий пример. В то время как в Чечне, после прихода Дудаева к власти, происходило повальное вооружение населения, 17 октября 1991 г. в Казани вышел указ Президента Татарстана о запрещении создания и деятельности общественных военизированных объединений и вооруженных формирований на территории Татарской ССР¹⁶. Данный указ изначально пресёк любые возможности выхода ситуации из-под контроля.

4. 2000-е годы – эпоха Путина: молчание элит и «кремленизация» идеологических поисков

Уход Бориса Ельцина завершил революционный этап в истории пост-коммунизма и начало нового, технократического этапа. Как отметили эксперты Центра политических технологий, с началом путинской централизации политический процесс утратил зрелищность и привычную для ельцинской эпохи карнавальность. Публичная составляющая политического процесса резко сократилась, а вместе с ней уменьшилось пространство для конфликтов¹⁷. Укрепление позиций В. Путина как национального лидера сопровождалось триумфом политического моноцентризма, а вместе с ним ограничением политической автономии и подавлением региональных эгоизмов. Политический статус и влияние региональной элиты были ошутимо подорваны.

Если говорить коротко, а потому неизбежно схематично, то данный поворот в конечном счёте привёл к закреплению прагматизма и идеолофобского настроения в деятельности современной российской элиты. В политике нынешнего Кремля идеология не играет никакой роли, следствием чего является продолжающийся понятийный и ценностно-нормативный хаос в обществе. Все идеологические поиски центральной власти (от «суверенной демократии» до «Молодой Гвардии» и «Русских маршей») – это исключительно пиар-проекты, а объединяет российский правящий класс не идеология, а бизнес-интересы. Бросается в глаза и молчание олигархов, которые сменили региональных лидеров 1990-х гг. на посту основных «героев» российской политики. Крупный бизнес не участвует в полемике о политическом курсе власти и политическом будущем России. В целом отечественный правящий класс не осуществил пока внятную концептуализацию проводимой политики. Без такой концептуализации трудно реализовать эффективную модернизационную конкретику.

Заключение

Резкий рост российского регионализма – это политическая проблема, которая явилась следствием драматических изменений в советском обществе на рубеже 1980–90-х годов. В формирующемся государстве, где нет единой системы политического целеполагания, резкая смена социального порядка неизбежно влечёт за собой становление разнородных и разнотипных региональных политических систем. Невнятность базовых параметров новой российской государственности, неспособность этого государства осуществлять объединяющую функцию оказали отрицательное воздействие на процессы гражданской интеграции в обществе и открыли дорогу региональному самоутверждению.

Как было отмечено, крушение прежней легитимности политического порядка сопровождалось тяжелым культурным кризисом. Именно такие условия чрезвычайно благоприятны для формулирования новых идеологий. Обстановка идейно-волевой прострации в обществе расшатывает систему мироощущений человека, рождает неудовлетворенность и требует определенного замещения. Во время кризисов, когда экзистенциальные вопросы обостряются, значимость ценностей, веры и системы убеждений возрастает.

В условиях общероссийского идеологического коллапса многие региональные политики осуществили в своём мышлении качественный скачок, суть которого – переход к действиям в политических и геополитических категориях. Это означало, что локальные элиты и вырабатываемые ими идеологии выступали как силы развития, актуализирующие разнонаправленность векторов российского политического устройства. Следовательно, региональные правящие группы в новейшей России вполне уместно рассматривать как чётко различающиеся единицы политического анализа.

Идеология выступает как концептуально «оснащённая» система взглядов. Идеология реализуется как движение от общего («страсти по всеобщему») к частному («бессвязный инкрементализм»). Наш анализ показал, что такие идеологемы, как «глобальный федерализм», «евроислам», «корпорация “Калмыкия”» – это идеи, которые изначально содержали в себе парадокс, конструктивное напряжение мысли и воли республиканских элит, были частью смыслового пересмотра политического порядка эпохи Ельцина–Гайдара. Именно в силу такой напряжённой парадоксальности¹⁸ республиканские идеологемы играли свою роль в самоидентификации Татарстана и Калмыкии. Напротив, ни одна из «общероссийских» и «общечеловеческих» идеологем – начиная от «демократии», «свободы», «прогресса», «единой и неделимой России» и кончая «суверенной демократией», – не стали общенациональными «великими текстами». Потому

что ни один из этих лозунгов не находится в поле смыслового напряжения. Все они висят в воздухе без должной онтологической основы и потому являются пропагандистскими «нашлёпками».

Эпоха Путина–Медведева характеризуется сугубым прагматизмом и доминированием частностей над идеальной мотивацией. Это исключает конструктивное напряжение мысли и воли национального правящего класса. Ключевым стимулом для последней является спекулятивное затягивание переходного периода и уход от всякой концептуальности и смыслообразования.

Примечания

- ¹ Под регионами здесь и далее понимаются субъекты РФ. Употребляемые в работе термины «провинции», «земли», «локальные сообщества» также обозначают субъекты РФ. Точно так же используемые в статье термины «элита», «правлящий/господствующий класс», «властвующая группа» соотносятся друг с другом как синонимы.
- ² См. более подробно: *Магомедов А. К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. С. 25–45.
- ³ *Geertz C.* Ideology as a Cultural System // *Geertz C.* The Interpretation of Culture. Selected Essays. L., 1993. P. 220.
- ⁴ См.: *Мангейм Дж., Рич Р.* Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 343, 344.
- ⁵ НГ – Сценарий. 1996. № 6. 19 сентября.
- ⁶ См.: *Симбирский курьер.* 1994. 14 апреля.
- ⁷ См.: *Гучинова Э.-Б.* Власть в этнокультурном контексте // *Независимая газета.* 1994. 9 июля.
- ⁸ Даже близкая к ельцинскому окружению Нижегородская область в своё время обратилась в Конституционный суд по привлечению к ответственности кабинета Гайдара в связи с нехваткой наличных денег (Нижегородский пролог. Экономика и политика в России. Н. Новгород; М., 1992. С. 63).
- ⁹ *Хакимов Р.* Россия и Тагарстан: У исторического перекрестка // *Молодежь Татарстана.* 1995. № 11. 17–23 марта.
- ¹⁰ В идеологическом плане наиболее тяжелый случай – «чеченская революция» с ее целями и лозунгами.
- ¹¹ Юрий Горячев – бывший губернатор Ульяновской области в 1992–2000 гг. Имел репутацию «красного администратора» и был ярким противником рыночных реформ. (Примеч. автора).
- ¹² См.: *Клямкин И. М.* Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? // *Полис.* 1993. № 5. С. 65, 66.
- ¹³ Интересно сравнить данный анализ с идеологическими ориентациями региональной бизнес-элиты. Как отмечает нижегородский исследователь Н. Распопов, взгляды известных в регионе бизнесменов отражают причудливую смесь либерализма, консерватизма, социализма, национализма и т. д. (*Распопов Н. П.* Теоретические проблемы политической активности ни-

жегородского бизнеса на выборах в Госдуму (декабрь 1995 года) // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород, 1996).

¹⁴ Это подтверждается результатами масштабного эмпирического проекта ученых Института социологии РАН по изучению представителей органов власти и руководителей предприятий шести российских областей (Мозговая А. Б. Экономика и гражданское общество. М., 1996. С. 27.)

¹⁵ Данным термином я обязан В. Федотовой: *Федото-*

ва В. Г. Судьба России в зеркале методологии // *Вопр. философии.* 1995. № 12. С. 21–34.

¹⁶ Общий отдел Аппарата Президента Республики Татарстан.

¹⁷ См.: Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А. Карнавала не будет. Политические будни большой реформы // НГ – Сценарий. 2001. № 6. 10 июня. С. 2.

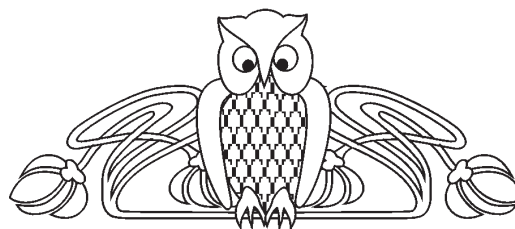
¹⁸ На этот аспект идеологического производства указал Игорь Яковенко. (Яковенко И. Интеллигенция в поисках идеи // Рубежи. 1997. № 8–9. С. 166–167).

УДК 32.01

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ

Н. И. Шестов, Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье рассматриваются аналитические возможности понятия «аналоговые формы» применительно к изучению процессов становления гражданских обществ в России и современном мире.

Ключевые слова: политические системы, гражданское общество, мировой опыт демократизации, формы перехода к демократии.

Civil Society and its Analogues Forms

N. I. Shestov, G. M. Barashkov

In this article analytical possibilities of the concept «analogues forms» are considered respectively the study of the formation processes of civil societies in Russia and in the modern world.

Key words: political systems, civil society, world experience of democratization, ways of society transformation into democracy

В современной политической науке существуют два наиболее заметных подхода к проблеме гражданского общества:

– во-первых, гражданское общество представляется как теоретическое понятие, не имеющее точной привязки к историческим реалиям, как государство, общество, закон. Из этого посыла следует, что возможно бесконечное множество реальных и равноправных моделей гражданского общества. Поэтому бессмысленно концентрировать внимание науки исключительно на западном опыте;

– во-вторых, гражданское общество – это ряд конкретных исторических форм, которые могут и должны быть повторены другими общностями. В данном случае западные гражданские общества условно являются эталоном, по отношению к которому создаются национальные формы гражданских обществ.

Свойства этих двух теоретических позиций таковы, что их сторонники могут до бесконеч-

ности спорить о том, какая из этих двух теоретических парадигм лучше характеризует процессы, реально протекающие в разных странах и частях света, и не прийти к обоюдоприемлемому результату. Ключевой структурной проблемой обоих подходов является исходная установка на восприятие любой формы (модели) гражданского общества как органичной, внутренне целостной, в которой есть устойчивая связь смысла, формы и функций. Установка эта имеет характер в полном смысле религиозного верования, порожденного трехсотлетней историей наблюдений европейцев за успехами их собственных либеральных политических и экономических систем и самоуверенности их в том, что принесенные европейцами в жертву буржуазному развитию культурные, материальные и человеческие ресурсы не пропали зря. Что ежели какой народ в мире прибегает к средствам демократического развития, то он вдохновляется глубоким осознанием «истинной» сущности тех ценностей, идей и институтов, которыми начинает оперировать. Это верование, с другой стороны, поддерживалось и поддерживается готовностью политических и культурных элит обществ, еще не апробировавших буржуазный путь развития, но симпатизирующих материальному благополучию «западной» цивилизации, использовать идеи и ценности либерализма для убеждения собственных граждан в необходимости отдать максимум общественных ресурсов в руки своих национальных либерал-реформаторов.

Это верование, достаточно далекое от свойств самой современной «западной» либеральной теории, которая вынуждена списывать на издержки современной и прежних модернизаций тот факт, что даже в успешно развивающихся либеральных системах (североамериканской, западноевропейской) внутренней органичности

жегородского бизнеса на выборах в Госдуму (декабрь 1995 года) // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород, 1996).

¹⁴ Это подтверждается результатами масштабного эмпирического проекта ученых Института социологии РАН по изучению представителей органов власти и руководителей предприятий шести российских областей (Мозговая А. Б. Экономика и гражданское общество. М., 1996. С. 27.)

¹⁵ Данным термином я обязан В. Федотовой: *Федото-*

ва В. Г. Судьба России в зеркале методологии // *Вопр. философии.* 1995. № 12. С. 21–34.

¹⁶ Общий отдел Аппарата Президента Республики Татарстан.

¹⁷ См.: Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А. Карнавала не будет. Политические будни большой реформы // НГ – Сценарий. 2001. № 6. 10 июня. С. 2.

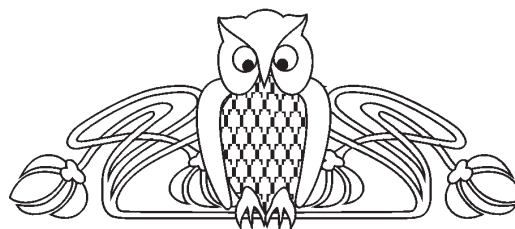
¹⁸ На этот аспект идеологического производства указал Игорь Яковенко. (Яковенко И. Интеллигенция в поисках идеи // Рубежи. 1997. № 8–9. С. 166–167).

УДК 32.01

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ

Н. И. Шестов, Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье рассматриваются аналитические возможности понятия «аналоговые формы» применительно к изучению процессов становления гражданских обществ в России и современном мире.

Ключевые слова: политические системы, гражданское общество, мировой опыт демократизации, формы перехода к демократии.

Civil Society and its Analogues Forms

N. I. Shestov, G. M. Barashkov

In this article analytical possibilities of the concept «analogues forms» are considered respectively the study of the formation processes of civil societies in Russia and in the modern world.

Key words: political systems, civil society, world experience of democratization, ways of society transformation into democracy

В современной политической науке существуют два наиболее заметных подхода к проблеме гражданского общества:

– во-первых, гражданское общество представляется как теоретическое понятие, не имеющее точной привязки к историческим реалиям, как государство, общество, закон. Из этого посыла следует, что возможно бесконечное множество реальных и равноправных моделей гражданского общества. Поэтому бессмысленно концентрировать внимание науки исключительно на западном опыте;

– во-вторых, гражданское общество – это ряд конкретных исторических форм, которые могут и должны быть повторены другими общностями. В данном случае западные гражданские общества условно являются эталоном, по отношению к которому создаются национальные формы гражданских обществ.

Свойства этих двух теоретических позиций таковы, что их сторонники могут до бесконеч-

ности спорить о том, какая из этих двух теоретических парадигм лучше характеризует процессы, реально протекающие в разных странах и частях света, и не прийти к обоюдоприемлемому результату. Ключевой структурной проблемой обоих подходов является исходная установка на восприятие любой формы (модели) гражданского общества как органичной, внутренне целостной, в которой есть устойчивая связь смысла, формы и функций. Установка эта имеет характер в полном смысле религиозного верования, порожденного трехсотлетней историей наблюдений европейцев за успехами их собственных либеральных политических и экономических систем и самоуверенности их в том, что принесенные европейцами в жертву буржуазному развитию культурные, материальные и человеческие ресурсы не пропали зря. Что ежели какой народ в мире прибегает к средствам демократического развития, то он вдохновляется глубоким осознанием «истинной» сущности тех ценностей, идей и институтов, которыми начинает оперировать. Это верование, с другой стороны, поддерживалось и поддерживается готовностью политических и культурных элит обществ, еще не апробировавших буржуазный путь развития, но симпатизирующих материальному благополучию «западной» цивилизации, использовать идеи и ценности либерализма для убеждения собственных граждан в необходимости отдать максимум общественных ресурсов в руки своих национальных либерал-реформаторов.

Это верование, достаточно далекое от свойств самой современной «западной» либеральной теории, которая вынуждена списывать на издержки современной и прежних модернизаций тот факт, что даже в успешно развивающихся либеральных системах (североамериканской, западноевропейской) внутренней органичности

смысла (идеологии существования системы), ее институционального дизайна и функциональности достичь удается крайне редко. Примером тому могут послужить периодически возникающие в этих системах политические, экономические и культурные кризисы. Это, собственно, и провоцирует современных политических теоретиков на постоянные разговоры о кризисе современной либеральной демократии и необходимости вернуть устоявшимся и легитимным формам демократической организации смысл, который мог бы вдохновлять современные общества на прогрессивное развитие и самоограничения ради этого развития.

Возможно, выходом из этого теоретического затруднения могло бы быть введение в оборот понятия «политический аналог», обозначающего определенное качественное состояние и динамические характеристики как отдельных институтов, так и политических процессов, в которых данные институты задействованы.

«Аналоговость» в данном случае подразумевает, что в развивающейся политической системе, участвующей в цивилизационной конкуренции с другими системами, исторический опыт и накопленные ресурсы которых она намеревается использовать в своих интересах прямо, например путем привлечения идей, технологий, инвестиций, или косвенно (создавая такие же ресурсы у себя путем, например, модернизаций и социальных мобилизаций) изначально не предусмотрено органической связи между идеологически от-refлексированным смыслом существования этой системы, формами этого существования и функциональностью основных институтов. Более того, такая органичность не является для аналоговой системы в целом, или в отдельных ее составляющих, принципиально важной и желательной. Смысл существования такой системы состоит в том, чтобы использовать формы, принципы, механизмы, наработанные в ходе исторического развития одних социально-политических систем для решения именно их, очень конкретных и специфических задач, для решения совершенно других задач, часто даже не очень конкретных.

Такой теоретический подход с позиции деления современных политических систем по принципу организации и развития на «органичные» (понятие заключено в кавычки ввиду того, что в реальности этой органичности достичь редко кому удастся, но она заложена в самой программе развития таких социально-политических систем как некоторая идеальная цель, к которой имеет смысл стремиться, и которая оправдывает весь прогресс со всеми его неизбежными издержками) и «аналоговые» (понятие также заключено в кавычки, поскольку формально никто и никогда не слышал и вряд ли услышит из уст политических элит, что они проводят политические и экономические модернизации своих систем, руководствуясь иными целями, нежели достижение их органического

состояния по всем позициям) дает возможность определенным образом структурировать политическую картину современного мира и объяснить некоторые важные парадоксы.

В частности, парадокс мирового «триумфального шествия» либеральной демократии в современном мире, который не просто становится все более внутренне конфликтным, но и (в этом и заключена внешняя парадоксальность ситуации) активно использует институты, ценности, принципы либеральной демократии, которые выработывались некогда самыми светлыми умами европейской и североамериканской науки как инструмент предотвращения войн, этнических, религиозных и правовых раздоров, как инструмент прогресса, реализуемого ради блага людей, в качестве инструмента эскалации конфликтов. Даже, что выглядит совершенным абсурдом, для эскалации конфликтов в родоплеменных структурах, что особенно заметно на примере современных политических конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке, но элементы чего можно обнаружить и в политической жизни развитых «западных» стран. Эти страны сегодня сталкиваются с очевидной необходимостью модифицировать свои инструменты либерально-демократического управления таким образом, чтобы они обеспечивали не столько максимально широкое распространение толерантности, гражданского согласия, духа свободы и предприимчивости, сколько оберегали бы исторические завоевания самих европейцев в области либеральной демократии от массивной интервенции со стороны тех самых социально-политических систем, которые по аналогии внешних форм и по декларируемым принципам заявляют о себе как о «тоже либерально-демократических», но которые на уровне стратегии и тактики развития не воспринимают либеральную демократию в органическом единстве цели и средств. Для них приобщение к принципам и формам западной либеральной демократии, именно в силу неорганичности этих форм и принципов их собственным историческим традициям и намерениям занять определенную выгодную нишу в будущем мироустройстве, есть процедура использования «стерильного инструмента» в проведении «внутриполостных» операций над самими собой, посредством которого если и произойдет «заражение» социально-политического организма идеями и нормами, чуждыми национальной, религиозной, экономической идентичности, то не очень сильное и вполне излечимое средствами наполнения демократических институциональных форм (именно в силу отсутствия в них связи между формой и смыслом существования) диктаторским или клановым содержанием, или средствами фундаменталистских религиозных революций. В современном мире такие революции эффективно и быстро мобилизуют массы националистически и традиционалистски настроенных людей под лозунгами борьбы за «истинную» свободу, «истинные» гражданские права, понимаемые как

права и свободы только для тех, кто составляет на данной территории этническое или религиозное большинство.

В этой связи следует заметить, что политические конфликты последнего времени, особенно в «третьем мире», в которых «аналоговые либерально-демократические» подходы к организации внутренней политики были использованы для решения задач, изначально далеких от либерально-демократического развития, а, точнее, для межплеменного и межкланового перераспределения ресурсов, ярко высветили ключевую роль институтов «гражданского общества» в функционировании либерально-демократических «аналогий».

Из всех институтов современной либеральной демократии этот институт отличается наибольшей «неуловимостью» в качестве предмета научного исследования именно в силу того, что в современной политике наиболее последовательно реализует принцип «аналогичности», предназначенности форм для решения одних задач, принципов – других, а функциональности – третьих. Институты «гражданского общества» сегодня более чем любые другие институты либеральной демократии, демонстрируют этот момент постоянной и очевидной неорганичности друг другу на уровне конкретных национальных моделей институциональных форм, идеологического смысла и функциональности. В некоторых случаях бытования в современном мире «гражданских обществ», и Россия здесь не является исключением, вполне закономерно возникает вопрос: как они вообще функционируют в качестве базового института либеральной демократии за отсутствием в стране граждан в либеральном («полноценном») значении этого термина?

Тем не менее, при отсутствии «граждан» в классически-либеральном смысле этого слова, в политическом пространстве присутствуют и политические партии, и общественные организации светского и религиозного толка, и даже правозащитные движения, по аналогии часто именуемые политической оппозицией. То есть, вроде бы, существует полноценное институциональное обеспечение функционирования гражданского общества. Но для чего нужны эти институты – этого часто не могут четко объяснить даже общественные лидеры, представляющие их, не говоря уже о том, что эти институты выполняют совсем не те функции, ради выполнения которых они в прошлом создавались в европейских и североамериканских социально-политических системах. Аналогии с «западными» нормами либерально-демократической организации просматриваются вполне очевидные, но при взгляде со стороны на эти «аналоговые» модели демократии постоянно на первый план выходят элементы разнообразия, которые в совокупности, обычно, и рождают вопрос: а демократическое развитие ли это, это попытка кого-то догнать или идти собственным путем?

Определенным образом на эту тенденцию тяготения современных социально-политических систем к созданию «аналогов» отреагировала политическая теория. Концепция демократического транзита, которая почти полтора десятилетия обеспечивала методологическую поддержку исследований проблем гражданского общества в мире, включая Россию, имела положительное свойство снимать остроту этих вопросов: все «там» будем, какой дорогой не иди и независимо от скорости движения. В конце концов, какая разница: произойдет переход к либеральной демократии от демократии советской за три года, пять лет или даже семь? Ради такой цели можно потерпеть и подождать. Когда длительность перехода стала приближаться к временным рамкам жизни целого поколения, суть и качество бытия которого обозначало понятие «транзит», то этот термин, подразумевающий конечность процесса, был заменен понятием «модернизация», не столь жестко актуализирующим вопрос о конечном пункте назначения и времени движения социально-политической системы к нему. История любой страны представляет собой в каком-то смысле череду непрерывных модернизаций разной скорости и масштаба. В этом смысле понятие «модернизация» снимает видимое противоречие между потребностью социально-политической системы идти своим путем и возможностью двигаться к либеральной демократии и как стратегической цели развития, и как тактического инструмента такого развития в сторону иных, не либеральных, в обычном смысле, ценностей. Это оптимальная идеологема, обеспечивающая привлечение большинства граждан современного общества в любой стране мира к участию в создании «аналоговых» институтов демократии, обеспечивающих народам стабильное звучание их «я» в глобализующемся мире. Это идеология существования современных гражданских обществ, оправдывающая их существование даже в формах, которые политическая теория признает ущербными. В конце концов, любое, более или менее совершенное «гражданское общество» выступает и как основа для легитимации стратегии политических элит на конструирование аналоговой демократии, и как инструмент делегитимации этой стратегии в тот момент, когда нужно будет выдвинуть в политической игре на первый план «почвенные» ценности.

Идеологема «модернизация» оптимально легитимирует создание «аналоговых» моделей либеральной демократии и придает им смысл магистрального направления развития современной политической жизни. В каком-то смысле современная глобализация в ее либерально-демократическом обличье теоретически может быть представлена в виде постоянного процесса воспроизводства различных «аналоговых» моделей демократии. С позиции этих теоретических подходов, возможно, становится понятным, почему на передних рубежах этого глобального

процесса организации «аналоговых» демократических систем сегодня находятся проблемы институционального и политико-культурного оформления гражданских обществ, как инструмента и ресурса формирования политическими элитами этих аналоговых моделей демократии. Понятней становится и причина, побуждающая даже элиты, традиционно не склонные к поощрению гражданской инициативы в политике, выступать инициаторами появления институтов гражданского общества, стимулировать их формальную, но все-таки активность. Для политических элит существование «гражданского общества» в структуре «аналоговой модели демократии» является своего рода необходимой гарантией того, что в любой момент этот уже частично отоброшенный общественный гражданский ресурс может быть направлен на изменение характера связи между формой, смыслом и функциональностью аналоговой модели в сторону либо приближения ее к образцам «органичности» внутренней организации, либо, напротив, для усиления ее внутренней неорганичности, позволяющей элитам свободней использовать институты, механизмы и принципы, созданные для решения одних задач, для решения задач других, и даже прямо противоположных тем, которые формально продекларированы.

Предлагаемый теоретический ракурс в принципе не отвергает тех подходов к объяснению специфики в развитии гражданских обществ в разных частях света, которые наработаны современной наукой. У представления, что концепции и практические модели гражданского общества исторически возникали на основе идей и опыта, укорененных в трех различных традициях (европейско-средиземноморской, континентально-европейской и англосаксонской) есть то очевидное преимущество, что оно позволяет подвести под политико-философские рассуждения о принципах и формах гражданского общества конкретную историческую фактическую основу. Такое представление дает возможность представить генезис гражданских обществ как естественно-исторический процесс, а различия в этом генезисе – как естественное следствие своеобразия цивилизационных моделей и результат исторического взаимодействия различных цивилизаций.

Этот подход позволяет четче дифференцировать сам предмет исследовательской работы, выделяя каждый раз область наиболее существенных проблем, которые определяют всю логику научного поиска.

Недостатком же, не менее очевидным, является отсутствие возможностей теоретически увязать объяснение этих ведущих тенденций социокультурного развития в прошлом, этих ключевых проблем, порожденных прежним цивилизационным опытом, со свойствами современных социально-политических процессов, разворачивающихся в русле «модернизации».

В частности, исследователь может изначально ориентироваться на то, что в странах Юга механизмы власти характеризуются сочетанием старого и нового, привнесением в систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридностью, эклектичностью, что приводит ее к неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия традиций гражданственности, экономической слаборазвитости и зависимости¹.

Исследователи отмечают, что важная черта политической культуры в странах Южной и Центральной Африки – это ее пронизанность традиционными представлениями о власти, обществе, лидерстве, которая объясняет распространенность специфических, иррациональных, с точки зрения западных политологов, политических мотиваций, присущих большинству участников политических процессов, происходящих на континенте. В отличие от стран Запада, где в политической культуре преобладает индивидуальный или индивидуально осознанный групповой интерес (политический, социальный, экономический), в африканских странах господствует общинная, клановая, племенная, этническая солидарность, базирующаяся на общих, традиционно закрепившихся, обычаях и символах. Подобная социальная психология как бы отменяет потребность в выражении индивидуалистических интересов. В Африке, как и на Западе, люди, по-видимому, также осознают свой интерес, свою выгоду, но убеждены, что достичь ее можно только усилиями общности, к которой они принадлежат. Поэтому они в первую очередь заботятся о своем коллективе, через успехи которого привыкли и надеются удовлетворять свои интересы². По мнению И. В. Следзевского, неформальные образования определяют политическое поведение своих членов, позволяя осуществлять их политическую мобилизацию и, что существенно, путем установления личностных связей за рамками общины иметь развитую систему представительства. Все важные внутренние проблемы и конфликты решаются в этих традиционных образованиях без участия официальных властей под руководством вождей путем длительных обсуждений, до тех пор, пока стороны не достигнут всеобщего согласия. Эта замечательная по своей теоретической целостности схема рассуждений не объясняет, однако, того, почему при наличии такой устойчивой традиции, пусть специфической, но все же достаточно эффективной политической самоорганизации (если критерием эффективности в политике считать устойчивость механизмов решения конкретных социальных проблем и проблем государственного управления), доминирующей тенденцией в политике является нерешаемость на протяжении десятилетий никаких проблем, включая элементарную безопасность граждан от насилия в ходе племенных конфликтов

и обеспечение их продовольствием, прекращение деятельности военных группировок. Получается, что социально-политические системы предрасположены к нормальному, пусть и специфическому, функционированию в режиме организации нормальной гражданской жизни и государственного управления, у них исторически сложилось все, что для этого нужно, но практически к такой эффективной самоорганизации они никак не переходят.

Говоря об основополагающих характеристиках стран исламского ареала Юга, современные исследователи точно так же выделяют ряд наиболее существенных свойств их политической культуры, институционального дизайна политических отношений вообще и гражданских отношений в частности. Эти страны, по устоявшемуся сегодня мнению исследователей, характеризуются тем, что исламская традиция десятки лет синтезировалась с иными, прежде всего европейскими культурными и правовыми традициями. Тенденции этого синтеза наиболее ярко представлены в странах «коренного» ислама, расположенных в Северной Африке, Ближнем и Среднем Востоке. Хотя государство в исламе рассматривается как главный инструмент при исполнении божественного закона (шариата), его конкретная форма и организация не регламентируется. Поэтому мусульмане в современном мире с большим успехом, нежели представители других социокультурных традиций, могут использовать и формы организации власти неисламского происхождения, в том числе и демократические инструменты, если они видимо не нарушают исламских норм и ценностей. Исламисты сходятся в том, что высшая власть принадлежит Богу, а право применять его законы передано общине верующих (умме). Глава общины или государства – это лишь представитель общины, которая избирает, контролирует и при необходимости низлагает его³.

Известный российский исследователь политического ислама Г. Джемаль считает, что в истории мусульманских стран ислам предстает как гражданское общество в абсолютном смысле. Община пророка Мухаммада в Медине, по его мнению, была не государством, а «самоорганизующимся, самоуправляющимся братством, над которым был только авторитет и воля Аллаха, передаваемая через его Посланника»⁴. Г. Джемаль вводит термин «самодостаточная общность», основой которой всегда, даже в модернистском социуме, выступает моральный императив. Для мусульманина такой императив, по его мнению, состоит в том, чтобы не позволять лишиться себя статуса инструмента божественного провидения, то есть не лишаться исторической ответственности, субъективности. А ведь именно в многообразии сетевой структуры неправительственных организаций реализуется гражданское общество как коллективный субъект, определяющий в конечном счете историко-цивилизационный курс.

Чего не объясняет этот устоявшийся подход, так это причин, по которым в сегодняшнем ареале «коренного ислама», где осуществлялся этот самый синтез цивилизационных традиций Запада и Востока с наибольшим успехом, сегодня оказались фактически во главе процесса исторического рванша исламского традиционализма, демонстрируют революционные подходы к обеспечению такого рванша на уровне и социальной, и государственной организации, демонстрируют нежелание следовать принципам религиозной, этнической, политической толерантности, на которых, по идее, должно быть основано не только «синтетическое» гражданское общество, а вообще любое гражданское сообщество как таковое. Получается, что «синтез» вроде бы был, и для него были предпосылки в самой структуре социально-политической и экономической организации исламских обществ, но результаты этого синтеза имеют однобоко традиционалистский характер.

При исследовании формирования гражданского общества в Японии современные специалисты обычно подчеркивают, что Япония практически никогда не знала жесткого государственного контроля над общественными институтами. Вместе с тем для традиционной Японии характерно существование многочисленных и разнообразных, причем очень жестко организованных общественных институтов, своего рода каст. В сочетании с традициями корпоративности, заимствованными японцами из китайской политической культуры, эта традиция жесткой социальной иерархичности породила и современную специфику японской общественной организации, современного гражданского общества в Японии. Поведение индивида в японском обществе сегодня, как и прежде, определяется «рациональными интересами группы», и это открыто декларируется.

Точно так же и в Китае на процесс становления гражданского общества, по мнению исследователей, существенно повлияли два фактора. Один – это патриархально-клановая структура общества, в которой роль и ценность личности определялись исключительно соображениями ее социальной полезности и местом в иерархии семейно-родственных связей, а государство представлялось в качестве суперпатронии. Согласно учению Конфуция, правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Подобный подход вводил правителя в круг обычных представлений общинников, превращая государство в обычную семью, только большую⁵.

Второй – это особый режим хозяйственной деятельности, необходимость массовых общественных работ по строительству и содержанию аграрной и транспортной инфраструктур на огромных и неравномерно заселенных территориях. Осмысление китайским обществом значимости этих факторов на ценностном уровне вело к юридической, философской и традиционно-бытовой легитимации таких норм, как безусловное

подчинение младшего старшему в семье, социальной группе, государстве, превалирование интересов организованного сообщества над интересами личности и жесткий контроль со стороны группы над любыми проявлениями индивидуальной активности, возможность продвижения индивида по социальной иерархии исключительно на основе отстаивания интересов своего социума и при его поддержке⁶.

В результате, характеризуя ситуацию в современном Китае и Японии, исследователи говорят, что, с одной стороны, в культуре, политике, экономике развиваются активные процессы в сторону сближения с ценностями западной либерально-демократической политической культуры, с другой стороны, наблюдается определенный возврат ко многим традиционным ценностям. В концептуальном основании такого рода теоретических объяснений есть очевидный недостаток – синтетичность подхода подменяется эклектикой. С одной стороны, процессы вроде бы идут в одном направлении, а с другой – они вроде бы идут в другом направлении и за неимением четкого понимания того, куда же направлен главный вектор движения социально-политической системы, исследователи с определенными оговорками и указаниями на относительность смысла, вкладываемого в такого рода определения, называют это «цивилизационным синтезом».

Применительно к характеристике политических процессов в современной Индии проблемой становится даже такой эклектический подход. В плане формальном Индия во многих отношениях воспроизводит элементы политико-правовой организации западных обществ (парламентаризм, политические свободы, юридическое равенство прав). Но на низовых и повседневных уровнях своей социополитической жизнедеятельности Индия руководствуется иными началами. Специфика ориентальной индийской демократии связана с тем, что на неформальных уровнях функциональной основой индийской политики выступает не индивид, а скорее, малая локальная общность – традиционная кастово-джатная организация. Симбиозы, антагонизмы, иерархические конфликты, сделки, союзы, системы клиентелы и покровительства, отношения между кастово-джатными группами и образуют основные параметры индийской микрополитики. Эти отношения являются стержнем социально-политических отношений в Индии – коалиционного характера политических партий и местных элит, комплектования демократии на разных уровнях власти, макроэкономических контактов. Получается, что вектор движения всей социально-политической системы вроде бы и един, но сам этот вектор состоит из множества разнонаправленных векторов, логику связи которых можно объяснить только тем, что так в индийской политической жизни было всегда.

У современных исследователей есть некая согласованная позиция и в отношении свойств

процессов гражданской самоорганизации в странах Латинской Америки. Исследователи обычно подчеркивают, что в основе латиноамериканской политической культуры лежат три составляющие – это цивилизации доколумбовской эпохи, испано-португальский католицизм и стремление к обновлению. Низовые христианские общины явились важнейшим элементом становления гражданского общества в Латинской Америке, формирования его основ на низовом уровне. Особое распространение низовые христианские общины получили в странах с диктаторскими режимами. Помимо социальной самоорганизации и помощи в условиях ухудшившегося экономического положения, они все больше брали на себя правозащитные и политические функции.

Однако католическая идея «органического государства»⁷, к которой так или иначе до сих пор восходят очень глубокие и укорененные корпоративистские тенденции, испанская колониальная традиция, органично сочетавшаяся в этом смысле с наследием индейских цивилизаций ацтеков и инков, также способствовали тому, что господство государства над обществом было закреплено в качестве осевого отношения в «генотипе» данных обществ. Эта традиция была прервана в XIX – начале XX в. почти столетним периодом слабых олигархических демократий, перемежающихся с военными диктатурами. Однако в 1930–1950-х гг. популистские режимы воплотили государственно-центричную матрицу развития в Латинской Америке в наиболее полном и законченном виде⁸. Популизм был, по сути, наиболее последовательной в Латинской Америке попыткой интегрировать общество «сверху» путем активного государственного вмешательства. В социальном плане это предполагало «включение», инкорпорирование городских трудящихся и средних слоев с помощью активной социальной и перераспределительной политики и создания «сверху» корпоративных структур, охватывающих наиболее активную часть народных масс сетью государственных и полугосударственных организаций. В политическом плане важнейшей характеристикой государственно-центричной матрицы развития в Латинской Америке стало то, что политика «вращалась» исключительно вокруг действий государства. Такое объяснение логики политических процессов в странах Латинской Америки воспроизводит порядок смены форм организации политической жизни, но отвечает на вопрос о том, почему смена происходила. Современный политический популизм, так получается, идейно продолжает традиции органической государственности, на краткое время прерванные эпохой диктатур. Но этого не может быть в принципе, если исходить из свойств самой «органической» теории генезиса государственного порядка, исключая любые моменты стихийной общественной инициативы в политической жизни, то есть то, на чем основывается популизм. Логичнее это представить не как

развитие одной базовой традиции, а как череду попыток в определенных политических ситуациях возвести конкретные способы решения частных политических проблем в ранг базовой традиции и принудить общество (отсюда и устойчивая сила государственных институтов при всех изменениях режимных характеристик государственной власти) вопреки многообразию и сложности собственного исторического опыта относиться к ним именно как к вековой традиции, отменить которую, впрочем, можно, если установить на месте одной военной диктатуры другую.

Все эти концептуальные характеристики особенностей социально-политических процессов в разных частях современного мира отмечены одним свойством. В их основе лежит восприятие социально-политических систем вообще и гражданских обществ, в частности, как систем, которые имели свое славное историческое прошлое, имеют свое настоящее, в котором как в зеркале отражается их историческая цивилизационная специфика, но в их современном существовании не заложено проекта будущего. Все сочетания разнообразных тенденций, так получается, жестко детерминированы свойствами прошлого опыта этих систем, а расчеты на будущее, на занятие достойного места в глобализующемся мире как бы вообще не играют в образовании таких связей существенной роли.

Фактор будущего, однако, присутствует в исторической программе развития любой социально-политической системы и любого индивида. Теоретический ракурс изучения современных социально-политических систем, в первую очередь гражданских обществ, с позиции представления о них как исторически тиражируемых аналогах однажды найденных решений, но тиражируемых не с целью простого копирования, а ради решения иных, не предусмотренных исходным вариантом решения, задач общественного и государственного управления. Этот подход позволяет понять диалектику связи движения современного мира к торжеству организационных принципов либеральной демократии, в ходе которого странным образом эти принципы становятся инструментом легитимации и продвижения в практическую политику самого очевидного традиционализма, инструментом подмены гражданской толерантности клановой, племенной, конфессиональной конфликтностью. Похожесть принципов и форм организации политики становится ключевым условием присутствия игроков с разными ресурсами исторического опыта и современными политическими амбициями на одной арене современной политики, не исключая, однако, того, что каждый в этой игре ожидает получить эксклюзивный результат.

Возможно, такой «аналоговый» подход к анализу генезиса и динамики институтов либеральной демократии способен ликвидировать и некоторые теоретические нестыковки в концептуализации на-

шего знания о российской политике. Современные исследователи в большинстве случаев ставят вопрос так, что нынешние тенденции в становлении и развитии институтов либеральной демократии есть в полном смысле слепок с отечественной исторической традиции. Часто пишут о том, что по характеру доминирующей роли государства Россия ближе к восточному типу обществ, но что в России эта роль в силу ряда исторических, природо-географических и геополитических причин была выражена еще более отчетливо. Государство выступало по большей части основным инициатором формирования общественных институтов, и это накладывало отпечаток на все отношения – хозяйственные, социальные, культурные, политические. Инициатива снизу ограничивалась. Общество сдавливалось налоговым прессом, из него выкачивался для государственных нужд не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. В результате слабое развитие городов, торговли, предпринимательства. Отсюда слабость правоотношений, и ригидность политической системы, лишенной обратной связи. Отсюда бедность и неустроенность быта большинства населения и консерватизм культурных ценностей.

Тип отношений власти и общества, при котором власть выступала центральным и по сути единственным источником динамики в обществе, не только не способствовал структурной дифференциации последнего, но и закреплял его аморфный характер, препятствовал его самоорганизации. Власть одновременно была и внешней скрепой по отношению к обществу, и стержнем, вокруг которого только и происходили процессы общественной кристаллизации. Общество не вырабатывало внутренних механизмов конституирования и регулирования в значительной мере потому, что государство подавляло всякие зачатки и попытки такой самоорганизации, или использовало ее в полицейских и фискальных целях, как общину в дореволюционный период, или так называемые, добровольные общества – в советский. Поэтому кризис, распад общества преодолевался в российской истории лишь в результате усилий и при решающем участии государства, которое вновь «собирало», консолидировало общество на государственной основе.

Если исходить из такой общепринятой характеристики исходных условий современного существования российского общества и государства, то необъяснимой становится необходимость и возможность для них какой-либо «модернизации», а тем более модернизации либерально-демократической. Это в любом случае будет модернизация, основанная на проекте, в котором системообразующим началом будет прошлое, дополнительным основанием – настоящее, а будущее не будет отрефлектировано даже на элементарном уровне. Сама история, однако, указывает на то, что каждый раз российские модернизации и государственные лидеры, их осуществлявшие,

вдохновлялись не стремлением воспроизвести незыблемость исторической традиции, а решить задачи будущего развития социально-политических систем, которые в рамках традиции не решались, но и иного исходного материала, кроме традиций или заимствований чужого опыта не было. Из этих двух составляющих и конструировались те самые «западнические» аналоговые варианты российских политических институтов, политико-культурных ценностей, правовых норм гражданского общежития, в которых отечественные исследователи ищут внутренней органичности форм, смысла и функций, такой органичности не находят и говорят об отсутствии во всех этих структурных комбинациях конструктивного смысла. У политических «аналогов», вероятно, все же есть свой внутренний смысл и собственная цивилизационная предназначенность.

УДК 321

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

С. В. Володенков

Московский государственный университет
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

В данной статье рассматриваются вызовы и угрозы, связанные с развитием современных информационных и коммуникационных технологий в сети Интернет, анализируются угрозы, связанные с новыми возможностями манипулирования общественным мнением в рамках современного политического управления, а также вопросы информационной безопасности современных государств, в том числе кибербезопасности. В работе приводятся реальные примеры информационного влияния в киберпространстве, а также рассматриваются конкретные примеры применения киберботов для осуществления информационного воздействия на общественное сознание.

Ключевые слова: киберпространство, новые формы политической коммуникации, общественное сознание, симулякры, информационная безопасность, манипуляция, политическое управление

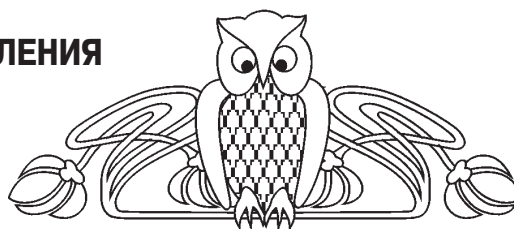
New Forms of Political Governance in Cyberspace of the XXI Century: Challenges and Threats

S. V. Volodenkov

This paper discusses the challenges and threats associated with the development of modern information and communication technologies on the Internet. The author analyzes the threats associated with new opportunities to manipulate public opinion in the modern political governance, as well as questions of security of modern states, including – cybersecurity. The paper presents actual examples of informational influence in cyberspace, and examines specific examples of using cyberbots for informational impact on the public consciousness.

Примечания

- 1 См.: *Ирхин В. В., Слизовский Д. Е.* Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995. С. 4, 14.
- 2 См.: Африка: проблемы становления гражданского общества / отв. ред. Ю. В. Потемкин. М., 2009. С. 106.
- 3 См.: *Комар Ю. И.* Ислам, демократия и гражданское общество // *Афро-азиатский мир: Проблемы цивилизационного анализа.* М., 2010. Вып. 2. Региональные цивилизации. С. 96.
- 4 *Джемаль Г.* URL: <http://www.kontrudar.ru> (дата обращения: 20.02.2011).
- 5 См.: *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 228.
- 6 См.: Политическая культура. Теории и национальные модели. М., 1994. С. 291–292.
- 7 См.: *Ворожейкина Т. Е.* Государство и общество в России и Латинской Америке // *ОНС.* 2001. № 6. С. 8.
- 8 Там же. С. 9.

Key words: cyberspace, the new forms of political communication, public awareness, simulacra, information security, manipulation, political governance.

Существующее сегодня огромное разнообразие форм и каналов современной коммуникации в киберпространстве предъявляет определенные требования и к современному политическому управлению, которое невозможно без организации адекватных целевым аудиториям, активно использующим в процессе получения информации разнообразные онлайн ресурсы и технологии, политических коммуникаций.

С позиций политического управления современные онлайн-коммуникации могут быть рассмотрены в качестве важнейшего инструмента работы с целевыми аудиториями в связи с тем, что имеющиеся на сегодняшний день технологические возможности в области передачи, обмена, массового распространения информации позволяют выстраивать совершенно новые механизмы коммуницирования власти с обществом, в широких пределах влиять на общественное сознание посредством применения имеющихся прогрессивных коммуникационных технологий, осуществлять комплексное управление информационным пространством, формируя отношение общества к различным субъектам политики.

Принимая же во внимание закон необходимого разнообразия Уильяма Росса Эшби, согласно которому разнообразие субъекта управления должно быть равным или превышать разноо-

жегородского бизнеса на выборах в Госдуму (декабрь 1995 года) // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород, 1996).

¹⁴ Это подтверждается результатами масштабного эмпирического проекта ученых Института социологии РАН по изучению представителей органов власти и руководителей предприятий шести российских областей (Мозговая А. Б. Экономика и гражданское общество. М., 1996. С. 27.)

¹⁵ Данным термином я обязан В. Федотовой: *Федото-*

ва В. Г. Судьба России в зеркале методологии // *Вопр. философии.* 1995. № 12. С. 21–34.

¹⁶ Общий отдел Аппарата Президента Республики Татарстан.

¹⁷ См.: Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А. Карнавала не будет. Политические будни большой реформы // НГ – Сценарий. 2001. № 6. 10 июня. С. 2.

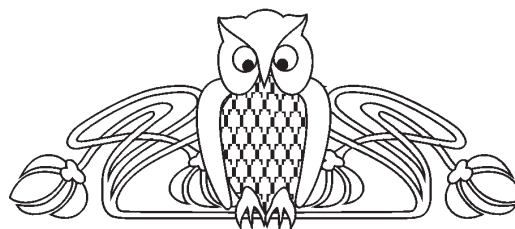
¹⁸ На этот аспект идеологического производства указал Игорь Яковенко. (Яковенко И. Интеллигенция в поисках идеи // Рубежи. 1997. № 8–9. С. 166–167).

УДК 32.01

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ

Н. И. Шестов, Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье рассматриваются аналитические возможности понятия «аналоговые формы» применительно к изучению процессов становления гражданских обществ в России и современном мире.

Ключевые слова: политические системы, гражданское общество, мировой опыт демократизации, формы перехода к демократии.

Civil Society and its Analogues Forms

N. I. Shestov, G. M. Barashkov

In this article analytical possibilities of the concept «analogues forms» are considered respectively the study of the formation processes of civil societies in Russia and in the modern world.

Key words: political systems, civil society, world experience of democratization, ways of society transformation into democracy

В современной политической науке существуют два наиболее заметных подхода к проблеме гражданского общества:

– во-первых, гражданское общество представляется как теоретическое понятие, не имеющее точной привязки к историческим реалиям, как государство, общество, закон. Из этого посыла следует, что возможно бесконечное множество реальных и равноправных моделей гражданского общества. Поэтому бессмысленно концентрировать внимание науки исключительно на западном опыте;

– во-вторых, гражданское общество – это ряд конкретных исторических форм, которые могут и должны быть повторены другими общностями. В данном случае западные гражданские общества условно являются эталоном, по отношению к которому создаются национальные формы гражданских обществ.

Свойства этих двух теоретических позиций таковы, что их сторонники могут до бесконеч-

ности спорить о том, какая из этих двух теоретических парадигм лучше характеризует процессы, реально протекающие в разных странах и частях света, и не прийти к обоюдоприемлемому результату. Ключевой структурной проблемой обоих подходов является исходная установка на восприятие любой формы (модели) гражданского общества как органичной, внутренне целостной, в которой есть устойчивая связь смысла, формы и функций. Установка эта имеет характер в полном смысле религиозного верования, порожденного трехсотлетней историей наблюдений европейцев за успехами их собственных либеральных политических и экономических систем и самоуверенности их в том, что принесенные европейцами в жертву буржуазному развитию культурные, материальные и человеческие ресурсы не пропали зря. Что ежели какой народ в мире прибегает к средствам демократического развития, то он вдохновляется глубоким осознанием «истинной» сущности тех ценностей, идей и институтов, которыми начинает оперировать. Это верование, с другой стороны, поддерживалось и поддерживается готовностью политических и культурных элит обществ, еще не апробировавших буржуазный путь развития, но симпатизирующих материальному благополучию «западной» цивилизации, использовать идеи и ценности либерализма для убеждения собственных граждан в необходимости отдать максимум общественных ресурсов в руки своих национальных либерал-реформаторов.

Это верование, достаточно далекое от свойств самой современной «западной» либеральной теории, которая вынуждена списывать на издержки современной и прежних модернизаций тот факт, что даже в успешно развивающихся либеральных системах (североамериканской, западноевропейской) внутренней органичности

смысла (идеологии существования системы), ее институционального дизайна и функциональности достичь удается крайне редко. Примером тому могут послужить периодически возникающие в этих системах политические, экономические и культурные кризисы. Это, собственно, и провоцирует современных политических теоретиков на постоянные разговоры о кризисе современной либеральной демократии и необходимости вернуть устоявшимся и легитимным формам демократической организации смысл, который мог бы вдохновлять современные общества на прогрессивное развитие и самоограничения ради этого развития.

Возможно, выходом из этого теоретического затруднения могло бы быть введение в оборот понятия «политический аналог», обозначающего определенное качественное состояние и динамические характеристики как отдельных институтов, так и политических процессов, в которых данные институты задействованы.

«Аналоговость» в данном случае подразумевает, что в развивающейся политической системе, участвующей в цивилизационной конкуренции с другими системами, исторический опыт и накопленные ресурсы которых она намеревается использовать в своих интересах прямо, например путем привлечения идей, технологий, инвестиций, или косвенно (создавая такие же ресурсы у себя путем, например, модернизаций и социальных мобилизаций) изначально не предусмотрено органической связи между идеологически от-refлексированным смыслом существования этой системы, формами этого существования и функциональностью основных институтов. Более того, такая органичность не является для аналоговой системы в целом, или в отдельных ее составляющих, принципиально важной и желательной. Смысл существования такой системы состоит в том, чтобы использовать формы, принципы, механизмы, наработанные в ходе исторического развития одних социально-политических систем для решения именно их, очень конкретных и специфических задач, для решения совершенно других задач, часто даже не очень конкретных.

Такой теоретический подход с позиции деления современных политических систем по принципу организации и развития на «органичные» (понятие заключено в кавычки ввиду того, что в реальности этой органичности достичь редко кому удастся, но она заложена в самой программе развития таких социально-политических систем как некоторая идеальная цель, к которой имеет смысл стремиться, и которая оправдывает весь прогресс со всеми его неизбежными издержками) и «аналоговые» (понятие также заключено в кавычки, поскольку формально никто и никогда не слышал и вряд ли услышит из уст политических элит, что они проводят политические и экономические модернизации своих систем, руководствуясь иными целями, нежели достижение их органического

состояния по всем позициям) дает возможность определенным образом структурировать политическую картину современного мира и объяснить некоторые важные парадоксы.

В частности, парадокс мирового «триумфального шествия» либеральной демократии в современном мире, который не просто становится все более внутренне конфликтным, но и (в этом и заключена внешняя парадоксальность ситуации) активно использует институты, ценности, принципы либеральной демократии, которые выработывались некогда самыми светлыми умами европейской и североамериканской науки как инструмент предотвращения войн, этнических, религиозных и правовых раздоров, как инструмент прогресса, реализуемого ради блага людей, в качестве инструмента эскалации конфликтов. Даже, что выглядит совершенным абсурдом, для эскалации конфликтов в родоплеменных структурах, что особенно заметно на примере современных политических конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке, но элементы чего можно обнаружить и в политической жизни развитых «западных» стран. Эти страны сегодня сталкиваются с очевидной необходимостью модифицировать свои инструменты либерально-демократического управления таким образом, чтобы они обеспечивали не столько максимально широкое распространение толерантности, гражданского согласия, духа свободы и предприимчивости, сколько оберегали бы исторические завоевания самих европейцев в области либеральной демократии от массивной интервенции со стороны тех самых социально-политических систем, которые по аналогии внешних форм и по декларируемым принципам заявляют о себе как о «тоже либерально-демократических», но которые на уровне стратегии и тактики развития не воспринимают либеральную демократию в органическом единстве цели и средств. Для них приобщение к принципам и формам западной либеральной демократии, именно в силу неорганичности этих форм и принципов их собственным историческим традициям и намерениям занять определенную выгодную нишу в будущем мироустройстве, есть процедура использования «стерильного инструмента» в проведении «внутриполостных» операций над самими собой, посредством которого если и произойдет «заражение» социально-политического организма идеями и нормами, чуждыми национальной, религиозной, экономической идентичности, то не очень сильное и вполне излечимое средствами наполнения демократических институциональных форм (именно в силу отсутствия в них связи между формой и смыслом существования) диктаторским или клановым содержанием, или средствами фундаменталистских религиозных революций. В современном мире такие революции эффективно и быстро мобилизуют массы националистически и традиционалистски настроенных людей под лозунгами борьбы за «истинную» свободу, «истинные» гражданские права, понимаемые как

права и свободы только для тех, кто составляет на данной территории этническое или религиозное большинство.

В этой связи следует заметить, что политические конфликты последнего времени, особенно в «третьем мире», в которых «аналоговые либерально-демократические» подходы к организации внутренней политики были использованы для решения задач, изначально далеких от либерально-демократического развития, а, точнее, для межплеменного и межкланового перераспределения ресурсов, ярко высветили ключевую роль институтов «гражданского общества» в функционировании либерально-демократических «аналогий».

Из всех институтов современной либеральной демократии этот институт отличается наибольшей «неуловимостью» в качестве предмета научного исследования именно в силу того, что в современной политике наиболее последовательно реализует принцип «аналогичности», предназначенности форм для решения одних задач, принципов – других, а функциональности – третьих. Институты «гражданского общества» сегодня более чем любые другие институты либеральной демократии, демонстрируют этот момент постоянной и очевидной неорганичности друг другу на уровне конкретных национальных моделей институциональных форм, идеологического смысла и функциональности. В некоторых случаях бытования в современном мире «гражданских обществ», и Россия здесь не является исключением, вполне закономерно возникает вопрос: как они вообще функционируют в качестве базового института либеральной демократии за отсутствием в стране граждан в либеральном («полноценном») значении этого термина?

Тем не менее, при отсутствии «граждан» в классически-либеральном смысле этого слова, в политическом пространстве присутствуют и политические партии, и общественные организации светского и религиозного толка, и даже правозащитные движения, по аналогии часто именуемые политической оппозицией. То есть, вроде бы, существует полноценное институциональное обеспечение функционирования гражданского общества. Но для чего нужны эти институты – этого часто не могут четко объяснить даже общественные лидеры, представляющие их, не говоря уже о том, что эти институты выполняют совсем не те функции, ради выполнения которых они в прошлом создавались в европейских и североамериканских социально-политических системах. Аналогии с «западными» нормами либерально-демократической организации просматриваются вполне очевидные, но при взгляде со стороны на эти «аналоговые» модели демократии постоянно на первый план выходят элементы разнообразия, которые в совокупности, обычно, и рожают вопрос: а демократическое развитие ли это, это попытка кого-то догнать или идти собственным путем?

Определенным образом на эту тенденцию тяготения современных социально-политических систем к созданию «аналогов» отреагировала политическая теория. Концепция демократического транзита, которая почти полтора десятилетия обеспечивала методологическую поддержку исследований проблем гражданского общества в мире, включая Россию, имела положительное свойство снимать остроту этих вопросов: все «там» будем, какой дорогой не иди и независимо от скорости движения. В конце концов, какая разница: произойдет переход к либеральной демократии от демократии советской за три года, пять лет или даже семь? Ради такой цели можно потерпеть и подождать. Когда длительность перехода стала приближаться к временным рамкам жизни целого поколения, суть и качество бытия которого обозначало понятие «транзит», то этот термин, подразумевающий конечность процесса, был заменен понятием «модернизация», не столь жестко актуализирующим вопрос о конечном пункте назначения и времени движения социально-политической системы к нему. История любой страны представляет собой в каком-то смысле череду непрерывных модернизаций разной скорости и масштаба. В этом смысле понятие «модернизация» снимает видимое противоречие между потребностью социально-политической системы идти своим путем и возможностью двигаться к либеральной демократии и как стратегической цели развития, и как тактического инструмента такого развития в сторону иных, не либеральных, в обычном смысле, ценностей. Это оптимальная идеологема, обеспечивающая привлечение большинства граждан современного общества в любой стране мира к участию в создании «аналоговых» институтов демократии, обеспечивающих народам стабильное звучание их «я» в глобализующемся мире. Это идеология существования современных гражданских обществ, оправдывающая их существование даже в формах, которые политическая теория признает ущербными. В конце концов, любое, более или менее совершенное «гражданское общество» выступает и как основа для легитимации стратегии политических элит на конструирование аналоговой демократии, и как инструмент делегитимации этой стратегии в тот момент, когда нужно будет выдвинуть в политической игре на первый план «почвенные» ценности.

Идеологема «модернизация» оптимально легитимирует создание «аналоговых» моделей либеральной демократии и придает им смысл магистрального направления развития современной политической жизни. В каком-то смысле современная глобализация в ее либерально-демократическом обличье теоретически может быть представлена в виде постоянного процесса воспроизводства различных «аналоговых» моделей демократии. С позиции этих теоретических подходов, возможно, становится понятным, почему на передних рубежах этого глобального

процесса организации «аналоговых» демократических систем сегодня находятся проблемы институционального и политико-культурного оформления гражданских обществ, как инструмента и ресурса формирования политическими элитами этих аналоговых моделей демократии. Понятней становится и причина, побуждающая даже элиты, традиционно не склонные к поощрению гражданской инициативы в политике, выступать инициаторами появления институтов гражданского общества, стимулировать их формальную, но все-таки активность. Для политических элит существование «гражданского общества» в структуре «аналоговой модели демократии» является своего рода необходимой гарантией того, что в любой момент этот уже частично отоброшенный общественный гражданский ресурс может быть направлен на изменение характера связи между формой, смыслом и функциональностью аналоговой модели в сторону либо приближения ее к образцам «органичности» внутренней организации, либо, напротив, для усиления ее внутренней неорганичности, позволяющей элитам свободней использовать институты, механизмы и принципы, созданные для решения одних задач, для решения задач других, и даже прямо противоположных тем, которые формально продекларированы.

Предлагаемый теоретический ракурс в принципе не отвергает тех подходов к объяснению специфики в развитии гражданских обществ в разных частях света, которые наработаны современной наукой. У представления, что концепции и практические модели гражданского общества исторически возникали на основе идей и опыта, укорененных в трех различных традициях (европейско-средиземноморской, континентально-европейской и англосаксонской) есть то очевидное преимущество, что оно позволяет подвести под политико-философские рассуждения о принципах и формах гражданского общества конкретную историческую фактическую основу. Такое представление дает возможность представить генезис гражданских обществ как естественно-исторический процесс, а различия в этом генезисе – как естественное следствие своеобразия цивилизационных моделей и результат исторического взаимодействия различных цивилизаций.

Этот подход позволяет четче дифференцировать сам предмет исследовательской работы, выделяя каждый раз область наиболее существенных проблем, которые определяют всю логику научного поиска.

Недостатком же, не менее очевидным, является отсутствие возможностей теоретически увязать объяснение этих ведущих тенденций социокультурного развития в прошлом, этих ключевых проблем, порожденных прежним цивилизационным опытом, со свойствами современных социально-политических процессов, разворачивающихся в русле «модернизации».

В частности, исследователь может изначально ориентироваться на то, что в странах Юга механизмы власти характеризуются сочетанием старого и нового, привнесением в систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридностью, эклектичностью, что приводит ее к неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия традиций гражданственности, экономической слаборазвитости и зависимости¹.

Исследователи отмечают, что важная черта политической культуры в странах Южной и Центральной Африки – это ее пронизанность традиционными представлениями о власти, обществе, лидерстве, которая объясняет распространенность специфических, иррациональных, с точки зрения западных политологов, политических мотиваций, присущих большинству участников политических процессов, происходящих на континенте. В отличие от стран Запада, где в политической культуре преобладает индивидуальный или индивидуально осознанный групповой интерес (политический, социальный, экономический), в африканских странах господствует общинная, клановая, племенная, этническая солидарность, базирующаяся на общих, традиционно закрепившихся, обычаях и символах. Подобная социальная психология как бы отменяет потребность в выражении индивидуалистических интересов. В Африке, как и на Западе, люди, по-видимому, также осознают свой интерес, свою выгоду, но убеждены, что достичь ее можно только усилиями общности, к которой они принадлежат. Поэтому они в первую очередь заботятся о своем коллективе, через успехи которого привыкли и надеются удовлетворять свои интересы². По мнению И. В. Следзевского, неформальные образования определяют политическое поведение своих членов, позволяя осуществлять их политическую мобилизацию и, что существенно, путем установления личностных связей за рамками общины иметь развитую систему представительства. Все важные внутренние проблемы и конфликты решаются в этих традиционных образованиях без участия официальных властей под руководством вождей путем длительных обсуждений, до тех пор, пока стороны не достигнут всеобщего согласия. Эта замечательная по своей теоретической целостности схема рассуждений не объясняет, однако, того, почему при наличии такой устойчивой традиции, пусть специфической, но все же достаточно эффективной политической самоорганизации (если критерием эффективности в политике считать устойчивость механизмов решения конкретных социальных проблем и проблем государственного управления), доминирующей тенденцией в политике является нерешаемость на протяжении десятилетий никаких проблем, включая элементарную безопасность граждан от насилия в ходе племенных конфликтов

и обеспечение их продовольствием, прекращение деятельности военных группировок. Получается, что социально-политические системы предрасположены к нормальному, пусть и специфическому, функционированию в режиме организации нормальной гражданской жизни и государственного управления, у них исторически сложилось все, что для этого нужно, но практически к такой эффективной самоорганизации они никак не переходят.

Говоря об основополагающих характеристиках стран исламского ареала Юга, современные исследователи точно так же выделяют ряд наиболее существенных свойств их политической культуры, институционального дизайна политических отношений вообще и гражданских отношений в частности. Эти страны, по устоявшемуся сегодня мнению исследователей, характеризуются тем, что исламская традиция десятки лет синтезировалась с иными, прежде всего европейскими культурными и правовыми традициями. Тенденции этого синтеза наиболее ярко представлены в странах «коренного» ислама, расположенных в Северной Африке, Ближнем и Среднем Востоке. Хотя государство в исламе рассматривается как главный инструмент при исполнении божественного закона (шариата), его конкретная форма и организация не регламентируется. Поэтому мусульмане в современном мире с большим успехом, нежели представители других социокультурных традиций, могут использовать и формы организации власти неисламского происхождения, в том числе и демократические инструменты, если они видимо не нарушают исламских норм и ценностей. Исламисты сходятся в том, что высшая власть принадлежит Богу, а право применять его законы передано общине верующих (умме). Глава общины или государства – это лишь представитель общины, которая избирает, контролирует и при необходимости низлагает его³.

Известный российский исследователь политического ислама Г. Джемаль считает, что в истории мусульманских стран ислам предстает как гражданское общество в абсолютном смысле. Община пророка Мухаммада в Медине, по его мнению, была не государством, а «самоорганизующимся, самоуправляющимся братством, над которым был только авторитет и воля Аллаха, передаваемая через его Посланника»⁴. Г. Джемаль вводит термин «самодостаточная общность», основой которой всегда, даже в модернистском социуме, выступает моральный императив. Для мусульманина такой императив, по его мнению, состоит в том, чтобы не позволять лишиться себя статуса инструмента божественного провидения, то есть не лишаться исторической ответственности, субъективности. А ведь именно в многообразии сетевой структуры неправительственных организаций реализуется гражданское общество как коллективный субъект, определяющий в конечном счете историко-цивилизационный курс.

Чего не объясняет этот устоявшийся подход, так это причин, по которым в сегодняшнем ареале «коренного ислама», где осуществлялся этот самый синтез цивилизационных традиций Запада и Востока с наибольшим успехом, сегодня оказались фактически во главе процесса исторического рванша исламского традиционализма, демонстрируют революционные подходы к обеспечению такого рванша на уровне и социальной, и государственной организации, демонстрируют нежелание следовать принципам религиозной, этнической, политической толерантности, на которых, по идее, должно быть основано не только «синтетическое» гражданское общество, а вообще любое гражданское сообщество как таковое. Получается, что «синтез» вроде бы был, и для него были предпосылки в самой структуре социально-политической и экономической организации исламских обществ, но результаты этого синтеза имеют однобоко традиционалистский характер.

При исследовании формирования гражданского общества в Японии современные специалисты обычно подчеркивают, что Япония практически никогда не знала жесткого государственного контроля над общественными институтами. Вместе с тем для традиционной Японии характерно существование многочисленных и разнообразных, причем очень жестко организованных общественных институтов, своего рода каст. В сочетании с традициями корпоративности, заимствованными японцами из китайской политической культуры, эта традиция жесткой социальной иерархичности породила и современную специфику японской общественной организации, современного гражданского общества в Японии. Поведение индивида в японском обществе сегодня, как и прежде, определяется «рациональными интересами группы», и это открыто декларируется.

Точно так же и в Китае на процесс становления гражданского общества, по мнению исследователей, существенно повлияли два фактора. Один – это патриархально-клановая структура общества, в которой роль и ценность личности определялись исключительно соображениями ее социальной полезности и местом в иерархии семейно-родственных связей, а государство представлялось в качестве суперпатронии. Согласно учению Конфуция, правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Подобный подход вводил правителя в круг обычных представлений общинников, превращая государство в обычную семью, только большую⁵.

Второй – это особый режим хозяйственной деятельности, необходимость массовых общественных работ по строительству и содержанию аграрной и транспортной инфраструктур на огромных и неравномерно заселенных территориях. Осмысление китайским обществом значимости этих факторов на ценностном уровне вело к юридической, философской и традиционно-бытовой легитимации таких норм, как безусловное

подчинение младшего старшему в семье, социальной группе, государстве, превалирование интересов организованного сообщества над интересами личности и жесткий контроль со стороны группы над любыми проявлениями индивидуальной активности, возможность продвижения индивида по социальной иерархии исключительно на основе отстаивания интересов своего социума и при его поддержке⁶.

В результате, характеризуя ситуацию в современном Китае и Японии, исследователи говорят, что, с одной стороны, в культуре, политике, экономике развиваются активные процессы в сторону сближения с ценностями западной либерально-демократической политической культуры, с другой стороны, наблюдается определенный возврат ко многим традиционным ценностям. В концептуальном основании такого рода теоретических объяснений есть очевидный недостаток – синтетичность подхода подменяется эклектикой. С одной стороны, процессы вроде бы идут в одном направлении, а с другой – они вроде бы идут в другом направлении и за неимением четкого понимания того, куда же направлен главный вектор движения социально-политической системы, исследователи с определенными оговорками и указаниями на относительность смысла, вкладываемого в такого рода определения, называют это «цивилизационным синтезом».

Применительно к характеристике политических процессов в современной Индии проблемой становится даже такой эклектический подход. В плане формальном Индия во многих отношениях воспроизводит элементы политико-правовой организации западных обществ (парламентаризм, политические свободы, юридическое равенство прав). Но на низовых и повседневных уровнях своей социополитической жизнедеятельности Индия руководствуется иными началами. Специфика ориентальной индийской демократии связана с тем, что на неформальных уровнях функциональной основой индийской политики выступает не индивид, а скорее, малая локальная общность – традиционная кастово-джатная организация. Симбиозы, антагонизмы, иерархические конфликты, сделки, союзы, системы клиентелы и покровительства, отношения между кастово-джатными группами и образуют основные параметры индийской микрополитики. Эти отношения являются стержнем социально-политических отношений в Индии – коалиционного характера политических партий и местных элит, комплектования демократии на разных уровнях власти, макроэкономических контактов. Получается, что вектор движения всей социально-политической системы вроде бы и един, но сам этот вектор состоит из множества разнонаправленных векторов, логику связи которых можно объяснить только тем, что так в индийской политической жизни было всегда.

У современных исследователей есть некая согласованная позиция и в отношении свойств

процессов гражданской самоорганизации в странах Латинской Америки. Исследователи обычно подчеркивают, что в основе латиноамериканской политической культуры лежат три составляющие – это цивилизации доколумбовской эпохи, испано-португальский католицизм и стремление к обновлению. Низовые христианские общины явились важнейшим элементом становления гражданского общества в Латинской Америке, формирования его основ на низовом уровне. Особое распространение низовые христианские общины получили в странах с диктаторскими режимами. Помимо социальной самоорганизации и помощи в условиях ухудшившегося экономического положения, они все больше брали на себя правозащитные и политические функции.

Однако католическая идея «органического государства»⁷, к которой так или иначе до сих пор восходят очень глубокие и укорененные корпоративистские тенденции, испанская колониальная традиция, органично сочетавшаяся в этом смысле с наследием индейских цивилизаций ацтеков и инков, также способствовали тому, что господство государства над обществом было закреплено в качестве осевого отношения в «генотипе» данных обществ. Эта традиция была прервана в XIX – начале XX в. почти столетним периодом слабых олигархических демократий, перемежающихся с военными диктатурами. Однако в 1930–1950-х гг. популистские режимы воплотили государственно-центричную матрицу развития в Латинской Америке в наиболее полном и законченном виде⁸. Популизм был, по сути, наиболее последовательной в Латинской Америке попыткой интегрировать общество «сверху» путем активного государственного вмешательства. В социальном плане это предполагало «включение», инкорпорирование городских трудящихся и средних слоев с помощью активной социальной и перераспределительной политики и создания «сверху» корпоративных структур, охватывающих наиболее активную часть народных масс сетью государственных и полугосударственных организаций. В политическом плане важнейшей характеристикой государственно-центричной матрицы развития в Латинской Америке стало то, что политика «вращалась» исключительно вокруг действий государства. Такое объяснение логики политических процессов в странах Латинской Америки воспроизводит порядок смены форм организации политической жизни, но отвечает на вопрос о том, почему смена происходила. Современный политический популизм, так получается, идейно продолжает традиции органической государственности, на краткое время прерванные эпохой диктатур. Но этого не может быть в принципе, если исходить из свойств самой «органической» теории генезиса государственного порядка, исключая любые моменты стихийной общественной инициативы в политической жизни, то есть то, на чем основывается популизм. Логичнее это представить не как

развитие одной базовой традиции, а как череду попыток в определенных политических ситуациях возвести конкретные способы решения частных политических проблем в ранг базовой традиции и принудить общество (отсюда и устойчивая сила государственных институтов при всех изменениях режимных характеристик государственной власти) вопреки многообразию и сложности собственного исторического опыта относиться к ним именно как к вековой традиции, отменить которую, впрочем, можно, если установить на месте одной военной диктатуры другую.

Все эти концептуальные характеристики особенностей социально-политических процессов в разных частях современного мира отмечены одним свойством. В их основе лежит восприятие социально-политических систем вообще и гражданских обществ, в частности, как систем, которые имели свое славное историческое прошлое, имеют свое настоящее, в котором как в зеркале отражается их историческая цивилизационная специфика, но в их современном существовании не заложено проекта будущего. Все сочетания разнообразных тенденций, так получается, жестко детерминированы свойствами прошлого опыта этих систем, а расчеты на будущее, на занятие достойного места в глобализующемся мире как бы вообще не играют в образовании таких связей существенной роли.

Фактор будущего, однако, присутствует в исторической программе развития любой социально-политической системы и любого индивида. Теоретический ракурс изучения современных социально-политических систем, в первую очередь гражданских обществ, с позиции представления о них как исторически тиражируемых аналогах однажды найденных решений, но тиражируемых не с целью простого копирования, а ради решения иных, не предусмотренных исходным вариантом решения, задач общественного и государственного управления. Этот подход позволяет понять диалектику связи движения современного мира к торжеству организационных принципов либеральной демократии, в ходе которого странным образом эти принципы становятся инструментом легитимации и продвижения в практическую политику самого очевидного традиционализма, инструментом подмены гражданской толерантности клановой, племенной, конфессиональной конфликтностью. Похожесть принципов и форм организации политики становится ключевым условием присутствия игроков с разными ресурсами исторического опыта и современными политическими амбициями на одной арене современной политики, не исключая, однако, того, что каждый в этой игре ожидает получить эксклюзивный результат.

Возможно, такой «аналоговый» подход к анализу генезиса и динамики институтов либеральной демократии способен ликвидировать и некоторые теоретические нестыковки в концептуализации на-

шего знания о российской политике. Современные исследователи в большинстве случаев ставят вопрос так, что нынешние тенденции в становлении и развитии институтов либеральной демократии есть в полном смысле слепок с отечественной исторической традиции. Часто пишут о том, что по характеру доминирующей роли государства Россия ближе к восточному типу обществ, но что в России эта роль в силу ряда исторических, природо-географических и геополитических причин была выражена еще более отчетливо. Государство выступало по большей части основным инициатором формирования общественных институтов, и это накладывало отпечаток на все отношения – хозяйственные, социальные, культурные, политические. Инициатива снизу ограничивалась. Общество сдавливалось налоговым прессом, из него выкачивался для государственных нужд не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. В результате слабое развитие городов, торговли, предпринимательства. Отсюда слабость правоотношений, и ригидность политической системы, лишенной обратной связи. Отсюда бедность и неустроенность быта большинства населения и консерватизм культурных ценностей.

Тип отношений власти и общества, при котором власть выступала центральным и по сути единственным источником динамики в обществе, не только не способствовал структурной дифференциации последнего, но и закреплял его аморфный характер, препятствовал его самоорганизации. Власть одновременно была и внешней скрепой по отношению к обществу, и стержнем, вокруг которого только и происходили процессы общественной кристаллизации. Общество не вырабатывало внутренних механизмов конституирования и регулирования в значительной мере потому, что государство подавляло всякие зачатки и попытки такой самоорганизации, или использовало ее в полицейских и фискальных целях, как общину в дореволюционный период, или так называемые, добровольные общества – в советский. Поэтому кризис, распад общества преодолевался в российской истории лишь в результате усилий и при решающем участии государства, которое вновь «собирало», консолидировало общество на государственной основе.

Если исходить из такой общепринятой характеристики исходных условий современного существования российского общества и государства, то необъяснимой становится необходимость и возможность для них какой-либо «модернизации», а тем более модернизации либерально-демократической. Это в любом случае будет модернизация, основанная на проекте, в котором системообразующим началом будет прошлое, дополнительным основанием – настоящее, а будущее не будет отрефлектировано даже на элементарном уровне. Сама история, однако, указывает на то, что каждый раз российские модернизации и государственные лидеры, их осуществлявшие,

вдохновлялись не стремлением воспроизвести незыблемость исторической традиции, а решить задачи будущего развития социально-политических систем, которые в рамках традиции не решались, но и иного исходного материала, кроме традиций или заимствований чужого опыта не было. Из этих двух составляющих и конструировались те самые «западнические» аналоговые варианты российских политических институтов, политико-культурных ценностей, правовых норм гражданского общежития, в которых отечественные исследователи ищут внутренней органичности форм, смысла и функций, такой органичности не находят и говорят об отсутствии во всех этих структурных комбинациях конструктивного смысла. У политических «аналогов», вероятно, все же есть свой внутренний смысл и собственная цивилизационная предназначенность.

УДК 321

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

С. В. Володенков

Московский государственный университет
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

В данной статье рассматриваются вызовы и угрозы, связанные с развитием современных информационных и коммуникационных технологий в сети Интернет, анализируются угрозы, связанные с новыми возможностями манипулирования общественным мнением в рамках современного политического управления, а также вопросы информационной безопасности современных государств, в том числе кибербезопасности. В работе приводятся реальные примеры информационного влияния в киберпространстве, а также рассматриваются конкретные примеры применения киберботов для осуществления информационного воздействия на общественное сознание.

Ключевые слова: киберпространство, новые формы политической коммуникации, общественное сознание, симулякры, информационная безопасность, манипуляция, политическое управление

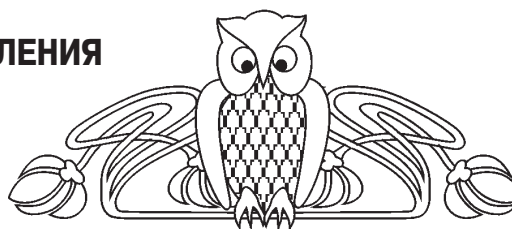
New Forms of Political Governance in Cyberspace of the XXI Century: Challenges and Threats

S. V. Volodenkov

This paper discusses the challenges and threats associated with the development of modern information and communication technologies on the Internet. The author analyzes the threats associated with new opportunities to manipulate public opinion in the modern political governance, as well as questions of security of modern states, including – cybersecurity. The paper presents actual examples of informational influence in cyberspace, and examines specific examples of using cyberbots for informational impact on the public consciousness.

Примечания

- 1 См.: *Ирхин В. В., Слизовский Д. Е.* Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995. С. 4, 14.
- 2 См.: Африка: проблемы становления гражданского общества / отв. ред. Ю. В. Потемкин. М., 2009. С. 106.
- 3 См.: *Комар Ю. И.* Ислам, демократия и гражданское общество // *Афро-азиатский мир: Проблемы цивилизационного анализа.* М., 2010. Вып. 2. Региональные цивилизации. С. 96.
- 4 *Джемаль Г.* URL: <http://www.kontrudar.ru> (дата обращения: 20.02.2011).
- 5 См.: *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 228.
- 6 См.: Политическая культура. Теории и национальные модели. М., 1994. С. 291–292.
- 7 См.: *Ворожейкина Т. Е.* Государство и общество в России и Латинской Америке // *ОНС.* 2001. № 6. С. 8.
- 8 Там же. С. 9.

Key words: cyberspace, the new forms of political communication, public awareness, simulacra, information security, manipulation, political governance.

Существующее сегодня огромное разнообразие форм и каналов современной коммуникации в киберпространстве предъявляет определенные требования и к современному политическому управлению, которое невозможно без организации адекватных целевым аудиториям, активно использующим в процессе получения информации разнообразные онлайн ресурсы и технологии, политических коммуникаций.

С позиций политического управления современные онлайн-коммуникации могут быть рассмотрены в качестве важнейшего инструмента работы с целевыми аудиториями в связи с тем, что имеющиеся на сегодняшний день технологические возможности в области передачи, обмена, массового распространения информации позволяют выстраивать совершенно новые механизмы коммуницирования власти с обществом, в широких пределах влиять на общественное сознание посредством применения имеющихся прогрессивных коммуникационных технологий, осуществлять комплексное управление информационным пространством, формируя отношение общества к различным субъектам политики.

Принимая же во внимание закон необходимого разнообразия Уильяма Росса Эшби, согласно которому разнообразие субъекта управления должно быть равным или превышать разноо-

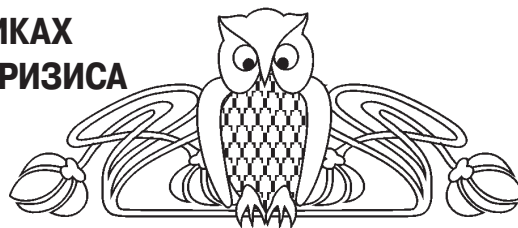

УДК 323.232

ОБРАЗНЫЙ РЯД В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ЛИДЕРОВ В ПЕРИОДЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КРИЗИСА

Ю. А. Мартынова

Саратовский государственный университет
E-mail: martynovayu@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу политического дискурса двух лидеров разных стран, осуществлявших свою деятельность в период общественно-политического кризиса. Основанием для сравнения послужило сходство использования стратегических технологий и методов достижения целей, приведших, однако, к разным результатам. Конкретным объектом анализа являлись метафоры, которым отдавалось предпочтение в дискурсе авторов.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора, политический лидер, коммуникация между лидером и гражданами.

Metaphors in Political Leaders' Discourse During Periods of Social Crisis

Yu. A. Martynova

This article is devoted to the comparative analysis of the political discourse of the two leaders from different countries, carrying on their duties in the periods of social and political crisis. The similarity of strategic technologies and methods of reaching their objectives but gaining different results served the foundation for comparison. The concrete objects of the analysis were metaphors, which the authors preferred to use in their discourse.

Key words: political discourse, metaphor, political leader, communication between leader and citizens.

Тот факт, что наибольшим значением для жизни и политического развития общества является деятельность лидеров и элит, исполняющих специализированные функции по управлению политической системой, не подлежит сомнению. В этом случае очень важными элементами их активности являются такие качества, как способность выражать интересы рядовых граждан, профессиональные управленческие качества, а также черты и свойства, позволяющие им приобрести и поддерживать авторитет, убедить общественность во мнении, что они имеют право занимать высокое место во властной иерархии.

Способность власти и ее лидеров достигнуть консенсуса (необходимого уровня согласия) с гражданским населением проявляется в организации способа общения с людьми, в способности убедить граждан принять наиболее важные программные установки властных структур и признать легитимность их политического господства. Успешно сформированные политические коммуникации помогают поддерживать стабильность в обществе. Политический дискурс вообще как и речевые произведения элит в частности является постоянным объектом анализа для социологов, по-

литологов, лингвистов и представителей смежных наук. В широком смысле под политическим дискурсом понимается корпус текстов, реализующих общение власти с народом. Тексты, порождаемые властными элитами, позволяют выявить их политические установки и позиции, воссоздать динамику когнитивных процессов, влияющих на формирование мировоззрения как самих политиков, так и тех, к кому они обращаются.

Для лидера, который стремится повести за собой нацию в трудный исторический период, либо одержать победу на выборах, представляется немаловажным четко представлять себе основные смысловые составляющие консенсуса, т. е. объекты, в первую очередь требующие гражданского согласия: «конечные цели, составляющие структуру системы представлений; «правила игры» или процедуры; конкретные правительства и правительственную политику»¹. При этом основным является ценностный уровень консенсуса и для его достижения необходимо обращаться к ценностным установкам граждан. Выбор языковых средств, направленных на осуществление поставленных коммуникативных задач, служат тематическому оформлению и кодированию речевого сообщения.

Среди наиболее часто употребляемых приемов, используемых для убеждения собеседника в своей правоте, находится метафора. Не случайно ей отводится особенно большая роль в познании мира и создании новых понятий, в категоризации действительности. Многие ученые вообще склонны рассматривать политическую коммуникацию в терминах метафоры². Основоположниками когнитивной теории метафоры являются американские исследователи Дж. Лакофф, М. Джонсон, Д. Дэвидсон³. Другой ученый, М. Осборн⁴, изучив многочисленные обращения политиков к электорату, сделал заключение о том, что в политическом дискурсе любой страны и любого исторического периода присутствуют одни и те же образы, реализуемые с помощью метафор. Это ключевые (или базовые – по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) концепты, которые выражают общечеловеческие архетипы и являются основой для понимания людьми друг друга. Использование таких метафор общественными деятелями служит инструментом политического воздействия и убеждения.

Образный ряд, присутствующий в дискурсивных практиках, в частности, метафоры, позволяет,

с точки зрения когнитивной науки, представить одну систему понятий с помощью системы, принадлежащей к другой сфере опыта, в которой описываемый элемент является более конкретным и наглядным. Уподобляя друг другу две различные области на основе некоторых общих признаков, метафора служит сильным средством аргументации, так как между говорящим и слушающим возникает некоторого рода соглашение⁵. Например, когда говорят, что расходы на оборону пробили огромную брешь в здании государственного бюджета, не имеют в виду реальное здание. Тем не менее присутствие такой образной параллели заставляет адресата быстрее принять точку зрения говорящего и следовать его ходу рассуждений и доказательств. Такое понимание метафоры выдвигает на первый план ее роль в формировании концептуальной системы человеческого мышления, что постоянно используется политиками при построении своих речей. Согласно когнитивной теории метафоры, образное осмысление действительности дает возможность отыскать различные способы разрешения затруднительной ситуации.

Проведя солидный лингвистический мониторинг российского политического дискурса, а также опираясь на работы Р. Водак⁶, Баранов и Казакевич пришли к выводу о том, что характер использования общественно-политическим деятелем тех или иных метафорических моделей указывает на способ политического мышления и в определенной степени может использоваться для прогнозирования процессов, ведущих к социальным изменениям⁷. Кроме того, ими были экспериментально проверены предположения о связи метафор с кризисным состоянием общества и с поиском решений проблем.

В настоящей работе проводится небольшой сравнительный анализ дискурса, а именно его образной, метафорической составляющей, двух политических лидеров, осуществивших свою деятельность в периоды общественного кризиса, происходившего в их странах: французского военного и политика Шарля де Голля и первого президента СССР Михаила Горбачева. Оба лидера пытались осуществить волевое начало в политике путем прямого обращения к народу для разъяснения своих позиций, однако один из них (де Голль) был услышан и осуществил большую часть своих намерений, тогда как М. С. Горбачев фактически потерпел поражение.

Генерала Шарля де Голля знают в мире как основателя и руководителя движения «Свободная Франция» во время Второй мировой войны, а затем премьер-министра и дважды президента Франции после войны. Оказавшись у власти в трудные послевоенные годы, а затем в эпоху распада колониальной империи, де Голль смог вернуть Францию в число великих держав, сохранить ее политическую и экономическую независимость, в том числе и от Соединенных Штатов Америки, превратившихся после войны

в мировую супердержаву. Дважды де Голль принимал на себя властные полномочия президента в момент социального кризиса, а затем, добившись стабильности, экономического подъема и роста международного престижа своей страны, добровольно отказывался от своей власти и уходил в отставку. Созданная им политическая система, закрепленная в конституции Пятой республики, по законам которой Франция живет по сей день, является одной из самых стабильных демократий Европы, а партия «Объединение в поддержку республики», партия голлистов, несмотря на некоторую реорганизацию и переименование, до сих пор остается влиятельной силой во Франции.

В качестве основного материала для исследования дискурса Ш. де Голля возьмем его программную книгу «На острие шпаги»⁸.

Книга де Голля «На острие шпаги» представляет собой своего рода политическое эссе, выражающее взгляды автора на военную доктрину, на качества, которыми должны обладать политики и военные, чтобы защитить национальные интересы своей страны и поднять их на новую ступень. Несмотря на то, что де Голль написал свое эссе еще в 1932 г., политологи и издатели этой книги отмечают, что мнения, высказанные им, звучат весьма актуально для современной России⁹. Рассмотрим более подробно образный ряд, употребляемый де Голлем для выражения своих идей¹⁰.

Несмотря на то, что основная тема эссе – военная, наиболее употребительной метафорой в тексте является метафора СТРОЕНИЯ, основной смысл которой – структуризация и упорядочение действительности: «... военный дух, искусство солдат и их доблесть... встроены в периоды истории»; «Несомненно, военные действия надо строить на обстоятельствах и условиях»; «... французский военный дух... без усталости пытается построить доктрину, которая бы позволила ему направлять военные действия и разрабатывать их форму априори, не учитывая обстоятельства, которые должны быть их основой»; «... в основу внешней политики был положен принцип национального самоопределения»; «Построить обучение солдат на событиях войн прошлого было естественным и полезным». В следующем примере метафора СТРОЕНИЯ пронизывает буквально все высказывание: «Государственный деятель [Бисмарк], строивший в прошлом веке здание немецкого единства, оказывал на военный инструмент своей политики намного менее строгое влияние [чем французский генерал Карно]». Здесь присутствуют параллели: государственный деятель – строитель; единство нации – здание; политика – здание; военные действия – строительный инструмент.

В терминах строений и строительства Ш. де Голль описывает такие понятия, как власть, история, политика, диктатура, государство, армия, общественный строй, теории и доктрины, авторитет, обучение и некоторые другие. Критикуя состо-

яние вещей, которое кажется ему неправильным или опасным для страны, де Голль приводит примеры разрушения строений, например о власти: «Здание этих условностей покрылось трещинами и начинает рушиться»; «Пусть власть сейчас колеблется на расшатанном фундаменте»; «Даже тогда, когда твердо установленный порядок и крепкая иерархия в государстве благоприятствуют гармонии, она не осуществляется без конфликтов и часто разрушается, когда беспокойные события выносят на поверхность амбиции или тревоги»; «Мы воюем редко, и, за исключением периодов смуты, вроде Революции, когда рушатся иерархии, радикально меняется характер борьбы и всеобщая жажда обновления делает возможной смену командования...»; «[Правительство] должно утверждать бюджет, в котором содержание армии пробивает огромную брешь».

Необходимость перемен и возможность их достижения видятся автору в образах слома старых построек, либо их ремонта и переделки: «Дух времени не только опрокидывает основы индивидуального авторитета, но и продолжает проламывать брешь в вековом престиже устоявшихся конструкций»; «В период возрождения нужно все существенно преобразовывать, если не переделывать заново»; «Победа на Марне прославила командира, сумевшего освободиться от теорий, построенных на абстракциях, и разработать свой план с учетом условий, которые его сознание охватило во всей их полноте...».

Не менее употребительной в авторском тексте является метафора ПУТИ. Эта ключевая метафора, как и СТРОЕНИЕ, чрезвычайно важна для описания действительности, так как если образ СТРОЕНИЯ помогает структурировать пространство, то ПУТЬ описывает движение к структурированному, упорядоченному пространству: «Старые принципы утратили свою силу, а новые еще не восторжествовали. Это был долгий и трудный переходный период, в течение которого французское общество оставалось морально расшатанным». Другими словами, эти метафоры дают возможность говорящему словесно выразить цель своей деятельности и методы ее достижения: «По какому бы пути ни пошел мир, он никуда не дойдет без оружия»; «Под надзором и покровительством правила солдат шагает уверенным шагом по суровому, но прямому пути»; «Политик и солдат привносят в общее дело очень разные характеры, приемы, заботы. Один добивается цели тайными путями; другой идет к ней совершенно прямо». Как это видно из последнего примера, метафора может демонстрировать различные способы, виды и этапы пути. Сравним также: «Иногда, идя по наиболее легкому пути, народы вверяют заботу об управлении своей политикой и армией воле и прихоти одного-единственного человека». Часто при использовании образа пути акцент делается на того, кто ведет: «... люди с сильной волей, смелым духом, закаленным ха-

рактером обращаются к карьерам, которые ведут к политической власти и положению в обществе»; «В конце концов, он [Бисмарк] повел за собой общественное мнение и вдохновил прессу так, что в нужный момент единодушная воля народа поддержала оружие солдат». Другой составляющей смысловой структуры концепта пути является его конечная цель, например, победа в сражении или войне: «... элита французской молодежи дала армии плеяду великих полководцев, которые привели ее к победе».

Метафора ПУТИ, рисуя сложную, полную опасностей дорогу, часто ассоциирует ее с водной стихией, переплетаясь с метафорой КОРАБЛЯ. Тогда лидер осмысливается как капитан судна, а население как пассажиры, чья судьба вверена капитану: «... энергия командира укрепляет подчиненных, как наличие спасательного круга успокаивает пассажиров судна. Все хотят знать, что круг на месте и что в случае опасности можно будет за него уцепиться».

Размышляя о деятельности армии, о ходе военных действий, о функциях государственных деятелей и значении авторитета для отдельной личности, де Голль использует метафору МЕХАНИЗМА. Смысловая структура этого образного концепта особенно хорошо передает значение сложившейся четкой работы многих элементов, складывающихся в одно целое: «В действительности именно этот дух [предприимчивости] – средство, запускающее не просто заводные механизмы, а “людей, умело обращающихся с техникой”»; «[Великие идеи] – это рычаг деловой активности: все проспекты банков ссылаются на прогресс». С помощью этого образа также передаются смыслы, говорящие о проблемных ситуациях, например, утверждая, что солдат должен уметь принимать собственные решения и действовать по обстоятельствам, де Голль пишет, что при отсутствии этих навыков «армия во время военной кампании будет лишь вялой массой, неспособной двигаться, слишком тщательно сделанным механизмом, в котором ничего не будет работать». Критикуя бюрократический подход к управлению армией, де Голль опять использует механистическую метафору: «Каждая проблема, когда ею будут заниматься на месте и чаще всего разрешать ее на месте, не будет больше требовать запуска тяжелого и скрежещущего механизма» (здесь бюрократия – механизм). Деятельность власти также может быть выражена в терминах метафоры МЕХАНИЗМА: «Оскорбляемая снизу всякий раз, когда она себя проявляет, власть начинает сомневаться в себе, действует нерешительно, применяет свои рычаги невпопад, с колебаниями, предосторожностями, оправданиями или, напротив, с чрезмерными понуканиями, жестокостью и формализмом».

Постоянно реализуется в рассматриваемом тексте органистическая метафора, представляющая явления как живые организмы или растения: «И министр с удивлением взирает на эту гранди-

озную и свирепую власть, вырастающую из земли рядом с его властью»; «Правители направляют на поля битв кровь и богатства народа, ...но пользоваться плодами будут другие»; «Революция могла быть задушена в колыбели». Нарушения в деятельности общественных организаций, армии или сотрудничестве между людьми описываются в терминах болезни: «...если сверху донизу исчезнет инициатива, уменьшится стремление к ответственности, исчезнет отвага прямо высказывать свое мнение и ослабнет характер, армия будет поражена параличом»; «То государственный деятель вторгается в сферу командования и своей властью навязывает стратегию. То военный, злоупотребляя своей силой, смещает политическую власть. Но триумф одного из партнеров означает паралич другого».

Метафора ТЕАТРА или ИГРЫ также присутствует в авторском тексте. Выражение «театр военных действий» имеет эквиваленты в разных языках и является устойчивой языковой метафорой. Образы сцены, театральных подмостков, распределения ролей, актеров и режиссера позволяют описать деятельность политиков и государственных институтов: «На сцене мирного времени публичный человек играет главную роль. Устраивает ли толпа ему овацию или освистывает, она, в первую очередь, видит этого персонажа и слушает его. Неожиданно война вытягивает из-за кулис другого человека, выталкивает его на первый план, направляет на него свет прожекторов: появляется военачальник. Начинается пьеса, в которой играют вместе политик и солдат. В сутолоке статистов, суматохе публики вся драма сосредоточивается на этих двух актерах. В этот момент их диалог основан на том обстоятельстве, что у каждого из них нет ни тем для разговора, ни ума, ни успеха, кроме как в функции игры другого. Но если один из них пропустит свою реплику, все потеряно для обоих»; «... политик употребляет все свое искусство на то, чтобы соблазнить мнение, маскируясь в зависимости от эпохи, не утверждая ничего, что не было бы современным. Чтобы стать господином, он изображает из себя слугу и ведет себя со своими соперниками с избыточной уверенностью».

Всего несколько раз в тексте эссе встречаются метафоры ВОЙНЫ и СТИХИИ, вызывающие ассоциации разрушения и неподвластности человеческим силам: «При первом сверкании меча порядок ценностей оказывается перевернутым»; «Война превратила естественный ход вещей в бурный поток и трансформировала человеческие потребности». В следующем примере образам ВОЙНЫ-СТИХИИ как разрушительным противостоит образ созидательной метафоры СТРОЕНИЯ: «Война разворачивается в шествие скорби и разочарований. Страсти толпы доходят до высшей точки. Государственные мужи не могут без страха слышать шум этого ужасного потока, более или менее сдерживаемого плотинами преданности и закона».

Следует обратить внимание на то, что метафоры ВОЙНЫ и СТИХИИ используются автором для иллюстрации кризисных ситуаций, общественных катастроф и никогда для описания повседневной деятельности: «Несмотря ни на что, патриотизм, который сам по себе является властью, часто мешает соперникам дойти до крайностей. Но иногда известная степень общественной опасности приводит страсти к той точке, когда она прорывает плотины. Обрушенные кризисом, политик и солдат часто находят невыносимой ту взаимную зависимость, которой они оказываются связаны». Шарль де Голль, будучи до мозга костей военным человеком, генералом, употребляет для выражения своих идей по поводу государственного устройства, армии и роли в обществе политиков и военных, почти исключительно метафоры, которые настраивают человека на созидательную деятельность и на способы достижения порядка и спокойствия, уверенности в завтрашнем дне. Это метафоры СТРОЕНИЯ и ПУТИ, а также органистические метафоры: ОРГАНИЗМ, РАСТЕНИЕ и т. п.

Рассмотрим далее составляющие образного ряда первого президента СССР М. С. Горбачева. В качестве объекта исследования возьмем книгу М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»¹¹, а также его доклад «Октябрь и перестройка: революция продолжается»¹².

М. С. Горбачев получил властные полномочия, когда страна входила в глубокий социально-экономический кризис. Начиная свою деятельность в качестве генерального секретаря ЦК КПСС, Горбачев сначала заявил о намерении продолжать прежний курс партии в управлении страной, но уже на следующем пленуме ЦК заговорил о необходимости реформирования государственной системы. Перестройка – государственная политика, осуществлявшаяся в СССР с середины 1980-х гг. в целях коренного переустройства жизни всего общества на основе демократизации.

В целом экономические преобразования Горбачёва можно разделить на 3 этапа: 1) 1985–1986 гг. – этап улучшения социальных достижений на базе старых постулатов. Главная идея состояла в том, что социализм имеет огромные не использованные резервы, которые необходимо ввести в действие, сделать рывок в соревновании с Западом; 2) 1987–1989 гг. – этап либерализации экономики, введение элементов рыночной экономики. Цель этого этапа – соединить социализм с рынком; 3) 1990–1991 гг. – этап углубления рыночных реформ, к сожалению, так и не воплощённых в жизнь. В качестве стратегической задачи новой политики руководством был провозглашён курс «всемирной интенсификации производства на основе внедрения достижений научно-технического процесса, совершенствование, планирование и управление, укрепление организованности, дисциплины и порядка во всех отраслях экономи-

ки»¹³. Рассмотрим образный метафорический ряд, используемый М. С. Горбачевым для выражения своих идей.

Доклад, с которым выступил М. С. Горбачев на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Октябрьской революции, назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

Несмотря на то что ключевым словом в политическом дискурсе Горбачева является «перестройка», строительная метафора почти им не используется. В тексте доклада часто встречаются одни и те же устойчивые употребления «строительство социализма», «социалистическое строительство», «строительство нового общества», которые присутствовали в речах всех советских лидеров на протяжении всего существования Советского Союза. Нередко они встраиваются в контекст трудного пути или военных действий: «Несмотря на то что партия и общество имели на вооружении ленинскую концепцию построения социализма, работы Владимира Ильича послеоктябрьского периода, поиск пути шел очень непросто, в острой идейной борьбе, в обстановке политических дискуссий. В центре их оказались коренные проблемы развития общества, прежде всего – вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране»¹⁴.

В книге, написанной после распада СССР, о строительстве социализма уже не говорится. Если в тексте и встречается строительная метафора, то в виде устойчивых языковых употреблений, порой совершенно утративших образность и, собственно говоря, превратившихся в языковые штампы: «В нынешнем мире нельзя строить политику на основе подходов 1947 года...»; «Впервые в истории жизненной потребностью стало положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы, очеловечить, гуманизировать межгосударственные отношения»¹⁵. Термин «перестройка» в дискурсе своего создателя не демонстрирует проявления одного из основных законов существования метафоры – иррадиации образов. Горбачев не развивает и не поясняет это понятие в терминах строительства, поэтому, как отметили и Баранов и Караулов в своем исследовании, этот образ долго оставался нечетким и аморфным. За Горбачева структуризацию метафоры «перестройки» провели журналисты и политологи, и в общественно-политическом дискурсе России появились такие выражения, как «корабль перестройки», «прорабы перестройки», «архитектор перестройки» и подобные.

Гораздо большее место в дискурсе российского лидера занимает метафора ПУТИ, постоянно переплетаясь с метафорой ВОЙНЫ или БОРЬБЫ: «Словом, разобраться, найти единственно верный курс в столь непростой и бурной обстановке было архитрудно... Мелкобуржуазная натура взяла верх у некоторых авторитетных деятелей. Они повели

себя фракционно. Это лихорадило партийные организации, уводило от живого дела, мешало работать. Они продолжали провоцировать раскол даже тогда, когда подавляющему большинству в партии стало ясно, что их взгляды идут вразрез с ленинскими идеями и планами, что их предложения ошибочны и могут сбить страну с правильно взятого курса»; «... руководящее ядро партии ... отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получило одобрение политического курса со стороны большинства членов партии и трудящихся»¹⁶. Разворачивая метафору ПУТИ, Горбачев неоднократно отмечает фактор скорости движения к цели: «Партия предложила неведомый ранее путь индустриализации – не надеясь на внешние источники финансирования, не дожидаясь многолетних накоплений за счет развития легкой промышленности, сразу двинуть вперед тяжелую индустрию. Это был единственно возможный в тех условиях, хотя и немислимо трудный для страны и народа путь. Это был новаторский шаг, в котором революционный порыв масс учитывался как составляющая экономического роста»; «Индустриализация одним рывком вывела страну на качественно новый уровень»; «В тех условиях, когда зримо нарастало ощущение угрозы империалистической агрессии, в партии утвердилось убеждение в необходимости не пройти, а в кратчайшие исторические сроки буквально пробежать расстояние от кувалды и крестьянской сохи к развитой индустрии, без которой была бы неминуема гибель всего дела революции»¹⁷.

В тексте доклада огромную роль играет метафора ВОЙНЫ: «Троцкизм – это политическое течение, идеологи которого, прикрываясь левой, псевдореволюционной фразой, по существу, занимали капитулянтскую позицию. По сути дела, это была атака на ленинизм по всему фронту. Речь шла практически о судьбе социализма в нашей стране, о судьбе революции»; «Но в конечном итоге партия высказалась за линию ЦК, против оппозиции, которая была идейно и организационно разгромлена».

Осмысление и описание Горбачевым перестроечного процесса в рассматриваемой книге также осуществляется в военных терминах, а сама перестройка опять, как и в названии доклада, непосредственно сопоставляется с революцией: «Многие партийные организации на местах не смогли удержаться на принципиальных позициях, повести решительную борьбу с негативными явлениями, вседозволенностью, круговой порукой, с ослаблением дисциплины»; «В революционном процессе, как известно, безусловное первенство принадлежит политике. Так и в перестройке. Приоритетное значение имеют меры политического характера, задачи широкой демократизации на деле, а не на словах, беспощадная война с бюрократизмом и беззаконием, активное вовлечение

масс в управление делами страны. Все это имеет прямое отношение к основному вопросу всякой революции, вопросу о власти»; «Не так просто побороть привычку к старым подходам, преодолеть представления о социальных формах жизни, сложившихся в конкретных исторических условиях. ... Здесь необходима длительная, напряженная борьба. Трудная борьба с казенщиной, нарочитой монументальностью, абстрактной лозунговостью, рецидивами помпезной парадности»¹⁸.

Говоря о проблемах экономики и о необходимости принять меры по ее реструктуризации, Горбачев широко использует метафору МЕХАНИЗМА: «Механизм торможения в экономике со всеми его социальными, идеологическими последствиями привел к бюрократизации общественных структур»; «Складывалась довольно странная картина: крутится огромный маховик могучей машины, а передачи от нее на рабочие места буксуют или очень слабы приводные ремни»¹⁹. Судьба этой метафоры в русском политическом дискурсе была прослежена Барановым и Карауловым, которые отметили, что после 1917 г. в политическом дискурсе происходило частое совмещение образа механизма (машины, мотора) с органистической метафорой (организм, растение, дерево, человек), что объяснялось политической обстановкой в стране, требованиями эпохи интенсивной индустриализации. Авторы исследования приводят широко известную цитату из советской песни, называя ее «стилистическим монстром»: «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор»²⁰. Отголоски подобного симбиоза метафорических моделей встречаются и в текстах М. С. Горбачева: «В самом конце 20-х годов острая борьба развернулась и по вопросу о путях перевода крестьянства на рельсы социализма»; «Коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах. Она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рельсы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства»; «... инерция экстенсивного роста тянула в экономический тупик, к застою в развитии. Нарастало финансовое напряжение в народном хозяйстве. Не помогал, а лишь загонял болезнь внутрь широкий выход на мировой рынок с нефтью и другими топливно-энергетическими и сырьевыми товарами»²¹.

Органистическая метафора представлена немногочисленными примерами: «Завалы рутинных представлений одним махом не осилишь. Годы укоренявшиеся психологические привычки никаким, даже самым грозным, декретом не отменишь»; «Главное – не поддаваться иллюзии благополучия, не допустить, чтобы бюрократизм и формализм сковали животворные родники народной инициативы»²².

В контекстах, посвященных анализу политической и экономической обстановки, Горбачев большое внимание уделяет фактору времени (вспомним, что слово «ускорение» появилось в его программных заявлениях даже раньше, чем «перестройка»): «Тогда уверовали в универсальную эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы – самый короткий, лучший путь к решению любых задач»; «Конкретные условия того времени – и внутренние, и международные – выдвинули, как насущную задачу значительное повышение темпов социалистического строительства. Бухарин и его сторонники в своих расчетах, теоретических положениях практически недооценили значение фактора времени в строительстве социализма в 30-е годы»²³; «Надо мыслить и действовать по-новому. Причем история торопит, не дает времени на раскачку. Завтра может быть поздно»²⁴.

Будучи сторонником скоростных темпов развития экономики страны и отдавая себе отчет в том, с какими трудностями для населения это связано, Горбачев апеллирует к чувству самоотречения во имя общего блага, приводя исторические примеры, чаще всего опять в контексте метафоры ВОЙНЫ: «Индустриализация одним рывком вывела страну на качественно новый уровень ... Это был трудовой подвиг всемирно-исторического значения, подвиг освобожденного труда, подвиг партии большевиков»; «Жизненность выдвинутых партией планов, понятых и воспринятых массами, лозунгов и замыслов, в которых был воплощен революционный дух Октября, нашла свое выражение в том поразившем мир энтузиазме, с которым миллионы советских людей включились в строительство советской индустрии. В тяжелых условиях, при отсутствии механизации, на полуголодном пайке люди творили чудеса. Их вдохновляло то, что они приобщались к великому историческому делу»²⁵.

Таким образом, выбор М. С. Горбачевым метафорических моделей для изложения своих идей указывает на предпочтение им военной и механистической метафоры, которые чаще всего отражают напряжение в обществе, кризисную обстановку, необходимость защищаться, что в целом порождает в человеческом сознании беспокойство и неуверенность в завтрашнем дне. Хотя символическим названием эпохи послужило слово «перестройка», на самом деле оказалось, что содержание его сводилось не столько к созидательной, сколько к разрушительной деятельности; а смысловые структуры этого образа часто соотносились совсем с другими метафорами, а не с метафорой СТРОЕНИЯ. Судя по ходу реформ, многие из которых так и не были осуществлены, а прежний общественный порядок, в конце концов, рухнул, у Горбачева не было четкого представления о том, как именно нужно было действовать, что и подтверждают аналитики. Эта нечеткость позиции, неуверенность в своих силах проявляет-

ся и в его речах, хотя часто неявно. Следовательно, можно сделать вывод о том, что призывы Горбачева к борьбе и революции не отвечали системе ценностей советского народа данного периода, и это не позволило ему достичь консенсуса в обществе, как это удалось де Голлю, который в своей риторике избрал более верную позицию.

Примечания

- 1 Глухова А. В. Еще раз про конфликт // Социс. 2003. № 8. С. 149–152.
- 2 См.: Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- 3 См.: Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопр. языка. 1997. № 6. С. 37; Петров В. В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 165.
- 4 См.: Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: the Light-Dark Family // Quarterly J. of Speech. 1967. Vol. 53.
- 5 См.: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М., 1991.
- 6 См.: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
- 7 См.: Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: Традиции и новаторство. М., 1991.
- 8 Голль Ш. де. На острие шпаги / пер. с фр. М., 2006. 240 с.

- 9 Кокошин А. А., председатель комитета ГД по делам Содружества Независимых Государств и связям с общественностью, автор предисловия к российскому изданию книги Шарля де Голля «На острие шпаги»; Глазычев В. Л., генеральный директор издательства «Европа», автор послесловия этой книги.
- 10 Все цитаты даны по указанному изданию: Голль Ш. де. Указ. соч.
- 11 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. 272 с.
- 12 Доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Октябрьской революции.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление...
- 16 Доклад М. С. Горбачева...
- 17 Там же.
- 18 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление...
- 19 Там же.
- 20 Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Указ. соч. С. 190.
- 21 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление...
- 22 Там же.
- 23 Доклад М. С. Горбачева...
- 24 Там же.
- 25 Там же.

УДК 342.34

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

М. А. Липчанская

Саратовская государственная академия права
E-mail: lipchan_maria@mail.ru

Статья посвящена анализу международных стандартов участия граждан в управлении делами государства. Автором последовательно анализируются универсальные и региональные международные документы, фиксирующие стандарты участия граждан в управлении государственными делами.

Ключевые слова: Конституция РФ, дела государства, международные стандарты.

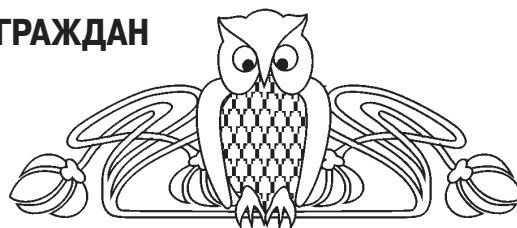
International Standards Citizens' Participation in Managing State Affairs

М. А. Lipchanskaya

This article analyzes the international standards of citizens' participation in managing state affairs. The author successively examines the universal and regional international instruments that fix the standards of citizen participation in public affairs.

Key words: Constitution of RF; state affairs; international standards.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного

права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Гарантированная Конституцией РФ возможность участия граждан в управлении делами государства относится к системе политических прав, уровень реализации которых зависит от степени демократичности государственных и общественных институтов, конституционных и отраслевых гарантий его осуществления. Предпримем попытку системного анализа международных стандартов участия в управлении делами государства.

Необходимым условием эффективного участия в управлении делами государства выступает формирование демократической политической культуры граждан и должностных лиц. В Варшавской Декларации к сообществу демократий от 27 июня 2000 г. отмечается что «основой власти правительства будет воля людей, выражаемая посредством осуществления гражданами права

ся и в его речах, хотя часто неявно. Следовательно, можно сделать вывод о том, что призывы Горбачева к борьбе и революции не отвечали системе ценностей советского народа данного периода, и это не позволило ему достичь консенсуса в обществе, как это удалось де Голлю, который в своей риторике избрал более верную позицию.

Примечания

- 1 Глухова А. В. Еще раз про конфликт // Социс. 2003. № 8. С. 149–152.
- 2 См.: Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- 3 См.: Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопр. языка. 1997. № 6. С. 37; Петров В. В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 165.
- 4 См.: Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: the Light-Dark Family // Quarterly J. of Speech. 1967. Vol. 53.
- 5 См.: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М., 1991.
- 6 См.: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
- 7 См.: Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: Традиции и новаторство. М., 1991.
- 8 Голль Ш. де. На острие шпаги / пер. с фр. М., 2006. 240 с.

- 9 Кокошин А. А., председатель комитета ГД по делам Содружества Независимых Государств и связям с общественностью, автор предисловия к российскому изданию книги Шарля де Голля «На острие шпаги»; Глазычев В. Л., генеральный директор издательства «Европа», автор послесловия этой книги.
- 10 Все цитаты даны по указанному изданию: Голль Ш. де. Указ. соч.
- 11 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. 272 с.
- 12 Доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Октябрьской революции.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление...
- 16 Доклад М. С. Горбачева...
- 17 Там же.
- 18 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление...
- 19 Там же.
- 20 Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Указ. соч. С. 190.
- 21 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление...
- 22 Там же.
- 23 Доклад М. С. Горбачева...
- 24 Там же.
- 25 Там же.

УДК 342.34

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

М. А. Липчанская

Саратовская государственная академия права
E-mail: lipchan_maria@mail.ru

Статья посвящена анализу международных стандартов участия граждан в управлении делами государства. Автором последовательно анализируются универсальные и региональные международные документы, фиксирующие стандарты участия граждан в управлении государственными делами.

Ключевые слова: Конституция РФ, дела государства, международные стандарты.

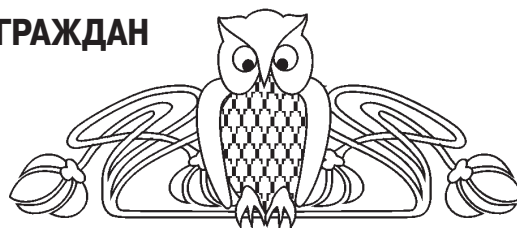
International Standards Citizens' Participation in Managing State Affairs

М. А. Lipchanskaya

This article analyzes the international standards of citizens' participation in managing state affairs. The author successively examines the universal and regional international instruments that fix the standards of citizen participation in public affairs.

Key words: Constitution of RF; state affairs; international standards.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного

права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Гарантированная Конституцией РФ возможность участия граждан в управлении делами государства относится к системе политических прав, уровень реализации которых зависит от степени демократичности государственных и общественных институтов, конституционных и отраслевых гарантий его осуществления. Предпримем попытку системного анализа международных стандартов участия в управлении делами государства.

Необходимым условием эффективного участия в управлении делами государства выступает формирование демократической политической культуры граждан и должностных лиц. В Варшавской Декларации к сообществу демократий от 27 июня 2000 г. отмечается что «основой власти правительства будет воля людей, выражаемая посредством осуществления гражданами права

и гражданских обязанностей выбирать своих представителей с помощью периодических, свободных и справедливых выборов с всеобщим и равным избирательным правом, открытых для разнообразных партий и проводимых тайным голосованием под контролем независимых избирательных властей, свободных от мошенничества и запугивания», гарантируется «право каждой личности на равный доступ к общественной службе и участию в ведении общественных дел непосредственно или через свободно избранных представителей»¹.

В Докладе Генерального секретаря ООН на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 октября 2003 г. «Поддержка системой ООН усилий правительств по развитию и упрочению новых или возрожденных демократий» подчеркивалось, что становлению и развитию демократии будут способствовать такие факторы, как повышение степени подотчетности, транспарентности и качества управления, развитие институтов гражданского общества.

Идеи и принципы демократии получили свое закрепление в таких документах, как Парижская хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 г.², итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников СБСЕ от 15 января 1989 г.³, документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г.⁴ и др.

Международные стандарты образуют два блока норм международного права: универсальные и партикулярные (региональные). Проанализируем в первую очередь универсальные международные стандарты с позиции отражения в них возможности участия граждан в управлении делами государства.

Статья 21 Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. закрепляет право каждого человека принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей (ч. 1), право равного доступа к государственной службе в своей стране (ч. 2), избирательные права (ч. 3)⁵.

В соответствии со ст. 25 Пакта ООН о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность: а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; в) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе⁶.

В ст. 8 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г. № 53/144 «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и

органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы»⁷ отмечается, что каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, иметь реальный доступ на недискриминационной основе к участию в управлении своей страной и ведении государственных дел. Это включает, в частности, «право, индивидуально и совместно с другими, представлять в правительственные органы и учреждения, а также в организации, занимающиеся ведением государственных дел, критические замечания и предложения относительно улучшения их деятельности и привлекать внимание к любому аспекту их работы, который может затруднять или сдерживать поощрение, защиту и осуществление прав человека и основных свобод»⁸.

Участие граждан в управлении делами государства гарантируется и рядом международных конвенций. В частности, в соответствии со ст. 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления таких политических прав, как права участвовать в выборах – голосовать и выставлять свою кандидатуру – на основе всеобщего и равного избирательного права, права *принимать участие в управлении страной*, равно как и *в руководстве государственными делами* на любом уровне, а также права равного доступа к государственной службе⁹. Аналогичные положения содержатся в п. «с» ст. 2 Международной конвенции ООН о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г.¹⁰. Ст. 1–3 Конвенции о политических правах женщин 1952 г. гарантируют активное и пассивное избирательное право женщин, а также право женщин занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом¹¹. Конвенция ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. подробно регламентирует вопросы участия в политической и общественной жизни этой категории населения (ст. 29)¹².

В некоторых международных конвенциях возможность участия в управлении делами государства применительно к отдельным категориям населения закрепляется в косвенной форме. Например, в ст. 2 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, от 18 декабря 1992 г. содержится общая формула о том, что лица, принадлежащие к меньшинствам, имеют право активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни. Им также предоставляется право активно участвовать в принятии на на-

циональном и, где это необходимо, региональном уровне решений, касающихся того меньшинства, к которому они принадлежат, или тех регионов, в которых они проживают, в порядке, не противоречащем национальному законодательству, то есть возможность участвовать в управлении делами государства фактически подразумевается, но напрямую не закрепляется.

Анализ универсальных международных стандартов позволяет прийти к следующим основным выводам.

Во-первых, понятие «участие в управлении делами государства» в соответствии с международными стандартами включает в себя преимущественно два правомочия – право избирать, быть избранным и право на равный доступ к государственной службе. Российская Конституция расширяет содержание участия в управлении делами государства за счет права граждан участвовать в отправлении правосудия.

Во-вторых, специальные международные конвенции участие граждан в управлении делами государства рассматривают в контексте ликвидации дискриминации во всех ее формах и обеспечения равноправия каждого человека перед законом.

В-третьих, в некоторых международных конвенциях участие в управлении делами государства применительно к отдельным категориям населения закрепляется в косвенной форме. Вместе с тем, международное сообщество в последнее время уделяет особое внимание такой испытывающей средовые ограничения категории населения, как инвалиды. Например, Конвенция ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. подробно регламентирует вопросы участия в политической и общественной жизни этой категории населения.

Региональные международные стандарты в области прав человека образуют, в первую очередь, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.¹³ и другие документы Совета Европы.

В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод непосредственно участие в управлении делами государства не закреплено, хотя зафиксированы политические права и свободы, такие как свобода выражения мнения (ст. 10), свобода собраний и объединений (ст. 11), которые условно можно рассматривать как косвенный способ участия в управлении делами государства.

Что касается участия в управлении местными делами, то указанная возможность отражается в таких документах, как Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г.¹⁴, Конвенция об участии иностранцев в публичной жизни на местном уровне от 5 февраля 1992 г. и др.

Участие в управлении делами государства гарантируется и на Американском континенте – в ст. 23 Американской конвенцией о правах человека от 22 ноября 1969 г.¹⁵. Вместе с тем, в документе поясняется, что закон может регули-

ровать использование прав и возможностей, закрепленных ст. 23 Конвенции исключительно на основе возраста, гражданства, местожительства, языка, образования, гражданской и умственной правоспособности и осуждения компетентным судом за уголовное преступление.

Содружество Независимых Государств – другая региональная организация, целью которой является интеграция бывших республик СССР в целях экономического, политического, социального и культурного сотрудничества, содействия реализации прав и свобод граждан. Ст. 29 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. устанавливает, что каждый человек в соответствии с национальным законодательством имеет право и возможность в государстве, гражданином которого он является: а) принимать участие в управлении и ведении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей; б) голосовать и быть избранным на выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; в) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе.

На 32-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ постановлением № 32–9 от 14 июня 2009 г. был принят модельный закон о противодействии экстремизму¹⁶. В указанном документе отмечается, что участие в управлении делами государства не исключает деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, направленную на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение целостности и национальной безопасности государства, выявление и устранение причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, а также на предупреждение, выявление, пресечение экстремистской деятельности и ликвидацию ее последствий.

Государства СНГ в целях дальнейшего развития дружественных отношений стремятся в интересах своих граждан к обеспечению равных условий их проживания на собственных территориях, предоставляют гражданам правовой статус, максимально близкий к правовому статусу собственных граждан в сфере гражданских, политических, социальных, экономических, трудовых, культурных и иных прав. Вместе с тем в двухсторонних договорах устанавливаются изъятия в реализации политических прав, в том числе прав, составляющих основу участия в управлении делами государства. Так, например, в соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан, и граждан республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (Москва,

20 января 1995 г.)¹⁷, в ст. 4 отмечается, что гражданин одной Стороны, постоянно проживающий на территории другой Стороны, не пользуется следующими правами: а) избирать и быть избранными на высшие государственные должности и в представительные органы власти Стороны проживания; б) участвовать во всенародном голосовании (общегосударственном референдуме), проводимом Стороной проживания; в) занимать должности на дипломатической службе, в органах безопасности и в органах внутренних дел Стороны проживания; г) занимать должности в центральных органах исполнительной власти, должность судьи, прокурора в Стороне проживания; д) занимать должности глав областных, районных, городских, сельских, поселковых администраций и их заместителей.

Аналогичные положения содержатся в ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Киргизской Республики, и граждан Киргизской Республики, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (Бишкек, 13 октября 1995 г.)¹⁸, ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Туркменистаном о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Туркменистана, и граждан Туркменистана, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (Москва, 18 мая 1995 г.)¹⁹.

Анализ документов, принятых в рамках Содружества Независимых Государств, свидетельствует о том, что региональные стандарты в основном ориентированы на универсальные международные стандарты, и демонстрируют узкий подход в понимании участия граждан в управлении делами государства. Кроме того, для государств СНГ остается актуальной проблема противодействия экстремизму и предоставления национального правового режима всем гражданам СНГ за некоторыми изъятиями.

Право равного доступа к государственной службе выступает одной из форм, посредством которой реализуется участие в управлении делами государства. Равный доступ к государственной службе закрепляется универсальными и партикулярными международными документами. Особое внимание отдельным вопросам реализации этой формы участия граждан в управлении государственными делами уделяется в документах Международной организации труда, например, в Конвенции МОТ № 151 «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе»²⁰ (Женева, 27 июня 1978 года). В Конвенции отмечается, что государственные служащие пользуются защитой против любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы, объединения в области занятости (ст. 4), организации государственных служащих обладают независи-

мостью от государственных органов власти (ст. 5), представителям организаций государственных служащих предоставляются такие возможности, которые позволяют им быстро и эффективно выполнять свои обязанности как в их рабочее время, так и вне его (ст. 6), в случае конфликта должны приниматься меры, направленные на организацию переговоров об условиях занятости между заинтересованными государственными органами власти и организациями государственных служащих (ст. 7). В Конвенции подчеркивается, что государственные служащие пользуются гражданскими и политическими правами наравне с другими гражданами государства (Раздел VI. Конвенции «Гражданские и политические права»). Государственные служащие подлежат защите в соответствии со ст. 11 Конвенции МОТ № 168 «О содействии занятости и защите от безработицы» (Женева, 21 июня 1998 г.)²¹.

Одним из негативных явлений современной действительности выступает коррупция, которая создает угрозы стабильности и безопасности любого общества, подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость, наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку, поэтому международное сообщество принимает меры по борьбе с этим негативным явлением. На уровне ООН 31 октября 2003 г. была принята Конвенция противодействия коррупции, целями которой являются развитие международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, «поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом»²².

Об осознании указанной проблемы в нашей стране свидетельствуют следующие юридические факты: в декабре 2003 г. Российская Федерация подписала Европейскую конвенцию противодействия коррупции (распоряжение Президента РФ от 6 декабря 2003 г. № 581-рп)²³ и ратифицировала ее Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ²⁴. Конвенция для России вступила в силу 8 июня 2006 г. В Российской Федерации Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 были утверждены Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции²⁵, в которых определены основные направления противодействия коррупции на федеральном, региональном и местном уровнях.

В соответствии со ст. 7 Конвенции каждое государство-участник должно стремиться создавать, поддерживать и укреплять такие системы приема на работу, набора, прохождения службы, продвижения по службе и выхода в отставку гражданских служащих, которые: а) основываются на принципах эффективности и прозрачности и на таких объективных критериях, как безупречность работы, справедливость и способности; б) включают над-

лежащие процедуры отбора и подготовки кадров для занятия публичных должностей, которые считаются особенно уязвимыми с точки зрения коррупции, и ротации в надлежащих случаях таких кадров на таких должностях; в) способствуют выплате надлежащего вознаграждения и установлению справедливых окладов с учетом уровня экономического развития государства-участника; г) способствуют осуществлению образовательных и учебных программ, с тем чтобы такие лица могли удовлетворять требованиям в отношении правильного, добросовестного и надлежащего выполнения публичных функций, а также обеспечивают им специализированную подготовку, чтобы углубить осознание ими рисков, которые сопряжены с коррупцией и связаны с выполнением ими своих функций. В целях борьбы с коррупцией каждое государство-участник должно поощрять неподкупность, честность и ответственность своих публичных должностных лиц в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, в необходимых случаях принимать кодексы поведения публичных должностных лиц.

В заключение можно сделать следующие выводы. Анализ международных актов свидетельствует о том, что необходимым условием участия в управлении делами государства выступает формирование демократической политической культуры граждан и должностных лиц. Участие в управлении делами государства в соответствии с международными стандартами включает в себя преимущественно два правомочия – право избирать, быть избранным и право на равный доступ к государственной службе. Российская Конституция расширяет содержание участия в управлении делами государства за счет права граждан участвовать в отправлении правосудия.

В некоторых международных конвенциях участие в управлении делами государства либо регламентируется фрагментарно, либо применительно к отдельным категориям населения закрепляется в косвенной форме. Вместе с тем в последнее время международное сообщество особое внимание уделяет обеспечению участия в управлении делами государства такой, испытывающей средовые ограничения категории населения, как инвалиды.

Примечания

- 1 Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 270–275.
- 2 См.: Действующее международное право : в 3 т. / сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1996. Т. 1. С. 42.
- 3 Там же. С. 83–91.
- 4 См.: Международные акты о правах человека : сб. документов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 653.
- 5 См.: Рос. газ. 1995. 5 апреля.
- 6 См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
- 7 Документ опубликован не был. СПС «ГарантПлатформа».
- 8 Документ опубликован не был. СПС «ГарантПлатформа».
- 9 См.: Ведомости ВС СССР. 1969. № 25. Ст. 219.
- 10 См.: Действующее международное право. Т. 2. М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1997. С. 84–90.
- 11 Там же. С. 45–48.
- 12 Документ опубликован не был. СПС «Консультант+».
- 13 См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
- 14 См.: СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
- 15 См.: Международные акты о правах человека. С. 720–736.
- 16 См.: Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 44. Ст. 205–219.
- 17 См.: Бюллетень международных договоров. 1997. № 10. С. 73–77.
- 18 См.: СЗ РФ. 2001. № 9. Ст. 786.
- 19 Там же. 1997. № 32. Ст. 3748.
- 20 См.: Конвенции и рекомендации, принятые МОТ. 1957–1990. Т. 2. Женева, 1991. С. 1883–1887.
- 21 Там же. С. 2171–2184.
- 22 СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
- 23 Там же. 2003. № 50. Ст. 4884.
- 24 Там же. 2006. № 12. Ст. 1231.
- 25 См.: Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Рос. газ. 2010. 15 апреля.

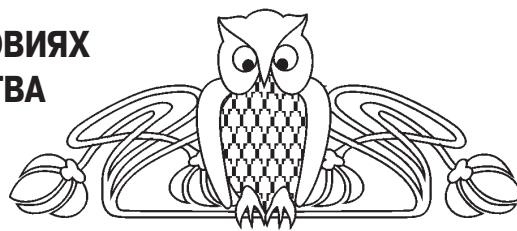

УДК 321(470+57)+342(470+571)

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ВЫБОРЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Ф. А. Вестов, Д. Е. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: vestovfa@mail.ru, petrovdima33622@mail.ru

В статье исследуется роль силовых структур в выборах органов власти в условиях формирования правового государства. Обозначаются и характеризуются основные направления участия силовых структур в выборах, в том числе потенциал и активность «силового» электората. Раскрывается взаимосвязь силовых структур и использования административного ресурса на выборах в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: правовое государство, силовые структуры, выборы.

Power Structures in the Elections in the Formation of the Legal State

F. A. Vestov, D. E. Petrov

This article discusses the role of power structures in the election authorities in the formation of the Legal state. Identified and characterized the main directions of power structures participate in the elections, including the potential and the activity of «force» electorate. Described the relationship of power structures and the use of administrative resources for elections to the post-Soviet countries.

Key words: legal state, power structures, elections.

Участие силовых структур в политической жизни правового государства продолжает оставаться одной из актуальных областей исследования политико-правовой науки как в России, так за рубежом. Традиционно, еще с момента выхода монографии С. Хантингтона «Солдат и государство»¹, проблема политической активности армии, органов внутренних дел и государственной безопасности рассматривается учеными через призму гражданско-военных отношений², систему сдержек и противовесов между гражданскими и силовыми институтами общества.

В контексте развития правового государства, в том числе и в современной России и ряде других стран постсоветского пространства, вопросы форм и условий политического участия силовых ведомств в политических процессах приобретают ещё большую актуальность. С одной стороны, политические реалии нашей страны, характеризующиеся значительным присутствием «силовиков» в органах власти всех уровней, и повышенный интерес исследователей на постсоветском пространстве к «силовой» теме делают перспективной научную разработку политической роли силовых структур. С другой – сущность правового государства предполагает одновременно как минимальное включение силовых институтов в

политическую жизнь³, так и максимальное представительство различных социальных групп в политике, что, если принимать во внимание неразрывную связь силовых структур с довольно многочисленной социально-профессиональной группой условно называемой «силовиками», создает определенное противоречие. Сама идея правового государства не допускает активности «силовиков», во внутренней политике, но вместе с тем предполагает учет интересов всех слоев населения при реализации государственной политики. В современных условиях демократического государства обозначенное противоречие в полной мере может быть урегулировано электоральной активностью «силовиков» как специфической социально-профессиональной группы. В этом свете представляет особый интерес исследование роли силовых структур и «силовиков» в выборах органов власти в условиях становления правового государства.

На выборах «силовики» предстают в четырех «ипостасях», как 1) кандидаты в президенты РФ и парламентарии; 2) «силовой» электорат; 3) организаторы кампаний; 4) объекты программных разработок партий и движений⁴; 5) субъекты административного ресурса⁵.

Относительно участия «силовиков» в качестве кандидатов на пост Президента РФ или в депутаты Государственной Думы ФС РФ отметим, что на трех выборах в Государственную Думу ФС РФ в 1990-е гг. руководство силовых структур по-разному относилось к выставлению своих кандидатов в депутаты. В 1993 г. Минобороны, имея право, не выдвинуло таковых вообще. В 1995 г. оно, круто изменив позицию, представило 123 кандидата от кадровых военных по одномандатным округам: 23 генерала, остальные – офицеры. Верховный главнокомандующий – он же Президент РФ определил: завоевать «как можно больше мест в Госдуме», но из 123 кандидатов избрано было только два. Всего в Государственной Думе ФС РФ 1995 г. оказалось 10 кадровых военных, из них 8 были «нежелательными» для Минобороны, так как выступали независимо от командования. Идея создать в Думе «мощную военно-демократическую фракцию, поддерживающую реформы и президента», провалилась⁶.

В избирательной кампании 1999 г. «военная» составляющая была от 4–5 до 15% общедеревальных списков кандидатов в депутаты

Государственной Думы ФС РФ⁷. Стоит отметить, что среди кандидатов в депутаты от силовых структур было мало «войсковиков», преобладали представители вузов, военкоматов, а также гражданский персонал. Количество представителей от Вооруженных сил РФ почти в 4 раза меньше, чем на парламентских выборах 1995 г. Не было ярких харизматических фигур. Вместе с тем в списках лидеров предвыборных блоков возросло число представителей других силовых структур. Характерно, что ни по одному из кандидатов от военнослужащих не было ни компроматов, ни каких-либо порочащих выпадов⁸.

Что касается президентских выборов, то на них россияне, избирая главу государства, определяют и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами РФ. На президентских выборах 2000 г. среди 12 кандидатов значились три силовика (В. Путин, Е. Савостьянов, Ю. Скуратов), представлявшие в отличие от прошлых выборов не Вооруженные силы, а другие силовые структуры – разведку, ФСБ, генпрокуратуру. Генерал Е. Савостьянов, понимая всю бесперспективность борьбы, снял свою кандидатуру. В. Путин (в прошлом разведчик) стал Президентом РФ.

«Силовой» электорат является одной из важнейших составляющих политической ресурсности «силовиков», особенно в контексте выборных механизмов формирования ряда органов власти, и одним из ключевых аспектов роли «силовиков» в выборах.

«Силовой» электорат в первом приближении представляет собой совокупность всех представителей силовых структур (в том числе ведомственные пенсионеры) и военно-промышленного комплекса и членов их семей как избирателей. В идеале они должны представлять относительно гомогенную социально-политическую группу с преимущественно одинаковыми интересами и политическими предпочтениями, что определяет схожесть их политического поведения, в том числе электорального. В процессе изучения этой составляющей электорального ресурса «силовиков» закономерно возникают два вопроса: о включении в неё представителей военно-промышленного комплекса (ВПК) и о степени гомогенности «силовиков» как социально-политической группы.

Исторически ВПК и силовые структуры в нашей стране имели в основном схожие политические ориентиры государственно-патриотического и великодержавного характера. Совпадают и их экономические интересы: увеличение бюджетных ассигнований на силовую блок (национальная оборона и национальная безопасность), стабильное, а тем более, интенсивное развитие и укрепление силовых структур означают для военно-промышленного сектора экономики сохранение или увеличение заказов (которые также зависят от спроса на отечественное вооружение за рубежом), а значит, социально-экономическую стабильность. И служащие силовых ведомств страны, и работники

ВПК относятся, с некоторыми различиями, к так называемым «бюджетникам», к тому же со смежным характером трудовой деятельности (службы). Поэтому в человеческую составляющую электорального ресурса вполне возможно включить и представителей ВПК с соответствующим социальным окружением, что существенно усиливает этот ресурс «силовиков».

Человеческую составляющую электорального ресурса «силовиков», учитывая тот факт, что в России военнослужащие и сотрудники силовых ведомств обладают избирательными правами в полном объёме, целесообразно измерять число потенциальных избирателей.

Точно определить численность силовых структур и работников военно-промышленного комплекса на текущий момент довольно сложно. Прежде всего, в силу закрытости многих данных от широкой общественности. В этом случае ссылаться на официальные документы затруднительно, приходится обращаться к вторичным источникам.

В частности, А. Солдатов на 2003 г. оценивает общую численность личного состава силовых структур в 5 млн человек⁹. Г. Мирский определяет общую численность только военного электората (включая военных пенсионеров, работников ВПК и членов их семей) в 5–8 млн. Примерно в таких же цифрах можно оценить и электоральную численность представителей МВД РФ. Согласно данным «Российской газеты» на ноябрь 2006 г. численность МВД РФ составляет 821 268 человек (без внутренних войск), а численность внутренних войск – 200 000 человек, что в сумме 1 021 268 человек¹⁰. С учётом ведомственных пенсионеров и правоспособных в избирательном отношении членов семей численность «милиецкого» электората может достигать 5 млн человек.

В целом, по самым скромным подсчетам, вместе с семьями военные и отставники, работники «оборонки» и правоохранительных органов составляют 15–20 млн человек¹¹.

Принимая во внимание тот факт, что на выборах Президента РФ 2 марта 2008 г. общая численность избирателей, внесённых в списки, составляла 107 222 016 человек¹², можно определить, что на долю силового электората приходится до 20% от общей численности всех граждан, наделённых избирательными правами. Таким образом, «силовой» сегмент избирательного корпуса получается самым многочисленным в социально-профессиональной структуре российской общества.

Но самостоятельная реализация российскими силовыми структурами своего электорального потенциала затруднена из-за низкой степени гомогенности «силовиков» как социально-политической группы, их неразвитой политической идентичности. Ведь необходимым условием реального влияния «силовиков» на политические процессы в стране является осознание ими своей корпоративной общности, своих общих интересов.

Если представители силовых структур от рядового до высшего командного состава будут, прежде всего, «силовиками» (действительными или бывшими), а уже потом членами партий, бизнесменами, государственными служащими, пенсионерами, учёными и т. д., если они будут осознавать себя членами единой общности, корпорации силовиков, как это имеет место быть во многих странах Латинской Америки, делая вторичными социальные, этнические, конфессиональные и иные различия, то они реально смогут оказывать существенное влияние на политический процесс в государстве, используя электоральные механизмы политического влияния.

При этом мощь силового электората ещё в 1990-х гг. по достоинству оценили профессиональные политики. Не случайно на выборах 1995 г. каждое второе избирательное объединение включило в головную часть своих списков популярных военных деятелей вроде А. Лебеда¹³ и Б. Громова¹⁴. Во многом такая тактика построения партийных списков характерна и для последующих избирательных кампаний.

Относительно особенностей поведения «силового» электората на выборах заметим, что в 1999 г. впервые в постсоветский период военный электорат в своем большинстве проголосовал за «партию власти» («Единство»). Она получила у «силовиков» почти в 2 раза больше голосов, нежели по стране в целом. Предположительно, основная масса военных голосовала по «совету свыше», так как не имела возможности ознакомиться с идеологией и программой «Единства», которые вообще только что родились. На втором месте по голосам от военного электората оказался блок «За победу» (КПРФ), который потерял по сравнению с выборами 1995 г. 2–4% военных избирателей. В войсках среди офицеров осталось мало тех, кто поддерживает коммунистов. Кроме того, коммунисты мало работали с военнослужащими. Большие потери среди военного электората понес блок В. Жириновского. Представители армии по-прежнему в абсолютном большинстве своем не приемлют политические силы правой ориентации – СПС и «Яблоко». Число симпатизирующих «Яблоку» в армии сократилось по сравнению с выборами 1995 г. в 5–6 раз¹⁵.

Поведение военного электората на президентских выборах более собранное. На первых выборах Президента РСФСР за Б. Ельцина (1991 г.) проголосовало около 2/3 военных избирателей. Однако за 4 года президентства личный состав силовых структур в подавляющем большинстве разочаровался в Б. Ельцине, ему доверяли в 1996 г. всего 2–4% военнослужащих. Около 60% своих голосов в первом туре президентских выборов они тогда отдали А. Лебедю, а во втором туре предпочли голосовать за Г. Зюганова, который получил тогда более 50% голосов людей в погоне¹⁶.

Стоит отметить, что в 1990-х – начале 2000-х гг. от выборов к выборам росло общее

число избирателей, голосовавших за кандидатов-силовиков (военных), еще примечательнее этот рост был среди военного электората: за 10 лет почти в 3 раза сократилось число военных избирателей, голосующих за гражданских политических деятелей¹⁷. В то время как «силовик» В. Путин на выборах Президента РФ 2000 г. получил около 70% голосов личного состава силовых структур и ветеранского корпуса. Большие потери среди армейского электората понесли Г. Зюганов, В. Жириновский, Г. Явлинский¹⁸.

Раскрывая особенности электорального участия «силовиков» в качестве организаторов избирательных кампаний отметим следующее. В 1990-х – начале 2000-х гг. предвыборные блоки, партии и движения стремились в максимальной мере использовать активность, связи и организаторский потенциал военных, особенно молодых запасников и отставников. Они в ряде партий и блоков выступали руководителями предвыборных штабов, групп советников, ответственными за основные направления работы, активистами местных структур. Как показывает электоральный опыт 2000-х гг., это открывает возможности для «командного» воздействия на выборный настрой личного состава силовых структур, а также массовых организаций ветеранов войн и военной службы. Например, большую роль сыграло заявление главы правительства – и. о. Президента РФ В. Путина о поддержке на выборах блока «Единства». В силовых структурах сверху были «ориентированы» высшие военачальники, руководители органов воспитательной работы на обеспечение голосования за «Единство». Фактически, устанавливалась ответственность начальников всех степеней за результаты голосования¹⁹.

С развитием и укреплением в нашей стране института «партии власти» представители последней вместе с государственными чиновниками и высокопоставленными «силовиками» в период парламентских и президентских выборов стали выражать особый интерес к «силовому» электорату и предпринимать попытки контролировать его политическое участие.

Это проявляется, с одной стороны, в том, что политические партии и кандидаты стремятся своими программами и предвыборными обещаниями охватить и привлечь служивый электорат²⁰. С другой – участники избирательной гонки, имеющие доступ к административному ресурсу, в своих интересах направляют политическое информирование личного состава в предвыборный период²¹, а то и просто используют организационную составляющую электорального ресурса силовых структур: давление руководства на личный состав и его выбор, организованное голосование военнослужащих срочной службы в воинских частях и др.

Понимание представителей силовых структур как одной из целевых аудиторий политических партий и их программных документов в постсо-

ветской России берет свое начало с 1990-х гг. В думские предвыборные периоды 1990-х гг. происходили большие метаморфозы в программных документах партий по отношению к оборонным делам и силовым структурам. Военные разделы предвыборных документов партий, движений и блоков незначительно отличались и практически характеризовались одинаковым набором ключевых терминов, критики и обещаний, духом формализма. Особого внимания заслуживает анализ их воззрений на взаимосвязь военной и гражданской сфер жизнедеятельности общества, на роль «военных» как особой социальной группы в преодолении всеобщего кризиса, границ их ответственности. Усиленно внедрялась идея, что военная сфера должна стать главным двигателем экономического и научно-технического подъема, политической стабилизации. В. Жириновский представлял армию, военную деятельность панацеей от всех бед, средством спасения экономики, повышения отдачи внешней торговли, решения всех внутренних и внешних споров. Ему вторил К. Титов, утверждая, что возрождение армии даст рабочие места на наукоемких производствах, импульс развитию науки и промышленности, укрепит стандарты технологической и производственной дисциплины, увеличит прибыль, сделает армию менее затратной²².

Одним из негативных аспектов роли силовых структур в электоральных процессах в условиях формирования правового государства является т. н. административный ресурс, столь широко распространенный на выборах в странах постсоветского пространства.

Политологи предлагают различные толкования понятия административного ресурса, определяя его как «влияние должностных лиц с использованием их властных полномочий на развитие политического процесса, в частности на ход, результаты и другие составляющие избирательного процесса с целью сохранения власти». Можно выделить три главных субъекта административного ресурса: должностные лица органов исполнительной власти и местного самоуправления; руководители предприятий, учреждений, организаций (не обязательно государственных); представители силовых структур, контролирующих и правоохранительных органов²³.

Последнюю категорию часто воспринимают как инструмент, с помощью которого осуществляют административное влияние две первые. Однако это утверждение верно лишь отчасти, что подтверждает политико-электоральный опыт ряда стран ближнего зарубежья, где использование административного ресурса на выборах порой приобретало массовый характер.

Субъектность силовых структур в рамках административного ресурса обусловлена следующими основными моментами.

Во-первых, на региональном и местном уровнях силовые структуры юридически не под-

чинены региональной и местной власти, хотя и находятся с ними в тесном взаимодействии.

Во-вторых, силовые структуры могут выступать в качестве самостоятельного источника административного ресурса, если в избирательных кампаниях участвуют их непосредственные представители.

В-третьих, правоохранительные органы обладают наиболее эффективными и действенными механизмами влияния на избирательный процесс и его участников – если другие должностные лица грозятся применить или применяют лишь административные или материальные санкции, то силовые органы имеют легитимную возможность применения жестких силовых действий против лиц или организаций, являющихся объектами влияния²⁴.

Влияние контролирующих и правоохранительных органов на ход избирательного процесса может происходить на всех без исключения этапах кампании, а часто и задолго до ее официального начала. Перед стартом избирательной кампании или на начальных ее стадиях доминирует влияние контролирующих и фискальных органов, связанное, прежде всего с давлением на кандидатов, а также лиц, предприятия или СМИ, которые их поддерживают; ближе к выборам и непосредственно в день голосования главную роль играют органы охраны правопорядка, а объектами влияния становятся агитаторы, члены комиссий, наблюдатели, журналисты, а нередко и сами избиратели.

Это влияние не обязательно осуществляется в форме непосредственных действий или поступков правоохранительных органов. Очень часто бездеятельность, невмешательство в избирательный процесс, сопровождаемый грубыми нарушениями, делает правоохранителей соучастниками правонарушений, целью которых является нарушение избирательных прав граждан и искажение результатов их волеизъявления²⁵.

Вмешательство силовых структур в проведение выборов может начаться задолго до старта самой кампании – от пассивного невмешательства во время откровенно провокационных и хулиганских действий отдельных лиц или групп людей – до остановки силовиками автотранспорта, доставлявшего участников на предвыборные мероприятия. Существенно сложнее связать с избирательным процессом различные проверки фискальными органами предприятий, организаций или СМИ, поддерживающих политические силы, альтернативные действующей власти. Например, снятие с регистрации кандидатов в органы власти всех уровней за неточности, допущенные при заполнении декларации о доходах, недопущении субъектов избирательного процесса в помещения для встречи с избирателями, уничтожении агитационных материалов, задержании групп агитаторов. Неоднократно наблюдались случаи

пассивности правоохранительных органов при довольно существенных нарушениях, сопровождавших процесс агитации²⁶.

Имеет место определенное давление «силовики» в процессе голосования и подсчета голосов. В частности, во время голосования и подсчета голосов сотрудники правоохранительных органов должны осуществлять общий надзор за порядком. Законодательство четко не регулирует численность представителей органов внутренних дел, которые должны следить за порядком на избирательных участках, практика свидетельствует, что двух (максимум трех) блюстителей порядка вполне достаточно для одного участка. Но зачастую их количество значительно больше, что не способствует атмосфере свободного волеизъявления, а иногда преследует цель помешать ему, что фиксировали также и международные наблюдатели²⁷.

Значительным ресурсом для влияния на результаты выборов, связанным с силовыми ведомствами, является голосование на так называемых закрытых участках – в воинских частях или в местах лишения свободы (а это колоссальный ресурс для влияния на результаты выборов), где процесс голосования практически лишен какого бы то ни было контроля. Почти стопроцентный результат, который получают там кандидаты от правящего режима, свидетельствует, что понятие «свободное волеизъявление» на этих участках – категория довольно условная²⁸.

В целом в условиях формирования правового государства в современной России и странах ближнего зарубежья силовые структуры и «силвики», как социально-профессиональная группа, характеризуются широким спектром направлений участия в электоральных процедурах формирования органов власти и имеют значительные возможности для оказания влияния на результаты выборов.

Примечания

¹ См.: *Huntington S.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1957.

² См.: *Данилова Н. Ю.* Армии и общество: принципы взаимодействия. СПб., 2007; *Полтораков А. Ю.* Военно-гражданские отношения в контексте национальной безопасности: политико-структурные аспекты // *Национальная безопасность (РФ)*. 2009. № 8; и др.

³ См.: *Бабанов А. А.* Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов). Волгоград, 2004.

⁴ См.: *Серебрянников В. В.* Военные в зеркале выборов // *Военные в зеркале выборов*. 2000. 8 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Солдатов А.* Касса закрытого типа // *Нов. газ.* 2003. 4 августа.

¹⁰ См.: *Фалалеев М.* Чисть мундиры // *Рос. газ.* 2006. 10 ноября.

¹¹ См.: *Мухин В.* Равнение – на избирательные урны (Армия может решить исход выборов в России) // *Независимое военное обозрение*. 2008. 17 августа.

¹² Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 марта 2008 г. № 104/777–5 г. Москва «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // *Рос. газ.* 2008. 8 марта.

¹³ См.: *Булавинов И.* Лебедь рвется объединить обиженную армию // *Коммерсантъ*. 1995. 19 октября.

¹⁴ См.: *Мирский Г.* Выйдет ли армия из казарм // *Pro et Contra*. 1996. Т. I, № 1.

¹⁵ См.: *Серебрянников В. В.* Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Круглов И.* Электоральные симпатии силовиков // *Свобода слова*. 2007. № 38 (382).

²¹ См.: *Мухин В.* Указ. соч.

²² См.: *Серебрянников В. В.* Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

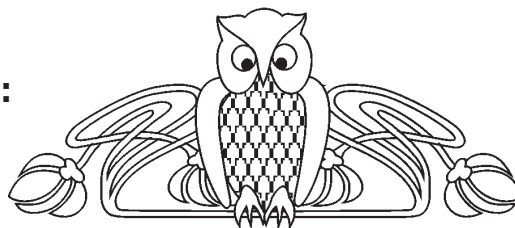
Слово молодым политологам

УДК 322

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ю. В. Зевако

Саратовский государственный университет
E-mail: miiirita@rambler.ru

В статье исследуются этнокультурные основы политической модернизации. Автор проводит ретроспективный анализ проблем политизации этничности в интересах государственного строительства в российской истории, устанавливает взаимосвязь кризиса этничности и авторитарных тенденций политического процесса современной России.

Ключевые слова: политическая модернизация, государственное строительство, этничность.

State-Building and Politicization of Ethnicity in Russia: Retrospective Analysis

Yu. V. Zevako

This article investigates ethnic and cultural foundations of political modernization. The author carries out a retrospective analysis of the problems of politicization of ethnicity in the interest of state-building in Russian history, shows a relationship crisis of ethnicity and authoritarian tendencies of the political process in modern Russia.

Key words: political modernization, state-building, ethnicity.

Проблемы формирования и функционирования этнической идентичности в контексте государственного строительства в многонациональной России продолжают сохранять свою актуальность. Цикл событий, связанных с массовыми беспорядками на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г.¹, показывает, какие тяжелые последствия для многонационального государства может иметь политизация этничности, особенно если замалчивать эту проблему, как будто её не существует. Взаимосвязь этнического и политического сложнее и многограннее, чем это кажется на первый взгляд, и сегодня в особенности требует внимательного и пристального изучения.

Согласно классификации политических режимов Х. Линца, каждый из них обладает рядом неотъемлемых черт, среди которых автор выделяет политический плюрализм, социальный и экономический плюрализм, идеологию, мобилизацию, лидерство². Автор подчёркивает связь между идеологией и политической мобилизацией граждан: авторитаризм характеризуется тем, что при отсутствии направляющей, чётко сформулированной идеологии правящей элите неимоверно трудно мобилизовать массы, которые, следовательно, не

могут идентифицировать себя с режимом. Отсюда – рост апатии, деполитизации и отчуждения от режима определённых социальных групп. Кроме того, пишет Х. Линц, мобилизация и не особо нужна авторитаризму, поскольку мобилизованные люди – при отсутствии чёткой идеологической базы – способны когда-нибудь выступить против самого режима.

Тоталитаризму, наоборот, присуща тотальная идеологизация общества, выступающая, с одной стороны, как средство постоянной легитимации установленного политического режима и его курса, а с другой – как орудие мобилизации масс для достижения политических и коллективных социальных задач. Однако если говорить о качественной стороне такой мобилизации, то это «управляемая мобилизация» – из центра и для центра (главный канал – партийный)³.

Можно предположить, что если политизация тех или иных сфер жизни человека и/или общества тесно связана с формой государства (в частности, политическим режимом), то политизация этничности, как одна из характеристик общества в целом, и отдельного человека, тоже тесно связана с наличествующей в конкретный исторический период формой государства.

Следуя логике Х. Линца, политизацию можно рассматривать как двуединство идеологизации и мобилизации. Соответственно, при низком уровне и того, и другого можно говорить об имплицитной политизации этничности (пока не явной, но потенциально возможной), при высоком уровне и того, и другого⁴ – об эксплицитной политизации этничности. Переход из одной категории в другую тесно связан с тем, попадает ли в настоящий момент этничность (как характеристика общества, и отдельного человека) в фокус актуальной политики, создана ли «среда политизации» с соответствующими реактивами и катализаторами (часто не зависящими от тех политических сил, которые стоят во главе государства). Момент перехода, согласно теории политических систем Д. Истона, можно рассматривать в качестве «вызова», постановки проблемы перед существующей формой государства, испытывающей его на прочность и эффективность, на способность «чёрного ящика» (то есть политического режима как комплексной характеристики

политической системы) эффективно обработать ожидания, потребности и запросы на «входе» и дать адекватный «ответ» на «выходе»⁵.

Распад Советского Союза сделал необходимым формирование нового государства – на демократических основах, включая соответствующие демократические ценности (частная собственность, верховенство закона, невмешательство государства в частную жизнь, свободный рынок и пр.), форму правления (президентская республика) с соответствующими государственными (президент, парламент) и негосударственными (партии, группы интересов) институтами, с соответствующей формой государственного устройства, учитывающей и обеспечивающей интересы территориальных, региональных и этнических групп – федерацией, построенной по национально-территориальному признаку. Однако, как показывает двадцатилетний опыт, эти демократические принципы не смогли в полной мере реализоваться в России. Более того, с 2000-х гг. происходит явная унитаризация государственного устройства и авторитаризация политического режима.

Закономерен вопрос: почему демократия не приживается в России? Здесь уместно обратиться к размышлениям Д. Растоу и других учёных о необходимых условиях демократизации. В первую очередь – это сформировавшиеся национальная идентичность и государственное единство, то есть наличие нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества⁶. Как мы видим, успешность внедрения демократии как «народовластия» связана с необходимостью чёткого определения содержания терминов «народ», «нация», «этничность». Пресловутый поиск национальной идеи, объявленный в 1990-е гг., есть не что иное, как попытка «задним числом» сформировать и обосновать это «двуединство» государства и общества.

Именно на эти годы приходится всплеск научных исследований, связанных с разработкой таких тем, как «менталитет», «душа народа», «русская идея»⁷, «этнические константы»⁸, «национальное самосознание», «национальная и этническая идентичность»⁹ и т. п. Учёные стали активно обращаться к интеллектуальному наследию запрещённых в советское время русских философов XIX – нач. XX вв. (особенно востребованными оказались П. Я. Чаадаев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.), а также к зарубежному опыту исследований в данной области (в первую очередь, к трудам представителей так называемой «школы Анналов», современным нациоведам)¹⁰, к психологическим и социологическим теориям. Поиски оптимальной эвристической конструкции понимания сущности «нации» привели к развитию междисциплинарных связей в исследованиях данного феномена. Наиболее активно с этнологами стали сотрудничать историки, психологи, философы, политологи, социологи, формируя

новые направления в собственных науках: этнопсихологию, этносоциологию, этнополитологию и др. С расширением круга междисциплинарности обогатились и методы исследований: широкое применение нашли математические методы, позволяющие быстро обчислять числовую информацию и строить соответствующие модели (особенно в этнопсихологии).

Безусловно, за прошедшие два десятилетия российская этнология сделала большой шаг вперёд в усвоении новых идей, теорий, концепций и парадигм; представителями различных дисциплин была проведена огромная работа по их адаптации, усвоению и экстенсивному (количественному) апробированию. Однако качественного рывка в понимании и определении сущности понятий «народ» и «нация» применительно к российской почве сделать пока не удалось. Почему? На сегодняшний день в российском интеллектуальном пространстве всё разнообразие подходов к изучению обозначенного феномена так или иначе располагается между двумя полюсами – примордиализма, представленного последователями советской школы этнографии во главе с Ю. В. Бромлеем¹¹, и конструктивизма, принципы которого на поле современной российской гуманитарной науки отстаивает нынешний директор ИЭА РАН В. А. Тишков¹².

Принципиальное различие двух подходов заключается в том, что «в версии примордиализма „народ“ считается объективной реальностью и задача науки состоит в воссоздании его истории и праистории, а конструктивизм представляет нацию как воплощённый миф и задачу науки видит в выявлении акторов и технологий этого воплощения»¹³. Другими словами, в первом случае нация представляет собой некую «пред-данность», основанную на «почве и крови», объективную реальность, которую можно определить как «межпоколенную группу людей, объединённую длительным совместным проживанием на определённой территории, общим языком, культурой и самосознанием»¹⁴. Во втором случае это виртуальная реальность, «реальность отношений, а не реальность набора объективных признаков», это «воображаемые сообщества», интеллектуальный конструкт учёных, политиков, писателей, принадлежность к которому не заложена в человеке изначально¹⁵.

В идеале принятое в конкретном государстве представление о «нации» должно функционально соответствовать его территориально-географическим и культурным характеристикам, социально-экономическим и политическим задачам, создавая благоприятные условия для утверждения необходимой формы государства.

Российская империя до прихода к власти большевиков была страной аграрной. Традиционный характер Российской империи предполагал огромное локальное разнообразие этнических культур, основанных на «почве», «крови», языко-

вой и религиозной принадлежности. При внешней взаимоткрытости локальных культур (хозяйственные, деловые связи, найм на сезонные работы и пр.) доступ внутрь был крайне затруднён (поричание межэтнических и межконфессиональных браков, чёткое определение круга родственных населённых пунктов и пр.). Эндогамность, языковые и религиозные различия создавали практически непроницаемый барьер между соседними локальными культурами, поддерживая их этническое многообразие, а чересполосность проживания позволяла сводить к минимуму любые объединения родственных культур для предъявления политических требований центральной власти.

Фактически, примордиалистские представления людей о своём народе и своей этничности воспроизводились из поколения в поколение и не противоречили наличной реальности. Всё это при необразованности большинства населения, неразвитости средств коммуникаций (как транспортных путей, так и СМИ) и запрете на деятельность негосударственных политических институтов (для предотвращения активизации национальных элит) позволяло существовать Российской империи как единому политическому целому и постепенно внедрять «русский националистический проект» в качестве будущей «нации-согражданства»¹⁶. Однако в результате революций 1905–1907 гг. и 1917 г. была разрешена деятельность негосударственных политических институтов и, тем самым, было открыто поле для легитимного отстаивания иных «националистических проектов», причём не только и не столько среди элиты, сколько среди широких масс простого населения – как на окраинах (Польша, Украина), так и во внутренних районах страны (Поволжье, Южный Урал и др.).

Этничность отдельных групп перешла из фазы имплицитной в фазу эксплицитной политизации – с высоким уровнем мобилизации. При отсутствии чёткой идеологической базы, удовлетворяющей все слои населения, политическая система царского авторитарного режима оказалась не в состоянии дать адекватный ответ на «выход» из «чёрного ящика». Российская империя распалась.

События начала XX в. в России иллюстрируют справедливость утверждения В. М. Суханова о том, что «в сложных по этническому и конфессиональному составу общностях не может быть однозначных оценок критериев идентичности», а «усиление и конкретизация групповой идентичности может послужить фактором политической дезинтеграции»¹⁷.

В 1920-е гг. перед большевиками встала непростая задача: преодолеть «политическую дезинтеграцию», подогреваемую широко распространёнными националистическими настроениями, получившими название мелко-буржуазного шовинизма. Необходимо было найти, сформулировать, сконструировать интегративную идентичность с однозначными критериями, которая бы одинаково

понималась и воспринималась представителем любой категории населения в любой точке Советского Союза. Как подчёркивает В. М. Суханов, «индивидам, обладающим различной идентичностью, адаптироваться к условиям инокультурной среды и взаимодействовать в этой среде с подобными им носителями идентичности позволяет смутность критериев [идентичности]»¹⁸. Значит, гомогенность нового типа могла быть достигнута только в результате целенаправленного «размывания» старых этнодифференцирующих характеристик, уходящих корнями в природное, «почвенное» локальное культурное многообразие, постоянно продуцируемое и поддерживаемое своими носителями.

«Индустриальный рывок», сделанный Советским Союзом в 1930–1950-е гг. за счёт коллективизации села, и последующие мероприятия власти (мобилизация в армию мужчин из разнонациональных населённых пунктов, введение системы распределения русских специалистов после окончания вузов по национальным деревням, введение в национальных школах обучения на русском языке и т. п.) стали одним из ключевых факторов формирования советской политической идентичности. Тоталитарный режим обеспечивал незаметное проникновение и усвоение новых идей и реалий в повседневную жизнь людей. Так, например, старая религиозная праздничная культура, поощряющая активную поддержку родственных связей, уже в 1960–70-е гг. уступает место профессиональной праздничной культуре¹⁹. В это же время резко возрастает количество смешанных браков, связанное с наступлением репродуктивного возраста у атеистически воспитанного послевоенного поколения²⁰.

В условиях посттоталитарного режима качественные сдвиги, которые происходили в идентификационных схемах простых советских людей, воспринимались не иначе, как успех советской национальной политики в формировании «новой исторической общности – советского народа». Теоретико-методологические и научно-практические изыскания советских этнографов, описывающих «этнос-народ-нацию» как объективную реальность, вводили в власть предрержащих, и общество в некоторое эйфористическое заблуждение по поводу собственной этничности: жёсткие примордиалистские характеристики («кровь», «почва», вера, язык, культура и пр.), фактически потерявшие своё функциональное значение в индустриальном обществе, отошедшие на второй план по сравнению с конструктивистской политической советской идентичностью, по-прежнему воспринимались как живая, объективная реальность, определяющая этническую принадлежность и этническое бытие другого.

Противоречие, заложенное в советское время, вскрылось после распада Советского Союза и редукции политической советской метаидентичности к более мелким этническим группам. По-

пытки воспроизвести этническое разнообразие в том виде и тех границах, которое оно имело в дореволюционный период, оказались неудачными, поскольку, теряя понятность и неизбежность примордиалистского понимания собственной национальности, основывающегося на естественных «почве и крови» (например, супруги и дети в смешанных браках), заставило каждого отдельного человека самостоятельно искать новые основания, которые уже не столь понятны и неизбежны, не имеют жёстких единых критериев, вынуждают делать собственный ответственный выбор в зависимости от конкретных ситуаций, «конструировать» собственную идентичность. Принимая во внимание то, что в реальной жизни большинство населения мыслит примордиалистскими категориями и каждый склонен приписывать другому значения национальности по формальным и внешним признакам (родители, внешность, религия, язык) вне зависимости от самоощущения человека (тогда как именно внутреннее самоощущение всё больше становится основным критерием национальности для самих людей), можно говорить о кризисе этничности как внутри отдельного человека, так и относительно целой нации. Кризис усугубляется тем, что политические элиты как лицо государства подвержены тому же кризисному состоянию собственной этничности и неспособны сегодня продуцировать в широкие массы населения сколько-нибудь цельное представление о собственной нации. В условиях объявленного перехода к демократии и провозглашения демократических прав, свобод и принципов построения государства это приводит к неопределённости и самого термина «демократия», а за ним и социальных и политических реалий.

Утверждение стабильной модели демократии возможно только при активной политизации общества со стороны власти и ответственной мобилизации каждого его члена. Однако «смутность критериев» этничности подрывает монополию власти на политизацию этничности в рамках государственной идеологии. Это позволяет негосударственным политическим институтам перехватывать инициативу в политизации этничности, ослабляя сплачивающий потенциал государственных политических институтов.

При такой ситуации федеративная система в России, построенная по территориально-национальному признаку, оказывается очень уязвимой, требующей непрерывного контроля со стороны центральных органов власти.

Таким образом, кризис этничности и отсутствие непротиворечивой концепции нации в России способствует тенденции установления вместо стабильной демократии авторитарного политического режима и унитарного государственного устройства, а политизация этничности сегодня продолжает оставаться одним из ключевых политических процессов в контексте российского государственного строительства.

Примечания

- 1 См.: Борисов Т., Фалалеев М. 282-я просит защиты // Рос. газ. 2010. 15 дек. № 5362(283) ; Выжуртович В. Манеж агрессии // Рос. газ. 2010. 17 дек. № 5365(286) ; Фалалеев М. Скорбь и провокация // Рос. газ. 2010. 13 дек. № 5360(281) ; Чезгорский Н. События на Манежной площади: как не допустить превращения народа в толпу? // Известия. 2010. 14 декабря.
- 2 См.: Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С. 9–30.
- 3 Там же.
- 4 Х. Линц подчёркивает возможность мобилизации масс и при отсутствии чёткой идеологии, рассматривая этот процесс при авторитаризме как ненужную угрозу существующему порядку. Это связано с тем, что мобилизуемые/мобилизуемые массы начинают создавать, продуцировать «идеологию», вокруг которой и происходит мобилизация.
- 5 См.: Истон Д. Системный анализ политической жизни. М., 1995.
- 6 См.: Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- 7 См.: Трофимов В. К. Душа русского народа. Екатеринбург, 1998; Судьба России: Национальная идея и её исторические модификации : докл. пятой Всерос. конф. Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г. Екатеринбург, 2003 ; Ольшанский Д. А. Национальная психология русского народа в «L'idee Ruse» Владимира Соловьёва // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 2001 ; и др.
- 8 См.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М., 1998 ; Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа. М., 2005 ; Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психол. журн. 2000. № 3.
- 9 См.: Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003 ; Садохин А. П. Этнология : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004 ; Хотинцев В. Ю. Этническое самосознание. М., 2000 ; Дробизжева Л. М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. № 2 ; Мухина В. С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. 2001. № 4.
- 10 См.: Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2001 ; Гринфелд Л. Национализм и разум // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007. С. 105–121 ; Elias Hose Palti. The nation as a problem: Historians and the «national question» // History and Theory. 2001. October. P. 324–346 ; Miller D. The Ethical significance of nationality // Ethics 88. 88. July. P. 647–662 ; Kalhoun G. Nationalism and Ethnicity // Annu. Rev. Sociol. 1993. 19. P. 211–239 ; Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. L. ; N.Y., Taylor & Francis e-Library, 2004.
- 11 См. программный труд: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

- ¹² См. программный труд: *Тишков В. А.* Указ. соч.
- ¹³ *Головнёв А. В.* Дрейф этничности // Урал. ист. вестн. 2009. № 4(25). С. 51.
- ¹⁴ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁵ См.: *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 115–125.
- ¹⁶ См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- ¹⁷ *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания / под ред. А. А. Вилкова. Саратов, 2008. С. 9–12.
- ¹⁸ *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России. С. 9.
- ¹⁹ См.: *Зевако Ю. В.* Праздники и идентичность: конструирование светскости в многонациональном районе // Конструирование «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. студ. и аспирантов. СПб., 2010. С. 47–51.
- ²⁰ По материалам этнографических экспедиций 2008–2009 гг. в Нижнесергинском и Красноуфском районах Свердловской области под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва по гранту РГНФ-Урал № 08-01-83113а/У.

УДК 342

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. В. Козлов

Мордовский государственный университет
E-mail: kozkovleonid@mail.ru

В статье анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу пределов ограничения права собственности за весь период его существования.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правовые позиции, право частной собственности.

Socio-Political and Legal Significance of Principle of Inviolability of the Property in the Constitutional Court of the Russian Federation Decisions

L. V. Kozlov

The law positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the question of the right of private property restriction limits during its existence are analyzed in the article.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, law positions, right of private property.

Конституционный Суд Российской Федерации за весь период своего существования неоднократно обращался к вопросам защиты права частной собственности. Он выработал ряд правовых позиций, касающихся пределов ограничения права собственности. Так, рассматривая дело о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции», Конституционный Суд РФ выработал правовую позицию относительно ограничения права собственности и пределов этого ограничения в Российской Федерации¹.

По утверждению заявителей, взыскание органами налоговой полиции соответствующих платежей, включая недоимки по налогам, а также сумм штрафов и иных предусмотренных зако-

нодательством санкций с юридических лиц не в судебном (как это предусмотрено для физических лиц), а в бесспорном порядке, нарушает конституционное право частной собственности.

Конституционный Суд РФ исходил из тех положений теории собственности и норм Конституции РФ, согласно которым право частной собственности не является абсолютным и не принадлежит к тем правам, которые в соответствии со ст. 56 Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях. Следовательно, по смыслу ст. 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оно может быть ограничено федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ч. 2 ст. 29). Аналогичное положение о допустимости ограничения прав человека и гражданина предусмотрено также Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. (ст. 4).

- ¹² См. программный труд: *Тишков В. А.* Указ. соч.
- ¹³ *Головнёв А. В.* Дрейф этничности // Урал. ист. вестн. 2009. № 4(25). С. 51.
- ¹⁴ *Бромлей Ю. В.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁵ См.: *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 115–125.
- ¹⁶ См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- ¹⁷ *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания / под ред. А. А. Вилкова. Саратов, 2008. С. 9–12.
- ¹⁸ *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России. С. 9.
- ¹⁹ См.: *Зевако Ю. В.* Праздники и идентичность: конструирование светскости в многонациональном районе // Конструирование «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. студ. и аспирантов. СПб., 2010. С. 47–51.
- ²⁰ По материалам этнографических экспедиций 2008–2009 гг. в Нижнесергинском и Красноуфском районах Свердловской области под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва по гранту РГНФ-Урал № 08-01-83113а/У.

УДК 342

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. В. Козлов

Мордовский государственный университет
E-mail: kozkovleonid@mail.ru

В статье анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу пределов ограничения права собственности за весь период его существования.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правовые позиции, право частной собственности.

Socio-Political and Legal Significance of Principle of Inviolability of the Property in the Constitutional Court of the Russian Federation Decisions

L. V. Kozlov

The law positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the question of the right of private property restriction limits during its existence are analyzed in the article.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, law positions, right of private property.

Конституционный Суд Российской Федерации за весь период своего существования неоднократно обращался к вопросам защиты права частной собственности. Он выработал ряд правовых позиций, касающихся пределов ограничения права собственности. Так, рассматривая дело о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции», Конституционный Суд РФ выработал правовую позицию относительно ограничения права собственности и пределов этого ограничения в Российской Федерации¹.

По утверждению заявителей, взыскание органами налоговой полиции соответствующих платежей, включая недоимки по налогам, а также сумм штрафов и иных предусмотренных зако-

нодательством санкций с юридических лиц не в судебном (как это предусмотрено для физических лиц), а в бесспорном порядке, нарушает конституционное право частной собственности.

Конституционный Суд РФ исходил из тех положений теории собственности и норм Конституции РФ, согласно которым право частной собственности не является абсолютным и не принадлежит к тем правам, которые в соответствии со ст. 56 Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях. Следовательно, по смыслу ст. 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оно может быть ограничено федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ч. 2 ст. 29). Аналогичное положение о допустимости ограничения прав человека и гражданина предусмотрено также Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. (ст. 4).

Анализируя заявление и доводы заявителей, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что взыскание налога не может расцениваться как произвольное лишение собственника его имущества, — оно представляет собой законное изъятие части имущества, вытекающее из конституционной публично-правовой обязанности. В этой обязанности налогоплательщиков (в том числе граждан, занятых предпринимательской деятельностью с образованием юридического лица) воплощен публичный интерес всех членов общества. Вследствие этого спор по поводу невыполнения налогового обязательства находится в рамках публично-го, а не гражданского права. Поэтому наделение налогового органа полномочием действовать властнообязывающим образом при бесспорном взыскании налоговых платежей правомерно в той степени, в какой такие действия остаются в рамках именно налоговых имущественных отношений, а не приобретают характер гражданско-правовых, административно-правовых или уголовно-правовых санкций. В связи с этим исполнение налогового обязательства, равно как и соответствующих требований налогового органа об уплате налога, в случае несогласия с ним налогоплательщика не может быть временно прекращено или приостановлено, если это не предусмотрено законом. При этом налогоплательщику гарантируется право на судебное обжалование решений и действий налоговых органов. Следовательно, бесспорный порядок взысканий налоговых платежей с юридических лиц при наличии последующего судебного контроля как способа защиты прав юридического лица не противоречит Конституции РФ.

Что касается физических лиц, то к ним применим предварительный судебный контроль, поскольку юридическое лицо, в отличие от гражданина — физического лица, имеет обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам именно этим имуществом. Гражданин же, в случае, если он является индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица, использует свое имущество не только для занятия предпринимательской деятельностью, но и в качестве собственника личного имущества, необходимого для осуществления неотчуждаемых прав и свобод. Имущество гражданина в этом случае юридически не разграничено. Поэтому взыскание налоговых платежей с физических лиц в бесспорном порядке явилось бы выходом за рамки собственно налоговых публично-правовых отношений и вторжением в гражданско-правовые отношения. Отсюда для физических лиц оно недопустимо. Поэтому для физических лиц действует предварительный судебный контроль с приостановлением на определенный период до вынесения судебного решения выплаты налогов и сборов.

В случае неуплаты налога в установленный срок законодатель вправе добавить дополнительный платеж — пеню как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения

налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога. Бесспорный порядок взыскания этих платежей с налогоплательщика — юридического лица вытекает из обязательного и принудительного характера налога в силу закона. Следовательно, такой порядок взыскания платежей не противоречит Конституции РФ.

Возражение у Конституционного Суда РФ вызвал бесспорный порядок взыскания штрафов, поскольку такое взыскание по своему существу выходит за рамки налогового обязательства как такового. Они носят не восстановительный, а карательный характер и являются наказанием за налоговое правонарушение. При наличии налогового правонарушения орган налоговой полиции вправе принять решение о взыскании штрафа с юридического лица. Это решение может быть обжаловано в судебном порядке или в вышестоящий налоговый орган. В случае такого обжалования взыскание штрафа не может производиться в бесспорном порядке, а должно быть приостановлено до вынесения судом решения по жалобе налогоплательщика. Следовательно, бесспорный порядок взыскания штрафов, в случае несогласия налогоплательщика с решением органа налоговой полиции является превышением конституционно допустимого ограничения права, закрепленного в ст. 35 (ч. 3) Конституции РФ, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Таким образом, пределами ограничения права собственности является правовой режим взыскания на имущество собственника. Право собственности при этом может быть ограничено только в связи с карательными санкциями государства, и распространяться на имущество должника. Здесь, в случае несогласия должника, действует предварительный судебный контроль. Во всех остальных случаях взыскания долга, не связанного с карательными санкциями, ограничение права собственности является ограничением на законных основаниях, соответствует нормам Конституции Российской Федерации и может проводиться в бесспорном порядке с последующим судебным контролем.

В другом своем решении от 20 мая 1997 г. по делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 ст. 242 и ст. 280 Таможенного кодекса Российской Федерации Конституционный Суд РФ также высказался по вопросу ограничения права собственности и подтвердил выработанные ранее правовые позиции. Предметом исследования Суда стали нормы Таможенного кодекса, предусматривающие право таможенных органов осуществлять наряду с другими видами взысканий конфискацию товаров и транспортных средств в качестве объектов нарушения таможенных правил².

Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что конфискация указанного имущества осуществляется таможенными органами в целях защиты экономической безопасности Российской Федера-

ции, а также прав граждан. Возникающие при этом отношения между органами государства, с одной стороны, и юридическими и физическими лицами – с другой, имеют публично-правовой характер. Им обусловлен иной, в отличие от частноправовой сферы, порядок отношений между государством и лицами, допустившими нарушение установленных законом правил. Этот порядок, в частности, предполагает закрепление в Таможенном кодексе составов правонарушений и соответствующих санкций в отношении нарушителей, в том числе конфискацию товаров и транспортных средств у лиц, допустивших нарушение таможенных правил.

Такая конфискация имущества не может рассматриваться как нарушающая, закрепленное в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ положение о том, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда», несмотря на то, что любая конфискация есть принудительное прекращение права собственности. Если лицо не согласно с изъятием имущества в виде административного решения о конфискации, оно имеет возможность оспорить его правильность в суде. Отсюда для лиц, нарушивших таможенное законодательство и в отношении которых компетентные государственные органы применяют санкции за совершенное правонарушение, право на использование конституционной гарантии защиты частной собственности посредством суда сохраняется, но эта защита будет иметь место на основе последующего судебного контроля. Другими словами, для лиц, нарушающих законодательство и привлекаемых к административной ответственности, судебная защита носит не предварительный, а последующий характер. При этом решение компетентных органов о конфискации имущества само по себе не является прекращением права собственности, поскольку конфискованное имущество обращается в собственность государства только лишь после истечения срока обжалования в вышестоящие таможенные органы или в суд. В случае подачи жалобы постановление о конфискации имущества может быть исполнено не ранее принятия судом решения об отклонении жалобы и признании вынесенного постановления законным и обоснованным.

Следовательно, вынесенное таможенными органами постановление о конфискации имущества в виде санкции за таможенное правонарушение при наличии гарантии последующего судебного контроля как способа защиты прав собственника не противоречит требованиям Конституции Российской Федерации. Поэтому пределом ограничения права собственности, исходя из анализируемых позиций Конституционного Суда РФ, является наличие деликта при осуществлении права собственности на определенное имущество, указывающего на противоправность деяния, за которое может последовать ограничение права собственности на основе административного ре-

шения о конфискации имущества с возможностью последующего судебного контроля.

В решении по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 380 Таможенного кодекса Российской Федерации³, дополняя выработанные ранее правовые позиции относительно ограничения права собственности, связанные с конфискацией имущества как санкции за административное правонарушение, Конституционный Суд РФ указал на то, что такого рода меры должны отвечать требованиям справедливости, быть соразмерны конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, а также характеру совершенного деяния. Такие меры допустимы, если они основываются на законе, служат общественным интересам и не являются чрезмерными.

Критериями (принципами) ограничения права собственности, содержащимися в постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об акционерных обществах», являются: справедливость, адекватность, пропорциональность, соразмерность и необходимость для защиты конституционно-значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц⁴.

Справедливыми, пропорциональными, соразмерными, необходимыми для защиты конституционно-значимых ценностей являются положения указанного федерального закона, на основании которых акционерное общество подлежит ликвидации по решению суда, если стоимость его чистых активов становится меньше определенного законом минимального размера уставного капитала, поскольку по конституционно-правовому смыслу данной нормы предполагается, что отрицательное значение чистых активов как формальное условие ликвидации акционерного общества призвано отображать его финансовую несостоятельность и неспособность исполнять свои обязанности перед кредиторами, что может нарушить права других лиц.

В определении от 7 декабря 2006 г.⁵ Конституционный Суд РФ в более емком виде высказался по вопросу пределов ограничения права частной собственности, которое не принадлежит к абсолютным, не подлежащим ограничению правам. Возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования, распоряжения имуществом, исходя из общих принципов права, должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно-значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц.

На допустимость ограничения права частной собственности указывает и правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в определении от 1 октября 2008 г. в отношении государственной регистрации транспортных

средств⁶. Согласно ей сама по себе государственная регистрация транспортных средств в качестве обязательного условия для осуществления собственниками принадлежащих им имущественных прав на автомобили, а именно для использования в дорожном движении, в определенной степени ограничивает право собственности. Однако такое ограничение нельзя рассматривать как недопустимое, поскольку оно имеет целью защиту здоровья, прав и законных интересов, как самих собственников, так и других лиц, в том числе права на обеспечение эффективного противодействия преступлениям и другим правонарушениям, связанным с использованием транспортных средств, а сами по себе регистрационные действия являются формой административного контроля с целью соблюдения конституционных прав граждан и гарантирования их имущественных интересов.

В решении от 16 июля 2008 г. по делу о проверке конституционности ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ Конституционный Суд РФ на основе анализа конституционных норм, касающихся права собственности, пришел к выводу о том, что в Конституции РФ выражен, по сути, один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в цивилизованных государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех ее составляющих, таких как владение, пользование и распоряжение своим имуществом.

В силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем, чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей, и лицо не подвергалось чрезмерному обременению.

Конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере. Это означает, что в случаях изъятия имущества у собственника, независимо от оснований такого изъятия (в том числе для обеспечения производства по уголовному делу), поскольку оно носит принудительный характер и предполагает наличие спора о праве на данное имущество, в обязательном порядке должен осуществляться эффективный судебный контроль.

Собственность как цивилизованная основа и выражение свободы человека является не-

обходимым условием свободы экономической деятельности, предполагающей свободу договора и равенство субъектов этой деятельности, правовое положение которых предопределяется закрепленными Конституцией РФ правом частной собственности, а также гарантиями данного права и критериями возможных его ограничений. Указанные фундаментальные правовые начала собственности и свободы экономической деятельности лежат в основе любого законодательного регулирования в сфере отношений собственности, включая определение оснований и порядка возникновения, изменения и прекращения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также соответствующего объема их защиты и правомерных ограничений.

Не вникая в существо конституционного спора по данному делу, необходимо обратить внимание на ряд фундаментальных выводов Конституционного Суда относительно собственности, прав собственности и экономической деятельности, в основе которой лежат отношения собственности. Эти выводы Суда можно выразить в следующих основных положениях:

1) принцип неприкосновенности собственности выступает гарантией права собственности во всех его проявлениях – пользовании, владении, распоряжении;

2) принцип неприкосновенности собственности выражают конституционные гарантии собственности и допустимость лишения имущества только по решению суда;

3) вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности;

4) конституционные гарантии охраны частной собственности распространяются как на сферу гражданско-правовых, так и на сферу публично-правовых отношений;

5) собственность, как основа и выражение свободы человека, является одновременно и необходимым условием свободы экономической деятельности.

Эти выводы Конституционного Суда РФ рассматриваются нами как его вклад в теорию конституционного права. Они углубляют и развивают научные положения о собственности и праве собственности.

Примечания

- 1 Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1992–1996. М., 1997. С. 477–484.
- 2 Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1997–1998. М., 2000. С. 78–81.
- 3 Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1999. М., 2000. С. 88–100.

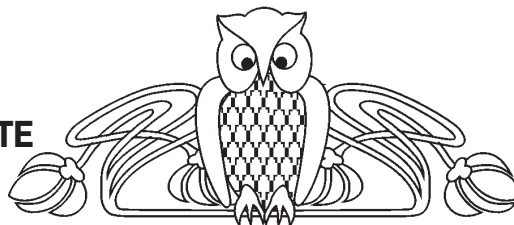

- ⁴ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2003. М., 2004. С. 167–182.
⁵ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2006. М., 2007. С. 707–711.

- ⁶ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2008. М., 2009. С. 400–403.
⁷ Там же. С. 129–141.

УДК 004:352

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Р. И. Хабибуллин

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
E-mail: stalin55e@yandex. ru

В статье рассматриваются политико-правовые проблемы информационного развития органов местного самоуправления в контексте административной реформы. Особое внимание уделено вопросам создания эффективных мер по информатизации деятельности органов исполнительной власти, а также анализ зарубежной и российской практики по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: информационная деятельность органов местного самоуправления, муниципальные информационные ресурсы, информационные услуги, информационные технологии.

Political and Legal Problems of Information Development of Local Self-Government in the Context of Administrative Reform

R. I. Khabibullin

The article deals with political and legal challenges of the information of local authorities in the context of administrative reform. Particular attention is paid to establishing effective measures for the information of executive authorities, as well as analysis of Russian and foreign practices on the present issues.

Key words: information activities of local governments, municipal information resources, information services, information technology.

Современные информационные технологии создают лучшие условия для политической и экономической самоорганизации общества. Приоритетное развитие и широкое практическое использование современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах жизнедеятельности общества является для нас сегодня необходимым условием инновационного развития экономики, обеспечения конкурентоспособности. Отсутствие внимания к этой проблеме ставит под угрозу национальную безопасность страны, понижает уровень и качество жизни наших сограждан¹.

Теоретические основы правового регулирования общественных отношений, формирующихся в процессе использования информационных технологий в деятельности исполнительных органов власти, – тема, приобретающая все большую

актуальность в России и за рубежом. Связано это со многими факторами:

- глобализацией информационно-коммуникационных технологий;
- значительными социально-экономическими изменениями в российском обществе;
- информатизацией управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления².

Проблемы выбора эффективного механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления информационной деятельности органами государственной власти, становятся все более актуальными как для большинства развитых государств, международных организаций, так и для населения в целом (потребителей различных товаров, работ и услуг), распределяемых с использованием сети Интернет. Особое значение указанные проблемы приобретают для Российской Федерации с учетом фактического отсутствия эффективно функционирующего, закрепленного на законодательном уровне правового механизма обеспечения информационной безопасности, наличия существенного отставания России от большинства развитых государств и ряда государств с переходными экономиками по уровню внедрения информационно-коммуникационных технологий во многие сферы жизнедеятельности.

При этом, как показала практика, невозможно в полной мере воспользоваться и опытом западных стран. На сегодняшний день не существует признанной во всем мире единой концепции регулирования общественных отношений, формирующихся в информационной среде, отсутствуют универсальные международные конвенции в указанной сфере³. В индустриально развитых государствах (США, Япония, Великобритания, Франция, Германия и др.) и в государствах с переходными типами экономики (Филиппины, Тунис, Египет, Индия и др.) используются концептуально различные подходы к формированию системы актов, призванных регулировать информационные отношения, формирующиеся в процессе деятельности органов исполнительной власти. Указанное обусловлено тем, что в индустриально развитых

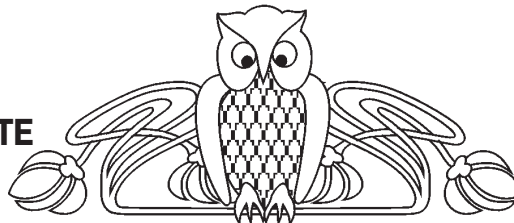

- ⁴ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2003. М., 2004. С. 167–182.
⁵ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2006. М., 2007. С. 707–711.

- ⁶ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2008. М., 2009. С. 400–403.
⁷ Там же. С. 129–141.

УДК 004:352

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Р. И. Хабибуллин

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
E-mail: stalin55e@yandex. ru

В статье рассматриваются политико-правовые проблемы информационного развития органов местного самоуправления в контексте административной реформы. Особое внимание уделено вопросам создания эффективных мер по информатизации деятельности органов исполнительной власти, а также анализ зарубежной и российской практики по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: информационная деятельность органов местного самоуправления, муниципальные информационные ресурсы, информационные услуги, информационные технологии.

Political and Legal Problems of Information Development of Local Self-Government in the Context of Administrative Reform

R. I. Khabibullin

The article deals with political and legal challenges of the information of local authorities in the context of administrative reform. Particular attention is paid to establishing effective measures for the information of executive authorities, as well as analysis of Russian and foreign practices on the present issues.

Key words: information activities of local governments, municipal information resources, information services, information technology.

Современные информационные технологии создают лучшие условия для политической и экономической самоорганизации общества. Приоритетное развитие и широкое практическое использование современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах жизнедеятельности общества является для нас сегодня необходимым условием инновационного развития экономики, обеспечения конкурентоспособности. Отсутствие внимания к этой проблеме ставит под угрозу национальную безопасность страны, понижает уровень и качество жизни наших сограждан¹.

Теоретические основы правового регулирования общественных отношений, формирующихся в процессе использования информационных технологий в деятельности исполнительных органов власти, – тема, приобретающая все большую

актуальность в России и за рубежом. Связано это со многими факторами:

- глобализацией информационно-коммуникационных технологий;
- значительными социально-экономическими изменениями в российском обществе;
- информатизацией управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления².

Проблемы выбора эффективного механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления информационной деятельности органами государственной власти, становятся все более актуальными как для большинства развитых государств, международных организаций, так и для населения в целом (потребителей различных товаров, работ и услуг), распределяемых с использованием сети Интернет. Особое значение указанные проблемы приобретают для Российской Федерации с учетом фактического отсутствия эффективно функционирующего, закрепленного на законодательном уровне правового механизма обеспечения информационной безопасности, наличия существенного отставания России от большинства развитых государств и ряда государств с переходными экономиками по уровню внедрения информационно-коммуникационных технологий во многие сферы жизнедеятельности.

При этом, как показала практика, невозможно в полной мере воспользоваться и опытом западных стран. На сегодняшний день не существует признанной во всем мире единой концепции регулирования общественных отношений, формирующихся в информационной среде, отсутствуют универсальные международные конвенции в указанной сфере³. В индустриально развитых государствах (США, Япония, Великобритания, Франция, Германия и др.) и в государствах с переходными типами экономики (Филиппины, Тунис, Египет, Индия и др.) используются концептуально различные подходы к формированию системы актов, призванных регулировать информационные отношения, формирующиеся в процессе деятельности органов исполнительной власти. Указанное обусловлено тем, что в индустриально развитых

государствах, начиная со второй половины XX в., соответствующее законодательство формировалось поэтапно, эволюционируя по мере развития предшествовавших современным, «досетевых» коммуникационных технологий. На современном этапе эволюция информационного законодательства всех индустриально развитых стран характеризуется принятием законов об электронных цифровых подписях и концептуальных актов о перспективных направлениях национальной информационно-правовой политики, с одновременным обновлением с учетом глобализации информационно-коммуникационных технологий соответствующих положений многочисленных актов, регулирующих банковские, административные, налоговые и торговые отношения, а также норм о юридической ответственности субъектов электронной коммерции.

В государствах с переходными типами экономики формирование информационного законодательства, соответствующего современному уровню развития информационно-коммуникационных технологий, достигнутому в индустриально развитых государствах, и преодоление (сокращение) образовавшегося разрыва осуществляется «революционным» путем посредством принятия комплексных нормативных правовых актов, системно регулирующих различные аспекты внедрения информационно-коммуникационных технологий. Представляется предпочтительным использование такого концептуального подхода при формировании современной системы информационного законодательства в Российской Федерации⁴.

В зарубежных государствах предметными областями регулирования комплексных нормативных правовых актов, либо системы актов информационного законодательства в совокупности выступают вопросы: правового режима киберпространства; защиты персональных данных в киберпространстве; юридического признания сделок, осуществляемых с использованием электронной обмена данными в процессе электронной коммерции; режимов использования электронной цифровой подписи; статуса сертифицирующих органов электронной цифровой подписи; безопасности электронных записей и цифровых подписей. Представляется, что опыт зарубежных государств может быть использован при выявлении подлежащих регулированию предметных областей в процессе формирования и совершенствования информационного законодательства в Российской Федерации.

В настоящее время российское законодательство не содержит эффективно действующих законодательных актов федерального уровня, специально посвященных системному регулированию общественных отношений, формирующихся в процессе использования информационных технологий органами государственной власти и местного самоуправления. Практически не

урегулирован порядок осуществления с использованием информационных технологий различных видов экономической деятельности, а равно порядок формирования в России системы государственного и муниципального электронного управления, аналогичной зарубежным образцам, используемым в настоящее время (e-Government – электронное правительство)⁵.

Вышеназванные обстоятельства, а равно комплекс иных проблем, связанных с изменениями как в направлении развития информационного общества в целом, так и в осмыслении составных элементов существующей правовой системы, создают ситуацию особой актуальности исследования правового механизма регулирования в Российской Федерации информационной деятельности.

Для решения поставленных проблем необходимо разработать с учетом отечественной и зарубежной практики информационно-правового регулирования и обоснования концепции формирования системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе использования информационных ресурсов.

Значимость процесса информатизации административной сферы в современной России подчеркивается в официальных выступлениях первых лиц страны. В послании Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 г. Президент Д. А. Медведев заявил, что одной из приоритетных задач технологической модернизации является развитие стратегических и информационных технологий, развитие доступности государственных услуг через электронные каналы связи, особо было подчеркнуто значение электронного правительства для решения проблем коррупции и предоставления более удобных и качественных услуг обществу⁶.

Таким образом, разработка эффективных мер по информатизации деятельности органов исполнительной власти в современной российской практике является актуальной проблемой. Исследование в этой области представляется значимым как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Целью информатизации муниципального управления является создание условий для принятия эффективных решений по управлению городом как целостной социально-экономической системой. Без эффективного применения информационных технологий никогда не решить поставленной Президентом РФ в своем Послании Федеральному Собранию задачи по экономической модернизации нашей страны.

Одной из основных и перспективных форм информационно-коммуникационных технологий в настоящее время является такая система, как «Электронное Правительство». Это система государственного управления, основанная на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны и служащая цели

существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества. Анализ ситуации, сложившейся в процессе данного нововведения, указывает на необходимость формирования иерархической системы: «Электронное Правительство РФ» – «Электронное Правительство региона» – «Электронный муниципалитет»⁷.

Информационные технологии являются одним из ключевых факторов устойчивого социально-экономического развития муниципального образования. Информация о наличии всех ресурсов муниципального образования создается низовым звеном управленческого аппарата и служит основой для принятия управленческих решений. Основной недостаток подобной системы – ее разобщенность и, как следствие, слабая восприимчивость при принятии управленческих решений, нацеленных на долгосрочную перспективу. Одним из инструментов, позволяющих получить объективную информацию о наличии ресурсов в режиме реального времени, являются информационные технологии⁸.

Сегодня основной задачей любого муниципального образования в области применения информационных технологий является обеспечение качественными услугами, ускорение работы с населением и достижение максимальной прозрачности деятельности органов исполнительной власти на местах. В настоящий момент времени одним из резервов повышения качества обслуживания граждан и юридических лиц является использование электронной цифровой подписи.

На данном этапе сложилась ситуация, когда коренные социальные трансформации совпали по времени с революционными изменениями информационно-технологической среды. Для населения это означает необходимость одновременной «двойной» адаптации: к новым социально-экономическим реалиям и к новым требованиям информационной среды.

К основным проблемам эффективного использования информационных технологий на местном уровне можно отнести следующие.

1. Существование информационного неравенства как одной из составляющих социального неравенства. В настоящее время наряду с прогрессом в области информатизации возникает нарастающее отставание уровня информированности населения о своих возможностях получения информации, что подтверждает и углубляет информационное неравенство.

2. Остается нерешенным вопрос о правомочности электронного документа, а также о том, каким образом можно сделать правомочную бумажную копию электронного документа. Эксперты приводят пример решения данной проблемы в Италии, например, работает сертифицированная электронная почта, которую государство ввело нормативным актом. Все организации обязаны

иметь в этой системе свои почтовые электронные ящики. Граждане тоже имеют такое право, причем для них услуга бесплатная. Письмо, написанное с помощью этой почты, автоматически становится юридически значимым. Оно может иметь или не иметь ЭЦП, но у него есть авторство, а доставку гарантирует сама почта.

В России также существует решение данной проблемы – в Татарстане созданы институты уполномоченных внутриведомственных «нотариусов», которые заверяют бумажную распечатку юридически значимого электронного документа. Но в целом в РФ эта проблема не решена – не хватает нормативных актов. Таким образом, необходима юридическая «легализация» электронного документооборота.

3. К сожалению, сейчас недооценивается важность стандартизации в области электронного документооборота. Большие средства вкладываются в разработку программных и аппаратных средств, но практически не финансируется разработка стандартов, например, типовых требований к системам и их взаимодействию, терминологических и т. д.

В итоге можно сделать вывод о том, что для развития и укрепления информационной инфраструктуры необходимо разработать экономико-правовые основы, включающие, во-первых, законодательные и нормативные акты, определяющие права и обязанности юридических и физических лиц по формированию и использованию информационных ресурсов, средств их обработки и доставки; во-вторых, экономические регуляторы, обеспечивающие стимулирование активного формирования и использования информационных ресурсов.

Органы государственной власти не в полной мере используют возможности информационной среды для повышения прозрачности и эффективности своей деятельности. Кроме того, отмечается, что развитие муниципального электронного управления должно осуществляться посредством внедрения специальных программ управления принятием решений по отдельным местным вопросам экономики, политики, культуры или социального обслуживания населения. Такие программы должны финансироваться из местного бюджета и быть направлены на создание городских интегрированных систем социально ориентированных информационных ресурсов и услуг.

Примечания

- 1 См.: *Тедеев А. А.* Теоретические основы правового регулирования информационных отношений, формирующихся в глобальных компьютерных сетях. М.: Манускрипт, 2007.
- 2 См.: *Павлютенкова М. Ю., Сваруп А. А.* Социально-политические аспекты концепции «Электронное правительство» // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество : тр. VII Всерос.

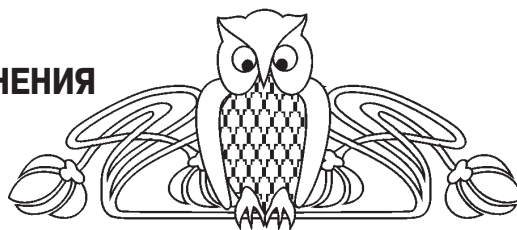
- объединенной конф. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004 г. СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 193–195.
- ³ См.: *Разуваева В. В.* Роль информатизации в повышении качества процесса управления // Труды экономического и социально-гуманитарного факультета / РГГМУ. Вып. 2. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2008.
- ⁴ См.: *Сеидов Ш. Г.* Формирование единого информационного пространства региона // Регионология. 2008. № 1. С. 217–220.
- ⁵ *Григорьев П. В.* Электронное правительство в России: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2009. № 3. С. 179–184.
- ⁶ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009 г. // Рос. газ. 2009. № 214. 13 нояб.; Парламент. газ. 2009. № 60. 13–19 нояб.
- ⁷ См.: *Громушкин А.* Инновационное решение «Электронный муниципалитет» в период кризиса // Губерн. деловой журн. 2009. № 4.
- ⁸ См.: *Саак А., Пахомов Е.* Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении // Муниципальная власть. 2008. № 2. С. 64–77.

УДК 352/ 354 (470+571)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ф. З. Хасанов

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
E-mail: tackbir@mail.ru

Статья посвящена актуальным аспектам политики государства в области здравоохранения в условиях модернизации российского общества. Государственная политика в области здравоохранения объективно необходима для любого государства, так как здравоохранение является особой сферой деятельности государства по обеспечению прав граждан на жизнь и здоровье и в связи с этим должно стать одним из приоритетных направлений в политической, экономической и социальной жизни страны и общества.

Ключевые слова: политика государства, здравоохранение, модернизация, российское общество, охрана здоровья.

The Specific Features of Politico-Legal Settlement of Actual Problems, of the Development and Realization of the State Policy in the Health Protection

F. Z. Hasanov

The article is devoted to the actual aspects of the state policy in the Health Protection sphere in conditions of modernization of Russian society.

Key words: state policy, health protection, modernization of Russian society, health protection.

Социальная политика развитых государств, являющихся членами Совета Европы, направлена не на уменьшение, а лишь на изменение своей деятельности с использованием определенных ориентиров, стимулирующих более эффективное развитие систем государственного управления здравоохранением. Следовательно, здравоохранение должно обладать компетенцией, способной регулировать предоставление медицинских услуг на договорной основе, и другими механизмами рыночного типа для достижения социальных целей, обеспечения укрепления здоровья, качества и эффективности медико-санитарной помощи¹.

В 1990–2010 гг., в России ежегодно умирало более 2 млн человек, что в расчете на 1000 человек в 2 раза больше, чем в Европе, и в 1,5 раза больше, чем в среднем в мире. По показателю ожидаемой продолжительности жизни населения Россия также все больше отстает от экономически развитых стран. Между тем, если бы не огромные, сопоставимые с уровнем военного времени, потери от депопуляции, то население России в настоящее время превосходило бы существующий уровень более чем на 17 млн человек и составляло бы около 160 млн жителей.

«Основной причиной низкой продолжительности жизни населения в Российской Федерации является высокая смертность граждан трудоспособного возраста. Из общего числа умерших почти треть составляют граждане трудоспособного возраста. Смертность от заболеваний сердечно-сосудистой системы, составляющая 55% смертности от всех причин, в России в 3–4 раза выше, чем в европейских странах. Среди причин смерти в трудоспособном возрасте значительную долю (более 30%) составляют внешние причины – случайные отравления, самоубийства, убийства, транспортные происшествия, прочие несчастные случаи». Уровень смертности обусловлен также высоким уровнем заболеваемости населения, распространенностью алкоголизма, наркомании, табакокурения. В стране «не созданы условия, побуждающие людей бережно относиться к собственному здоровью и здоровью своих детей»².

Основу для реализации политики государства в области здравоохранения заложила Конституция РФ 1993 г. как основной источник всех прав и свобод граждан. Статьи 38–42 Конституции закрепляют права человека на охрану его здоровья через системы социального обеспечения, удовлет-

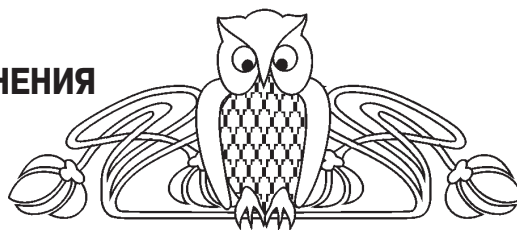
- объединенной конф. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004 г. СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 193–195.
- ³ См.: *Разуваева В. В.* Роль информатизации в повышении качества процесса управления // Труды экономического и социально-гуманитарного факультета / РГГМУ. Вып. 2. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2008.
- ⁴ См.: *Сеидов Ш. Г.* Формирование единого информационного пространства региона // Регионология. 2008. № 1. С. 217–220.
- ⁵ *Григорьев П. В.* Электронное правительство в России: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2009. № 3. С. 179–184.
- ⁶ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009 г. // Рос. газ. 2009. № 214. 13 нояб.; Парламент. газ. 2009. № 60. 13–19 нояб.
- ⁷ См.: *Громушкин А.* Инновационное решение «Электронный муниципалитет» в период кризиса // Губерн. деловой журн. 2009. № 4.
- ⁸ См.: *Саак А., Пахомов Е.* Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении // Муниципальная власть. 2008. № 2. С. 64–77.

УДК 352/ 354 (470+571)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ф. З. Хасанов

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
E-mail: tackbir@mail.ru

Статья посвящена актуальным аспектам политики государства в области здравоохранения в условиях модернизации российского общества. Государственная политика в области здравоохранения объективно необходима для любого государства, так как здравоохранение является особой сферой деятельности государства по обеспечению прав граждан на жизнь и здоровье и в связи с этим должно стать одним из приоритетных направлений в политической, экономической и социальной жизни страны и общества.

Ключевые слова: политика государства, здравоохранение, модернизация, российское общество, охрана здоровья.

The Specific Features of Politico-Legal Settlement of Actual Problems, of the Development and Realization of the State Policy in the Health Protection

F. Z. Hasanov

The article is devoted to the actual aspects of the state policy in the Health Protection sphere in conditions of modernization of Russian society.

Key words: state policy, health protection, modernization of Russian society, health protection.

Социальная политика развитых государств, являющихся членами Совета Европы, направлена не на уменьшение, а лишь на изменение своей деятельности с использованием определенных ориентиров, стимулирующих более эффективное развитие систем государственного управления здравоохранением. Следовательно, здравоохранение должно обладать компетенцией, способной регулировать предоставление медицинских услуг на договорной основе, и другими механизмами рыночного типа для достижения социальных целей, обеспечения укрепления здоровья, качества и эффективности медико-санитарной помощи¹.

В 1990–2010 гг., в России ежегодно умирало более 2 млн человек, что в расчете на 1000 человек в 2 раза больше, чем в Европе, и в 1,5 раза больше, чем в среднем в мире. По показателю ожидаемой продолжительности жизни населения Россия также все больше отстает от экономически развитых стран. Между тем, если бы не огромные, сопоставимые с уровнем военного времени, потери от депопуляции, то население России в настоящее время превосходило бы существующий уровень более чем на 17 млн человек и составляло бы около 160 млн жителей.

«Основной причиной низкой продолжительности жизни населения в Российской Федерации является высокая смертность граждан трудоспособного возраста. Из общего числа умерших почти треть составляют граждане трудоспособного возраста. Смертность от заболеваний сердечно-сосудистой системы, составляющая 55% смертности от всех причин, в России в 3–4 раза выше, чем в европейских странах. Среди причин смерти в трудоспособном возрасте значительную долю (более 30%) составляют внешние причины – случайные отравления, самоубийства, убийства, транспортные происшествия, прочие несчастные случаи». Уровень смертности обусловлен также высоким уровнем заболеваемости населения, распространенностью алкоголизма, наркомании, табакокурения. В стране «не созданы условия, побуждающие людей бережно относиться к собственному здоровью и здоровью своих детей»².

Основу для реализации политики государства в области здравоохранения заложила Конституция РФ 1993 г. как основной источник всех прав и свобод граждан. Статьи 38–42 Конституции закрепляют права человека на охрану его здоровья через системы социального обеспечения, удовлет-

ворения иных социальных потребностей граждан, в том числе путем осуществления медицинских мер, охраны окружающей среды.

Как справедливо отметил Ю. А. Тихомиров, формула управления на основе закона и посредством закона жизненно необходима в условиях российской действительности. В этой связи предстоит прежде всего освоить положения действующей Конституции.

Реализация конституционных прав граждан в области здравоохранения осуществляется на базе федерального законодательства. Поскольку рамки данного исследования не позволяют рассмотреть большой массив юридических актов (законы, указы, постановления, ведомственные акты и др.), регулирующих политику государства в области здравоохранения, имеет смысл проанализировать массив действующих законов как главных ее регуляторов.

Одним из важнейших законодательных актов о здравоохранении, несомненно, являются Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан³.

Основы законодательно гарантируют охрану здоровья каждого человека в соответствии с Конституцией Российской Федерации, определяют ведущие принципы охраны здоровья граждан, компетенцию органов государственной власти и органов местного самоуправления, основы организации охраны здоровья граждан, их права при получении медико-социальной помощи и прочее.

Отражая в концентрированном виде интересы общества в данной сфере, Основы выступают главным регулятором отношений, возникающих между государством и областью здравоохранения.

Однако Основы лишь устанавливают принципы и определяют общие положения влияния государства на сферу здравоохранения в Российской Федерации. Законодательный массив нарастает. Однако ни Основы законодательства об охране здоровья граждан, ни действующие законодательные акты по политике государства в области здравоохранения не обеспечивают всестороннее регулирование многих значительных отношений, возникающих в сфере здравоохранения по мере реализации гражданами своих прав.

Нужны законы более узкой, конкретно направленной тематики, способные урегулировать политику государства в области здравоохранения по управлению государственной, муниципальной и частной системами здравоохранения; организации лечебно-профилактической и диагностической помощи таким слабо социально защищенным группам населения, как дети и подростки, матери, инвалиды, люди старческого и престарелого возрастов; руководству больничными учреждениями, являющимися центральным звеном практической медицины и представляющими в своей совокупности обширнейшую сеть; охране репродуктивных прав граждан; обеспечению безопасности

пищевых продуктов; санитарной охране почвы, воды, атмосферного воздуха и другое.

Возникла необходимость в принятии дополнительных законодательных актов. Например, в целях охраны здоровья и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия принят Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», который установил правовые основы политики государства в области иммунопрофилактики инфекционных болезней. Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» предусмотрел гарантии государства по нераспространению среди населения одного из самых опасных заболеваний. Осуществление указанных гарантий возложено непосредственно на органы исполнительной власти и органы местного самоуправления в соответствии с их компетенцией.

В политике государства в области здравоохранения накопились серьезные проблемы, требующие безотлагательного решения. К их числу относятся:

- декларативность государственных гарантий бесплатной медицинской помощи, их несбалансированность с имеющимися финансовыми ресурсами;

- отсутствие национальной доктрины охраны здоровья населения страны, системы государственных приоритетов охраны здоровья людей;

- отставание законодательной базы от нужд развития здравоохранения;

- неэффективность сложившейся бюджетно-страховой системы финансирования здравоохранения, которая не способна обеспечить рациональное использование средств для повышения доступности и качества медицинской помощи, преодоления структурных диспропорций в отрасли;

- низкая эффективность использования имеющегося ресурсного потенциала системы здравоохранения, работы первичного амбулаторно-поликлинического звена, неоправданно медленные темпы структурных преобразований в отрасли;

- недостаточно эффективная организация оказания первичной медико-санитарной помощи;

- низкая мотивация организаций и работников здравоохранения к качественной работе и профессиональному росту;

- большой отток кадров из первичного звена и экстренных служб;

- значительный износ основных фондов.

Сохранение недостаточной, лишь частичной обеспеченности государственных гарантий будет способствовать дальнейшему неконтролируемому нарастанию платной медицинской помощи. Бедные люди тратят на лекарства и медицинские услуги гораздо большую долю своих доходов, чем богатые, и поэтому часто вынуждены отказываться

ся от необходимого лечения. Прямым следствием этого является растущее усиление различий в доступности медицинских услуг для разных групп населения.

Усиливается скрытая коммерциализация государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Возрастает имущественное расслоение врачебного корпуса, причем в худшем положении оказываются врачи участковой службы, деятельность которых особенно важна для населения.

Некоторые авторы определяют политику государства как деятельность, связанную с изменением социальных институтов, включая здравоохранение, через которые она проводится. В связи с этим следует обратить внимание на то, что для более эффективного решения проблем управления здравоохранением необходимы институциональная реформа и преобразование существующих учрежденческих, организационных структур и систем управления на правовой основе. Следовательно, дальнейшее развитие системы общественного здоровья и здравоохранения должно быть связано с «определением приоритетов, совершенствованием проводимой политики государства и реформированием институтов, через которые она осуществляется»⁴.

Правильное решение проблем в области здравоохранения способствует:

1) увеличению расходов на здравоохранение (не менее 9% ВВП), так наблюдается прямая зависимость между демографическими показателями и расходами на здравоохранение;

2) развитию здравоохранения, как части экономики страны, созданию рабочих мест, эффективному развитию национальных индустрий: фармацевтической, медицинской техники и информационных технологий;

3) выделению приоритетных направлений для финансирования, например, информатизация и управление хроническими заболеваниями;

4) совершенствованию непрерывного медицинского образования медицинских работников через современные клинические рекомендации, основанные на доказательной медицине, электронные информационно-образовательные системы, в том числе и через Интернет. Ответственность за методологию, реализацию и контроль качества непрерывного образования несут профессиональные научно-практические общества;

5) созданию финансовых стимулов для ведения профилактической работы и медико-санитарного просвещения населения в системе здравоохранения;

6) ускоренному внедрению информационных технологий, созданию единых государственных программ информатизации здравоохранения;

7) интеграции социальной службы и медицинской службы в едином министерстве как гарантии эффективного ведения хронических заболеваний, которые дают основную нагрузку на здравоохранение;

8) повышению активности и ответственности региональных служб здравоохранения;

9) вовлечению частного сектора в систему государственного здравоохранения в целях повышения доступности медицинской помощи населению и создания конкуренции государственным учреждениям, которые не всегда эффективно управляют ресурсами, имеющимися в учреждениях системы.

На современном этапе развития здравоохранения в лучшем случае преждевременно говорить об общих стратегических установках, приемлемых для всего Европейского региона и даже для географического субрегиона, тем более что между системами управления здравоохранением в странах западной и восточной его части, да и между самими странами сохраняются значительные расходы и различия в политических, социально-экономических и культурных вопросах.

Поэтому реформирование и развитие здравоохранения в РФ должно осуществляться как на основании европейского опыта, так и с учетом существующих в стране политических и социально-экономических условий.

Однако для того чтобы сделать акцент на правовые вопросы здоровья в рамках общественного развития, а также покончить с различиями в его состоянии среди некоторых групп населения, требуется обеспечить эффективное управление процессом жизненно важных преобразований в системе здравоохранения. При этом рекомендуется предварительно определить, «что» и «почему» для их выполнения надо сделать, а также «как» это будет осуществлено на практике.

Примечания

¹ См.: Глазунова Н. И. Государственное управление : учебник. М.: Муницип. мир, 2004. 456 с.

² Балашова Т. Р. Государственная политика здравоохранения России // Закон и право. 2008. № 8. С. 54–55.

³ См.: Вялков А. И. Управление и экономика здравоохранения : учебник. 4-е изд., доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 145 с.

⁴ Аганбекян А. Г. О стратегии социально-экономического развития и направленности социальных реформ в России // Экон. наука соврем. России. 2005. № 2. С. 18–21.

УДК 323.15

ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОХРАНЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО МИРА В РЕГИОНАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

М. А. Пегашева

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: 164-marinka@rambler.ru, FedyuninaMA@saratov.gov.ru.

Статья посвящена изучению места и роли национальных общественных организаций регионов Нижнего Поволжья (Астраханская, Волгоградская, Саратовская области) в обеспечении этноконфессиональной стабильности, сохранении поликультурного разнообразия и межнационального мира в многонациональном регионе.

Ключевые слова: национальные общественные организации, этноконфессиональные отношения, многонациональный регион.

Potential of National Public Organizations in Preservation the International World in Regions of the Bottom Volga Region

М. А. Pegasheva

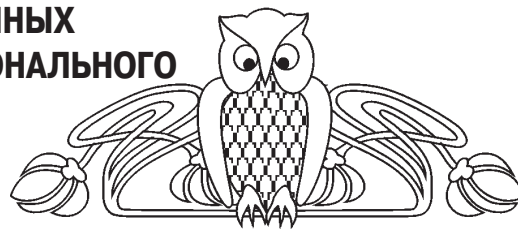
Article is devoted studying of a place and a role of national public organizations of regions of the Bottom Volga region (the Astrakhan, Volgograd, Saratov areas) in maintenance of ethnoconfessional stability, preservation of a polycultural variety and the international world in multinational region.

Key words: national public the organizations, ethnoconfessional relations, international region.

В последнее время на федеральном и региональном уровнях четко наметилась тенденция к повышению взаимной заинтересованности населения и органов власти в диалоге. Свидетельством тому служат выступления высших должностных лиц на совещаниях и деловых встречах, мероприятия, проводимые по инициативе и с участием представителей гражданского общества, конкурсы, направленные на поддержку социально значимых проектов.

Как следствие, растет востребованность в теоретическом изучении гражданского общества, проработке его возможностей в решении актуальных вопросов общественно-политического, этноконфессионального, социально-экономического, культурного развития. Это позволяет выявить направления и технологии использования органами власти в своей деятельности потенциала общественных институтов и применять полученные теоретические знания и эмпирический опыт в практической плоскости.

Наше исследовательское внимание, в первую очередь, направлено на изучение места и роли национальных общественных организаций регионов Нижнего Поволжья (Астраханская, Волгоградская, Саратовская области) в обеспе-

чении этноконфессиональной стабильности, сохранении поликультурного разнообразия и межнационального мира в многонациональном регионе. Это обусловлено необходимостью обобщения и выработки механизма использования большого потенциала национальных общественных организаций в сохранении уравновешенного межнационального и межконфессионального состояния.

Следует отметить, что, употребляя в данной работе понятие «национальные общественные организации», мы имеем в виду национально-культурные объединения, национальные культурно-просветительские центры, национально-культурные автономии, общества национальных культур, другие аналогичные организации.

Для Нижневолжского региона характерно масштабное объединение наиболее активных представителей различных этносов в национальные общественные организации, которые активно взаимодействуют с органами государственной власти и местного самоуправления. Так, по данным на 2010 г., в Саратовской области зарегистрированы в качестве юридических лиц 58 национально-культурных объединений и 9 национально-культурных автономий¹. В Астраханской области мирно соседствуют 17 обществ национальных культур, 155 общественных объединений², в том числе национальных общественных. В Волгоградской области работают 46 национальных общественных объединений³.

Организации ведут активную культурную, информационную, просветительскую работу среди населения по интеграции своих соотечественников, приехавших на территорию исследуемых областей на постоянное место жительства или для трудовой деятельности.

Национальные общественные организации выполняют ряд важных функций, направленных на обеспечение условий для удовлетворения социальных и этнокультурных потребностей народов, проживающих на изучаемой территории, сохранение и развитие родных национальных языков, культур, истории, традиций, обычаев, ценностей и гармонизацию отношений между народами. Поскольку одним из приоритетов деятельности органов государственной власти и местного самоуправления выступает эф-

фективная работа по укреплению межнациональной солидарности, грамотной реализации национальной политики, налаживание конструктивного диалога между национальными общественными организациями и институтами власти необходимо.

С этой целью лидеры и активисты национальных общественных организаций принимают участие в работе различных общественных структур, способных оказать влияние на процесс принятия управленческих решений, дополнить его процедурой общественного, экспертного согласования и (или) контроля.

В Саратовской области наибольший исследовательский интерес вызывает деятельность Совета по взаимодействию с национальными объединениями при губернаторе области⁴. В этом совещательном органе тесно взаимодействуют и координируют свою работу представители национальных общественных организаций Саратовской области, руководители органов исполнительной власти, представители экспертного сообщества.

Совет оказывает содействие органам государственной власти и местного самоуправления в разработке стратегии социального и национально-культурного развития Саратовской области, укреплении межнационального согласия, развитии межэтнического и межкультурного сотрудничества, способствует профилактике и противодействию проявлениям межнациональной розни на территории региона, выявлению фактов пропаганды экстремизма, поддерживает эффективное взаимодействие национальных диаспор с органами власти всех уровней. Также в рамках деятельности Совета находят свое решение вопросы в сфере миграционных отношений.

Новый формат взаимоотношений органов государственной власти и институтов гражданского общества Саратовской области, в частности национальных общественных организаций, нашел отражение и в работе других общественных структур: например, Ассамблеи народов Саратовской области, Ассоциации национально-культурных объединений Саратовской области, Общественной палаты области, Экспертном совете при правительстве области. В их рамках проводятся совещания, круглые столы, конференции, тематические встречи, на которых обсуждаются различные вопросы этноконфессиональных отношений, происходит совместная разработка рекомендаций органам государственной власти и местного самоуправления по реализации политики в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений.

Также лидеры национальных общественных организаций осуществляют выезды в муниципальные районы области с целью проведения встреч с местными национальными диаспорами и представителями общественных

структур, курирующими сферу межнациональных отношений. Многие лидеры национальных общественных организаций работают в рамках развития этнографического комплекса «Национальная деревня народов Саратовской области», выстраивая и оформляя национальные подворья, рассказывающие о традициях и обычаях различных народов, проживающих в Саратовской области.

В Астраханской области действует несколько общественных структур, работая в которых национальные общественные организации имеют возможность позитивно повлиять на сохранение межнационального мира и солидарности, развитие взаимного сотрудничества и укрепление традиции добрососедского проживания. Одной из таких структур является Этноконфессиональный совет при губернаторе Астраханской области⁵.

Совет создан для обеспечения постоянного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с национальными и религиозными объединениями и призван координировать деятельность национальных общественных организаций и религиозных объединений. На заседаниях Совета обсуждается конкретная тема, актуальная в современных условиях. Участники выступают с рекомендациями и предложениями. Все инициативы отражаются в итоговом документе, который носит рекомендательный характер и используется в работе органами государственной власти, местного самоуправления и институтами гражданского общества.

Также лидеры национальных общественных организаций в рамках реализации Этноконфессиональным советом своих полномочий принимают участие в разработке областных целевых программ в части сохранения и развития родных языков и культуры.

Национальные общественные организации имеют и другие возможности участвовать в сохранении межнационального мира в полиэтническом регионе, каким является Астраханская область. Это Совет по вопросам проведения государственной религиозно-экспертной экспертизы, Общественная палата области.

Что касается изучения роли национальных общественных организаций в укреплении межнациональной и межконфессиональной стабильности Волгоградской области, то следует отметить, что работа по созданию системы взаимодействия органов власти и общества в деле сохранения стабильных межнациональных и межконфессиональных отношений особенно активизировалась в последние годы.

Национальные общественные организации Волгоградской области привлекаются к работе таких структур, как Общественная палата Волгоградской области, Консультативный совет по национальной политике и другие.

Консультативный совет по национальной политике был создан только в 2010 году⁶. Большой интерес для анализа представляет Общественная палата Волгоградской области⁷. Она, на наш взгляд, и выступает важнейшей площадкой для диалога органов исполнительной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления, общественных организаций региона.

Задача Общественной палаты – обеспечить согласование общественно значимых интересов жителей области, общественных и национальных общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов, в том числе касающихся сохранения межнационального мира и согласия. Для реализации этой задачи Общественная палата организует и проводит форумы и слушания по актуальным вопросам общественной жизни, ежегодно подготавливает и публикует доклад о состоянии гражданского общества в Волгоградской области, реализует функции гражданского контроля, проводит общественную экспертизу нормативно-правовых актов и их проектов, принимает участие в разрешении возникших затруднений и сложностей в развитии межнациональных отношений.

Общественная палата имеет многоступенчатую технологию формирования⁸, что позволяет ей быть структурой, не ангажированной какой-либо силой. Всего в составе Общественной палаты 30 представителей общественности Волгоградской области⁹. Структурно общественная палата состоит из профильных комиссий, являющихся основными рабочими органами.

Подводя итог, подчеркнем: во всех исследуемых регионах наблюдается высокая активность национальных общественных организаций, которые ведут большую самостоятельную работу по сохранению межнационального мира и согласия, гармонизации этноконфессиональных отношений, профилактике межнациональных конфликтов, популяризации национальных культур. Представители национальных общественных организаций выступают инициаторами и организаторами проведения национальных праздников с приглашением гостей всех национальностей, благотворительных и творческих вечеров. Их силами организуются презентации сборников национального творчества, этнографические выставки, встречи с выдающимися представителями различных народов, творческие и спортивные конкурсы. Многие национальные общественные организации имеют молодежные отделения, которые также проводят самостоятельные мероприятия.

Вместе с тем национальные общественные организации конструктивно сотрудничают с органами государственной власти и местного самоуправления. Привлечение лидеров нацио-

нальных общественных организаций к работе в сотрудничестве с органами власти всех уровней – это последовательный шаг в использовании потенциала лидеров национальных общественных организаций в сохранении межнациональной и межконфессиональной стабильности в полиэтническом регионе, в деятельности по оптимизации влияния миграционных процессов на общественную жизнь. Роль национальных общественных организаций определяется большим потенциалом сохранения сплоченности на многонациональных территориях, таких как регионы Нижнего Поволжья, укрепления взаимодействия различных социальных групп и многолетним эффективным опытом общественной работы. Они напрямую работают с конкретными социальными группами и национальными диаспорами, знают их интересы и проблемы, лучше понимают перспективы и пути решения вопросов общественно-политической, культурной, социально-экономической жизни общества.

Особенно ценным мы считаем поддержание недавно наметившейся тенденции к повышению позитивной активности институтов гражданского общества на местном уровне, ведь именно здесь наблюдаются главные тенденции развития этноконфессиональных взаимоотношений. Налаживание эффективного сотрудничества национальных общественных организаций с органами местного самоуправления поможет последним глубже понять местную специфику развития этноконфессиональных отношений, а значит принять верные и взвешенные решения.

В целом деятельность национальных общественных организаций является исключительно важной для сохранения культурно-исторического наследия, формирования атмосферы межнационального сотрудничества и доверия, распространения идей духовного единства и дружбы народов на территории исследуемых областей. Деятельность национальных общественных организаций создает условия для наиболее полной реализации потенциала всех участников общественно-политического процесса в межнациональной сфере, обеспечивает возможности диалога представителей различных национальностей, эффективного сотрудничества национальных общественных объединений с органами власти и между собой.

Примечания

- ¹ Правительство Саратовской области [официальный сайт]. URL : www.saratov.gov.ru (из видеоматериалов заседания Правительства Саратовской области от 6 октября 2010 года)
- ² Официальный сайт органов местного самоуправления города Астрахани. URL : <http://www.astrgorod.ru/index.php?razd=440>.

- ³ Волгоградский информационный сервер. URL : <http://www.infovolgograd.ru/business/business41.htm>
- ⁴ Постановление Губернатора Саратовской области «О создании Совета по взаимодействию с национальными объединениями при Губернаторе Саратовской области» от 23.08.2006 № 145 // Саратовская областная газета, официальное приложение. 2006. № 25. 1 сент.
- ⁵ Постановление Губернатора Астраханской области «Об Этноконфессиональном Совете при Губернаторе Астраханской области» от 26.09.2005 года № 576 (в ред. Постановлений Губернатора Астраханской области от 22.04.2008 № 213) // Астраханские известия. 2005. № 40. 06 окт.
- ⁶ Постановление Главы Администрации Волгоградской области «О консультативном совете по национальной политике при Главе Администрации Волгоградской области» от 03.09.2010 № 1466 // Волгоградская правда. 2010. № 166. 8 сент.
- ⁷ Закон Волгоградской области «Об Общественной палате Волгоградской области» от 14.03.2008 № 1647-ОД // Волгоградская правда. 2008. № 52. 26 марта.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.